

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ

№3 (64) / 2013

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

А.М. Горлатов (*главный редактор*),
З.А. Харитончик (*зам. главного редактора*),
П.В. Васюченко, Т.С. Глушак, Т.И. Голикова, Е.В. Зарецкая,
Г.Ф. Лепесская, Т.П. Карпилович, С.Е. Кунцевич, В.В. Макаров,
А.Н. Степанова, О.А. Судленкова

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Аль Шибани Дж.</i> Средства выражения отрицания и категоричность высказывания в дипломатическом дискурсе	6
<i>Гутовская М.С.</i> К проблеме выбора фразеологического концепта для лингвокогнитивного изучения	13
<i>Кардубан Ю.М.</i> Дэрывацыйны патэнцыял абрэвіятур у англійскай і беларускай мовах	20
<i>Карпук Г.В.</i> Вербальные и невербальные апелляции к библейским прецедентным ситуациям в рекламных сообщениях	30
<i>Ковалевская И.И.</i> Диалог как стратегия перевода текста	40
<i>Конашенко Е.И.</i> Синтаксические стилистические средства в текстах публичных выступлений	46
<i>Ласка И.В.</i> Риторика и становление науки о переводе во Франции XVII века	56
<i>Федосеева В.М.</i> Способы перевода окказиональных словосочетаний с русского языка на английский (на материале перевода романа Б. Пастернака «Доктор Живаго»)	65
<i>Шевцова А.К.</i> Чередование коммуникативных ролей в дискурсе белорусских и британских радиодискуссий	71

Романское и германское языкознание

<i>Абраменкова М.П.</i> Преморфологические формы грамматической парадигмы наречий образа действия в современном французском языке	79
<i>Кохнович Т.К.</i> Вопросно-ответные высказывания с противоречащими интенциями (на материале современного немецкого языка)	86
<i>Крючкова А.Е.</i> Типы значения имени собственного как индивидуализирующего знака (на материале исторических, литературных, мифологических и библейских имен во французском языке)	93
<i>Могилевцев С.А.</i> Разговорность в британском новостном телевизионном дискурсе: лексический аспект	100
<i>Радецкий Е.Н.</i> Лексико-семантические группы интенсификаторов в древнеанглийском языке	109

Исследования славянских языков

<i>Арцёмава В.А.</i> Агульнае і нацыянальна-спецыфічнае ў рэпрэзентацыі катэгорыі <i>прастора</i> ў беларускай і англійскай фразеалогіі	118
<i>Васильева Т.Ю.</i> Объем и структура семантического поля «Местонахождение» в ойконимии Белорусского Поозерья	127

Проблемы прикладной лингвистики

<i>Hetsevich Yu.S., Skopinava A.M.</i> Transforming Quantitative Expressions with Measurement Units into Orthographical Words for Text-to-Speech Synthesis to Belarusian and Russian Text-to-Speech Synthesis	133
<i>Степанова Д.В.</i> Корпусный подход к формализации процесса перевода английских терминологических словосочетаний по вычислительной технике на русский язык.....	144

Литературоведение

<i>Криштон И.С.</i> Мотив пути в поэтических произведениях Эдны Миллей и Констанции Буйло.....	153
<i>Юрчук Е.А.</i> Теоретические аспекты постколониальных студий.....	160
<i>Наши авторы</i>	167

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Al Shibany J.</i> Means of Expressing Negation and Categorical Force of the Utterance in Diplomatic Discourse	6
<i>Gutovskaya M.S.</i> On the Problem of Choosing a Phraseological Concept for Linguistic Cognitive Study.....	13
<i>Karduban Y.M.</i> The Derivational Potential of Abbreviations in English and Belarusian.....	20
<i>Karpuk G.V.</i> Verbal and Non-verbal Appeals to Biblical Precedent Situations in Advertising Messages.....	30
<i>Kovalevskaya I.I.</i> Dialogue as Translation Strategy.....	40
<i>Kanashenka K.I.</i> Syntactic Stylistic Devices in Public Speeches.....	46
<i>Laska I.V.</i> Rhetoric and Translation Studies in the XVII century France.....	56
<i>Fedoseeva V.M.</i> Ways of Translating Russian Unpredictable Collocations from B. Pasternak's Prose into English	65
<i>Shevtsova A.K.</i> Communicative Turn-Taking in the Discourse of Belorussian and British Radio Discussions	71

Romance and Germanic Linguistics

<i>Abramenkova M.P.</i> Premorphological Forms of Grammatical Paradigm of Adverbs of Manner in French.....	79
<i>Kokhnovich T.K.</i> Question-answer Utterances with Contradictory Intentions	86
<i>Kruchkova H.E.</i> Types of the Proper Names Meaning (on the Material of Historical, Literary, Mythological and Biblical Names in the French Language)	93
<i>Mogilevtsev S.A.</i> Colloquial Aspect of British Television News Channels Discourse: Lexical Analysis	100
<i>Radetsky E.N.</i> Lexico-Semantic Groups of Intensifiers in Old English.....	109

Slavonic Languages

<i>Artsiomava, V.A.</i> The Common and the National Specificity in the Representation of the Category of Space in Belarusian and English Phraseology.....	118
<i>Vasilieva T.Y.</i> Volume and Structure of the Semantic Field "Location" in the Belarusian Poozerje Oykonymy	127

Applied Linguistics

<i>Hetsevich Yu.S., Skopinava A.M.</i> Transforming Quantitative Expressions with Measurement Units into Orthographical Words for Text-to-Speech Synthesis to Belarusian and Russian Text-to-Speech Synthesis.....	133
<i>Stepanova D.V.</i> A Corpus-based Approach to the Automatic Multi-Word Term Extraction from English Texts on Computer Technology and their Translation into Russian.....	144

Studies in Literature

<i>Krishtop I.S.</i> Motif "Way" in E. Millay and K. Bujlo's Poetry.....	153
<i>Yurchuk E.A.</i> Theoretical Aspects of Postcolonial Studies	160
<i>Our authors</i>	167

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Аль Шибани Дж.

**СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ И КАТЕГОРИЧНОСТЬ
ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Анализируются средства выражения отрицания и их влияние на усиление категоричности высказывания в дипломатическом дискурсе на русском и арабском языках. Приведена классификация глаголов, которые часто используются в отрицательной форме в дипломатическом дискурсе. Подробно рассмотрены общеотрицательные высказывания с предикатами ментальной деятельности, состояния и модальными глаголами возможности. Выявлены факторы, которые способствуют повышению категоричности высказывания с отрицательными предикатами, а также другие языковые средства и способы, усиливающие прагматический потенциал отрицательных высказываний в дипломатическом дискурсе: отрицательные местоимения, наречия, союзы, двойное отрицание, параллельные синтаксические структуры.

Отрицание как одна из универсальных языковых категорий находит выражение в той или иной форме практически во всех языках мира. Под отрицанием многие лингвисты понимают “выражение при помощи лексических, фразеологических, синтаксических и др. средств языка того, что связь, устанавливаемая между элементами высказывания, реально не существует (мыслится в речи как реально не существующая)” [1, с. 302–303].

Вместе с тем единого подхода к трактовке данной категории в языкознании не существует. Поскольку языковыми средствами выражения этой категории являются отрицательные слова, отрицательные префиксы, отрицательная форма глагола, то внимание языковедов долгое время было сосредоточено именно на семантических и формально-грамматических характеристиках отрицательных высказываний [2; 3; 4; 5].

Так, в семантической концепции признается, что отрицание представляет собой рассмотрение связей действительности человеком, которое основывается на контрасте с положительными фактами. Иными словами, отрицание отражает факт отсутствия во времени и пространстве явления, предмета или их свойств в реальной действительности [3]. Однако такая трактовка семантики отрицания и отрицательного высказывания оказывается по сути непосредственно связанной с их прагматикой, с коммуникативными интенциями адресанта, поскольку он оценивает положение дел и сообщает об этом адресату. Более того, ряд лингвистов утверждают [6; 7], что в качестве конечной цели адресанта отрицательного высказывания выступает не просто сообщение информации, а опровержение, отказ, несогласие, отклонение, корректировка предполагаемого мнения или суждения адресата.

Однако несмотря на большое количество работ, посвященных теории отрицания, в современных лингвистических работах нет полных описаний

специфики данной категории в различных языках, остается малоизученной роль отрицания в формировании прагматического потенциала высказываний и, в частности, ее связи с прагматической категорией категоричности/некатегоричности в различных типах текста и дискурса. Данная прагматическая категория опирается на такие коммуникативные принципы, как принцип кооперации, принцип вежливости, принцип толерантности [8]. Следование им в процессе общения влечет порождение некатегоричного высказывания. Отклонение же от них в пользу отстаивания собственных взглядов и некоторого подавления мнения собеседника вызывает *категоричность высказывания*. В категоричных высказываниях говорящий настойчиво отстаивает свою точку зрения, в то время как в некатегоричных он, используя прием коммуникативного смягчения, намеренно выражает сомнение в правильности своих убеждений.

В институциональном дискурсе, например, в дипломатическом, некатегоричность высказывания не всегда связана с действительной неуверенностью говорящего в содержательной стороне высказывания; некатегоричность способствует поддержанию эффективного сотрудничества и достижению соглашения в процессе обсуждения актуальных международных проблем. Категоричные же высказывания, демонстрирующие бескомпромиссную позицию говорящего, с одной стороны, способствуют четкому формулированию позиции стороны, с другой – могут быть расценены как пренебрежение мнением адресата. Таким образом, анализ различных типов высказываний с позиции категоричности/некатегоричности позволяет выявить характер коммуникативного намерения говорящего.

Несомненный интерес представляет установление вклада различных средств отрицания в реализацию коммуникативных намерений участников общения в дипломатическом дискурсе, являющимся одним из важнейших в социальном плане типов институционального дискурса, который должен обеспечить достижение внешнеполитических целей государства, заключение различных договоренностей между странами, а также разрешение конфликтов.

В качестве материала данного исследования послужили тексты публичных выступлений российских и арабских дипломатов (Ирака, Ливии, Катара, Саудовской Аравии, Сирии и др.), а также тексты пресс-конференций с их участием. Проведенный анализ показал, что средствами выражения категории отрицания в этих текстах являются отрицательные частицы, отрицательные местоимения и наречия, лексические единицы с отрицательными префиксами и лексические единицы с отрицательным значением.

Наиболее употребительным средством выражения отрицания в дипломатическом дискурсе на обоих языках оказались отрицательные частицы, которые чаще всего употребляются перед сказуемым. В результате образуются так называемые общеотрицательные высказывания, которые выражают полное отрицание событий, действий, явлений. Например:

Иначе нам **не удастся** осуществить оздоровление российско-американского диалога, что в силу особой ответственности наших стран отвечает интересам всего международного сообщества [A1];

لا أبداً، نحن كسوريين لا نقبل أن يقف الرئيس ساركوزي في القاهرة، ويقول ما قاله عن سوريا

– ‘Нет, никогда мы, сирийцы, **не признаем** выступление президента Саркози в Каире и то, что он сказал о Сирии’ [A2].

Анализ семантики глаголов, которые используются в отрицательной форме в дипломатическом дискурсе, позволил установить ряд семантических классов таких глаголов: глаголы ментальной деятельности (*знать, представлять, учитывать, рассматривать*; لم ‘знать’, قدم ‘представлять’, اخذ بعين الاعتبار, ‘учитывать’, تطلع ‘рассматривать’; волеизъявления (*хотеть, желать*; ‘хотеть’, اراد ‘желать’, رغب ‘желать’); глаголы физического действия (*создавать, предпринимать, размещать*; انشا ‘создавать’, اتخذ ‘предпринимать’, وضع ‘размещать’); речевой деятельности (*говорить*; يتكلم ‘говорить’); выражающие причинно-следственные отношения (*вызывать, влиять*; اثار على ‘вызывать’, دعا ‘влиять’); принуждения (*навязывать, посягать*; اصبحت ‘навязывать’, تجاوز ‘посягать’); глаголы состояния (*быть, являться*; يكون ‘быть’, حضر ‘являться’); оценки (*красить, لون* ‘красить’ и др.). При этом наиболее употребительными в дискурсе на обоих языках оказались глаголы ментальной деятельности и глаголы состояния.

Общеотрицательные высказывания с ментальными предикатами передают незнание говорящим какого-либо факта или негативное мнение, которое высказывают дипломаты по поводу какого-либо внешнеполитического события, отражая тем самым позицию своего государства по той или иной проблеме. Степень выражения категоричности в таких высказываниях зависит, на наш взгляд, как от значения глагола, так и от характера субъекта (подлежащего). Так, высказывания с глаголами знания являются нейтральными с точки зрения выражения категоричности, например: **Не знаю, что заставило вас именно так сформулировать свой вопрос, но постараюсь помочь вам разобраться в том, какие отношения у России с ее партнерами** [A3];

والله لا أعرف. من جانبنا دائماً أي أحد يدعونا لأي مؤتمر نحضر، يعني؟ ما نحرده؟، وإذا عندنا وجهة نظر نقولها في المؤتمر، وإذا أحد يمد يده ذراع نمدها متر.

‘Клянусь, я не знаю! Если нас приглашают участвовать в конференции, то мы участвуем. Это значит, что мы не обижаемся. И если у нас есть точка зрения, то мы высказываем ее на конференции. И если нам кто-то помогает, то и мы им помогаем, и даже больше’ [A4].

В то же время высказывания с отрицательными предикатами мнения звучат категорично, особенно в тех случаях, когда субъект выражен личным местоимением я или мы; نحن ‘мы’, ان ‘я’, поскольку они отражают мнение

либо самого дипломата, либо того правительства, которое он представляет. Например: *Мы* ведь никогда **не** говорили, что у нас есть монополия на ту или иную страну, на то или иное геополитическое пространство [A5];

لا نهدف لدور يماني ولكن هدفنا المحافظة علي وحدة الصف الفلسطيني.

‘Мы не рассматриваем роль Йемена, но наша цель – сохранение единства палестинских рядов’ [A6].

Другим наиболее употребительным классом глаголов в дипломатическом дискурсе на русском и арабском языках являются глаголы состояния *быть*, يكون ‘быть’, *являться*, حضر ‘являться’, например: *Этот договор сам по себе был неплох, но он полностью выполнен и перевыполнен и уже не является эффективным средством контроля в области стратегических вооружений* [A7];

المشكلة في العراق ليست مشكلة الاختلافات الدينية أو القومية .

‘Проблема в Ираке не является проблемой религиозных или национальных различий’ [A8].

Степень категоричности высказываний с отрицательными предикатами всех выявленных групп усиливается, если им предшествует модальный глагол *мочь*; استطاعه ‘мочь’: *Тем не менее нацизм как политическое течение у нас не существует и не может существовать* [A5],

هو كان ضيفاً من ضمن ضيوف كثيرين حاضرين لا أعرف لأي مناسبة قام بها السفير، وكان منهم ونحن عادتنا ندعو كل السفراء المعتمدين في أي دولة أجنبية. نحن في الأمم المتحدة نجلس جنب إسرائيل ولا يستطيع أي أحد أن ينكر هذا الموضوع.

‘Он был гостем среди многих гостей и, **я не знаю**, по какой причине он прибыл, но в любом случае послом, которого мы обычно приглашаем, послом, аккредитованным в любой стране. Мы в Организации Объединенных Наций стоим на стороне Израиля, и **никто не может** отрицать этого’ [A4].

К этому же классу отрицательных предикатов относится и безлично-предикативное слово *нет*, которое используется в высказываниях, отражающих факт отсутствия предмета, явления или его свойства и качества в реальной действительности, с точки зрения говорящего. Например: *Ну а что касается событий августа, то нет недостатка в фактах, которые в изобилии были предоставлены российской стороной* [A3].

كلا .. الخلافات تكمن في السياسات، والسياسات هي وجهات نظر .

‘Нет, различия заключаются в политике, а политика – это точка зрения’ [A4].

В одном высказывании с отрицательными предикатами встречаются и отрицательные местоимения, которые всегда употребляются с предикатами в отрицательной форме. Подобное сочетание различных лексико-грамматических средств выражения отрицания в одном высказывании значительно повышает его категоричность и, соответственно, прагматический

заряд: *Кстати, после достижения договоренностей 1999 на Косово **никто не напал**; Россия **никому не навязывает** свою позицию; Мы свою часть договоренности выполнили. М.Саакашвили **не выполнил ничего*** [A3];

نحن بلد مستقل ونختار علاقاتنا حسب مصالحنا الوطنية، ولا أحد يستطيع أن يملي علينا
من نصادق ومن نعادي

‘Мы являемся независимой страной, и мы выбираем наши национальные интересы, **никто не может** диктовать нам ... [A9].

Категоричность высказываний с отрицательными предикатами в дипломатическом дискурсе может усиливаться и другими средствами выражения отрицания:

• наречиями (*Ситуация там **не только** не претерпела кардинальных изменений, но именно оттуда по Европе начинает распространяться новая волна ксенофобии*);

ولقد ظل العالم العربي يتمتع بأهميته الاستراتيجية ليس فقط بالنسبة للاقتصاد العالمي وما يتمتع به من مصادر للطاقة ولكن من منظور أمني كذلك مما جعل هذه المنطقة مؤثلاً لفرص عظيمة ومستودع لتحديات
جسام

‘Арабский мир по-прежнему имеет стратегическое значение **не только** для мировой экономики, для которой он является источником энергии, но с точки зрения безопасности этот регион выгоден для обитания и больших возможностей’ [A10];

• союзами (*Главное – то, что мы живем в эпоху глобализации, когда есть широкое понимание, что **ни** одно государство, **ни** какая-либо группа или объединение государств не в состоянии самостоятельно решить ни одну из актуальных международных проблем*);

لا أحد يحل محل اللبنانيين إطلاقاً لا سوريا ولا السعودية ولا أمريكا ولا فرنسا إذا لم يتوافق اللبنانيون لن
نصل إلى حل مستقر، من هنا أنا قلت أن الرئيس ساركوزي تسرع في إصدار حكمه من القاهرة.

‘**Никто** никогда **не** сможет вмешаться в ливанские дела: **ни** Сирия, **ни** Саудовская Аравия, **ни** Америка, **ни** Франция, – если **не** договорятся с ливанцами и **не** примут стабильного решения. Исходя из этого, я бы сказал, что президент Саркози был поспешен в своих выводах в Каире’ [A9].

Глаголы всех семантических классов могут входить в состав модального сказуемого и в результате приобретать различные модальные оттенки, среди которых наиболее частотны значения возможности и необходимости. Так, в следующем высказывании российского дипломата выражается твердая позиция государства по поводу изменений в расстановке вооружений: *Очевидно, что Россия **не может игнорировать** приближение военной инфраструктуры стран НАТО к своим границам. А в высказывании арабского дипломата указываются условия, при которых возможно достижение внешнеполитических целей государства:*

في الحقيقة، لا يمكن أن تتحقق هذه الغايات إذا لم يتم تجاوز التحدي الأكبر الذي يواجهنا وهو العجز حتى
الآن في تسوية القضية الفلسطينية والصراع في الشرق الأوسط.

‘На самом деле, эти цели **не могут быть** достигнуты, если **не будет** преодолена самая большая проблема, стоящая перед нами, – неспособность до сих пор урегулировать палестинскую проблему и конфликт на Ближнем Востоке’.

Высказывания с модальными глаголами возможности могут содержать двойное отрицание, результатом чего является общее значение экспрессивного утверждения, которое приобретает высказывание: *Если эти проекты были подсказаны американскими военными, то они **не могли не понимать**, как на них отреагируют российские военные; <...> это **не может не вызвать** вопроса о том, чего добиваются в альянсе. Такая политика **не может не влиять** на характер наших взаимоотношений.*

Если наречие *можно* (в значении ‘возможно’) используется в контексте с глаголом пропозициональной установки в отрицательной форме, то, хотя предложение имеет отрицательное значение, категоричность высказывания снижается. Например:

لا أعتقد أن بالإمكان تحديد إطار زمني محدد لبلوغ المرحلة التي ننشدها لإخوتنا في العراق بسبب تعدد وتشابك الأسباب وتقاطع الاتجاهات سواء الوطنية أو الجوارية أو الدولية

‘Я не думаю, что можно определить конкретные сроки для достижения поставленной цели’...

Усиление прагматического воздействия отрицательных высказываний достигается также с помощью синтаксического параллелизма, при котором повторение сказуемых, выраженных предикатами отрицания, позволяет дать полную и всестороннюю оценку внешнеполитической инициативе государства: *Наша инициатива **не претендует** на подмену механизмов, уже действующих на межцивилизационном поле, **не посягает** на чьи-либо прерогативы, **не преследует** цель создать для кого бы ни было доминирующие позиции в межрелигиозном диалоге.*

В целом проведенный анализ показал, что отрицательные высказывания в дипломатическом дискурсе на русском и арабском языках не просто сообщают об отсутствии тех или иных предметов или явлений в объективной действительности. Их назначение состоит в опровержении высказанных ранее суждений участников коммуникации или их предполагаемых мнений по поводу обсуждаемых проблем. Прагматический эффект высказываний с отрицательными предикатами зачастую усиливается за счет употребления в одном высказывании иных средств выражения отрицания (местоимений, наречий, союзов), что способствует усилению категоричности высказывания и повышению его экспрессивности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 5-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 576 с.
2. Падучева, Е.В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка / Е.В. Падучева. – М. : Наука, 1974. – 270 с.

3. Сусов, И.П. Семантика и прагматика предложения : учеб. пособие / И.П. Сусов. – Калинин: Калинин. гос. ун-т. – 1980. – 52 с.
4. Бондаренко, В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория / В.Н. Бондаренко. – М. : Наука, 1983. – 1983. – 212 с.
5. Эйхбаум, Г.Н. Информация в отрицательных предложениях / Г.Н. Эйхбаум // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1989. – С. 113–124.
6. Никифорова, Л.В. Семантические и прагматические свойства отрицательных высказываний: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.В. Никифорова ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2000. – 22 с.
7. Николаева, М.Н. О соотношении семантического и прагматического аспектов отрицания: На материале англоязычных текстов публицистического стиля: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Н. Николаева. – М., 1995. – 21 с.
8. Гущина, Г.И. Категорические и некатегорические высказывания в диалогической речи: на примере русских и английских художественных текстов первой половины XX в.: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.20 / Г.И. Гущина ; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2009. – 178 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- A1 – Вступительное слово министра иностранных дел России С.В. Лаврова в Фонде Карнеги, Вашингтон, 7 мая 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ln.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/74dbdbd714e03c8ac32575b5002f4fc6. – Дата доступа : 15/4/2010.
- A2 – Интервью с Валид Муаллем (министром иностранных дел Сирии) 05.03.2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://an-lb.com/>. – Дата доступа : 15.4.2010.
- A3 – Интервью министра иностранных дел России Русской службе “Би-Би-Си”, 23 апр. 2009 г. [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://newspmr.com/novosti-rossii/2162>. – Date of access : 03.09.2009.
- A4 – Диалог Его Превосходительства шейха Хамад бен Джасем бен Джабера Аль Тани, премьер-министра и министра иностранных дел в программе «Без границ» на Al Jazeera. 24.6.2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.mofa.gov.qa/mini.
- A5 – Интервью министра иностранных дел России С.В. Лаврова по вопросам внешней политики России, «Российская газета», 6 апр. 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.russianembassy.org.il/article.php?id=530>. – Дата доступа : 21.07.2009.
- A6 – Диалог не остановился, а продолжается между ХАМАС и Израилем, между Сирией и Израилем. 12.07.2008 [Электронный ресурс]. – Дата доступа : 15.4.2010.
- A7 – Его Королевское Высочество принц министр иностранных дел Саудовской Аравии Сауд аль-Фейсал. Чрезвычайная арабская встреча в Сирте. Октябрь 2010 [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://www.mofa.gov.sa/ABOUTKINGDOM/Pages>. – Date of access : 28.03.2011.

A8 – Интервью с послом Ирака. 20.02.2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.ana-news.ro/.../47. – Дата доступа : 15.4.2010.

A9 – Министр иностранных дел Сирии Валид аль-Муллем. Интервью. 03.05.2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://an-lb.com/>. – Дата доступа : 08.09.2009.

A10 – Выступление министра иностранных дел на заседании «Перспективы сотрудничества между арабскими странами и странами Dzalbasevik» 06.25.2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.mofa.gov.ae/.../fa. – Дата доступа : 28.06.2010.

The article considers the pragmatics of utterances with negative predicates in diplomatic discourse in Russian and Arabic. Semantic classes of negative predicates are presented and means of enhancing the categorical force of the analyzed utterances are discussed.

Поступила в редакцию 07.05.13

М.С. Гутовская

К ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА ДЛЯ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО ИЗУЧЕНИЯ

В статье рассматривается фразеологическая картина мира (ФКМ) и особенности ее концептуальной организации. Предпринимается попытка выработать решение двух актуальных вопросов теории и методологии современной когнитивной лингвистики – взаимосвязанных проблем определения принципов вычленения из ФКМ отдельного фразеологического концепта и выбора фразеологического концепта, представляющего интерес для лингвокогнитивного исследования.

Центральной темой когнитивной лингвистики является языковая картина мира, т.е. вопрос о содержащихся в национальном языке представлениях о мире, специфическом для каждого языка (и «прививаемом» всем его носителям) способе восприятия и концептуализации мира. Языковая картина мира (ЯКМ) дискретна и складывается из языковых концептов, которые в отличие от ЯКМ в целом вполне доступны для обозрения и потому обычно становятся объектом лингвокогнитивных исследований. Принципы вычленения из ЯКМ отдельных концептов на сегодняшний день остаются не определенными. Неясность методов экстракции концептов и вытекающая из этого противоречивость в оценке количества концептов в отдельной национальной ЯКМ считается одной из нерешенных проблем теории и методологии современной лингвистической когнитивистики [1, с. 29–31]. Предлагаемая работа посвящена рассмотрению фразеологической картины мира (ФКМ) – упорядоченной совокупности закрепленных во фразеологической семантике знаний о мире, выражающих особенности национального мировидения, – и ее концептуальной организации. В работе предпринимается

попытка определить основания выделения из ФКМ отдельных фразеологических концептов, установить перечень характеристик концепта, гарантирующих перспективность его исследования в лингвокогнитивном аспекте. В связи с вопросом ФКМ и фразеологического концепта в работе также затрагиваются понятия ЯКМ и языкового концепта.

Языковая картина мира. ЯКМ является когнитивным, ментальным конструктом и представляет собой выстроенный в языковом сознании образ мира. Языковые концепты (составляющие ЯКМ) – некоторые сгущения, выделения на языковой картине мира. ЯКМ и ее концепты как образования идеальные, не данные в непосредственном наблюдении, вербально овнешнены, материализованы в единицах языка и выражены в их значениях и, соответственно, могут быть реконструированы на основе языковой семантики. Однако образуемая языковыми значениями ЯКМ не тождественна семантической системе языка. «По отношению к семантической системе языка ЯКМ представляет собой некоторый конструкт, формирующийся в коллективном сознании носителей языка на основе укрупнения, обобщения и сгущения языковых значений и категорий. Эти сгущения языковых значений происходят вокруг крупных и сложных смыслов – тех, которые исследователи определяют как ключевые и связывают с лексически активными словами. ЯКМ и ее концепты представляют собой концентрированную схему ключевых знаний (“идей”, “фреймов”, “лейтмотивов” и т.п.) и этико-поведенческих предписаний (“скриптов” и “сценариев”), содержащихся в семантике языка. Говорящие усваивают эти сгустки знания и модели поведения не осознанно – в ходе усвоения языка и социализации, а лингвисты стремятся эксплицировать ЯКМ на бумаге (отобразить “силовые линии” в семантике языка)» [1, с. 29].

Изучается ЯКМ и ее концепты только по данным языка, но не речи (т.е. текстов о том или ином элементе ЯКМ на данном языке). Привлечение для экспликации ЯКМ исключительно языковых значений, а не смысловых обертонов, возникающих в письменных и устных текстах, позволяет отграничить ЯКМ от других картин мира – литературной, фольклорной, философской и т.п.¹ Материалом для реконструкции ЯКМ могут служить такие факты языка, как слова, фразеологизмы, словообразовательные средства, грамматические формы, синтаксические конструкции, правила лексико-семантической сочетаемости, просодии и т.п. [4, с. 34]. Особенности воспроизведения мира в языке проявляются наиболее рельефно в исследованиях контрастивных, при сопоставлении способов представления мира (или отдельного его фрагмента) в картинах мира разных языков [5, с. 152; 6, с. 136; 7, с. 38].

¹ Методологический принцип разграничения содержания собственно языкового и речевого (текстового) выдерживается не всегда; ср., например, круг источников, рассматриваемых в качестве релевантных для выявления ЯКМ и ее концептов в работах А.Д. Шмелева [2, с. 16], В.А. Масловой [3, с. 45–46].

Исследователи ЯКМ как правило обращаются к отдельным языковым уровням. Так, например, Г.Д. Гачев выявил специфику языковых образов мира, их детерминированность географической средой бытования этноса на фонетическом уровне. По мнению исследователя, естественные национальные языки трактуются как голоса местной природы в человеке. У звуков языка – прямая связь с пространством естественной акустики, которая в горах иная, чем в лесах или в степи. И как тела людей разных рас и народов адекватны местной природе, как этнос – космосу, так и звуки, что образуют плоть языка, находятся в резонансе со складом национальной Природы [8, с. 353–354]. Анализ синтаксических особенностей русского языка позволил А. Вежицкой установить такую специфическую черту мировосприятия, подхода к жизни русского человека, как пассивность [9, с. 55–59]. О.А. Корнилов показал, что источником информации об особенностях миропонимания могут быть и морфологические категории, в частности, морфологическое оформление по родам неодушевленных объектов: в сохранивших категорию грамматического рода языках родовая принадлежность древних слов, номинирующих предметы, явления, качества и абстрактные понятия, запечатлевает в себе неповторимое ассоциативно-образное восприятие неживого мира древнейшими представителями их языковых сообществ [10, с. 103–105]. Чаще всего ЯКМ реконструируется на основе лексики/фразеологии. В свете проблемы ЯКМ слова и фразеологизмы рассматриваются как овнешнители существующей в сознании ЯКМ и материальные носители ее содержания, а идиографическое структурирование лексико-фразеологического массива – как воплощение смысловой организации содержания картины мира в языковом сознании [4, с. 33; 10, с. 113, 295; 11, с. 107].

Ввиду труднообозримости ЯКМ как целого изучению обычно подвергаются отдельные фрагменты, «кусочки» огромной мозаики ЯКМ – языковые концепты. Языковым коррелятом концепта является не отдельная единица языка, а поле языковых единиц с общей семантикой [12, с. 456]. О сложностях, сопряженных с выделением концептов из ЯКМ, Н. Б. Мечковская пишет следующее: «неясны методы выделения (“экстракции”) языковых концептов из семантики языка; поэтому так разноречивы оценки численности концептов в отдельной (национальной) ЯКМ: для одних авторов это ограниченный набор “ключевых значений”, для других – бесконечное множество смыслов» [1, с. 29].

Фразеологическая картина мира и ее концептуальная структура. Сравнительно недавно из состава ЯКМ было выделено относительно самостоятельное, отличное от ЯКМ, образование – фразеологическая картина мира [13]. Изучение ФКМ получило широкое распространение, о чем свидетельствует большое количество статей, монографий и диссертационных исследований на эту тему [5; 14; 15; 16]. Фразеологическая картина мира, равно как и ЯКМ, концептуально структурирована. Фразеологическое семантическое пространство (лингвистический коррелят ментальной ФКМ)

распадается на некоторое число семантических полей (лингвистических соответствий фразеологических концептов) – объединений фразеологизмов, связанных между собой на основании семантической общности, наличия общих элементов в семантике.

Концептуальная организация ФКМ весьма специфична. В отличие от лексики, способной заполнять практически все ячейки идеографической сетки, фразеология покрывает ее участки избирательно. Во-первых, фразеология антропоцентрична – отражает преимущественно те сферы, которые ориентированы на человека, его жизнь и деятельность, психические проявления (эмоциональные состояния и реакции, мышление, сознание, речь), межличностные отношения, эмоциональные и этические оценки и т.п. [17, с. 92]. Во-вторых, фразеология пейоративна: семантические поля с отрицательным оценочным значением многочисленны и представлены большим количеством фразеологизмов [18, с. 224]. И, наконец, фразеология тяготеет к обозначению экстремальных, полярных признаков, качеств, состояний, действий [19, с. 255].

Получить представление о концептуальном устройстве ФКМ, о перечне смыслов, покрываемых фразеологией, позволяют фразеологические словари идеографического типа, в которых единицей обработки (ввода) является фразеологически репрезентируемое понятие [20, с. 463]. Конечно, представление фразеологического массива в виде совокупности семантических полей может быть осуществлено несколькими различными способами. Предлагаемые идеографическими словарями перечни семантических полей являются своего рода гипотезами, отражающими в некоторой степени субъективное видение смысловой организации фразеологической семантики авторами этих словарей. Отдельные различия в способах смыслового структурирования фразеологии одного и того же языка можно установить, обратившись к разным идеографическим словарям, например, Словарю-тезаурусу современной русской идиоматики под редакцией А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского [21] и словарю-справочнику «Русская фразеология» Р.И. Яранцева [22]. И все же несмотря на некоторую субъективность идеографические фразеологические словари дают достаточно четкое представление о концептуальной организации ФКМ.

Проблема выбора концепта и соответствующего фразеосемантического поля для лингвокогнитивного исследования. Ментальные по природе фразеологические концепты соответствуют в лингвистике фразеосемантическим полям¹ (ФСП): ФСП являются языковыми репрезентантами фразеологических концептов. Для лингвокогнитивного изучения целесообразно выбирать концепты ключевые, психологически важные для человека, значимые во фразеологической системе и недостаточно изученные в лингвистике.

¹ Термин *фразеологический* как компонент названий *фразеосемантическое поле*, *фразеосемантическая группа* указывает на тип объединяемых языковых единиц, термин *семантический* – на наличие семантических отношений между единицами поля, группы.

Свидетельством важности концепта для человека может служить, к примеру, включенность связанного с ним феномена в различные сферы жизнедеятельности человека и его рассмотрение отдельной отраслью/несколькими отраслями науки. Значимость концепта для фразеологической системы определяется двумя параметрами соответствующего ему ФСП – продуктивностью поля, измеряемой количеством представленных в поле фразеологизмов, и его центральностью, измеряемой количеством смысловых связей поля с другими полями [23, с. 409]. Смысловые связи отдельного ФСП с другими полями показаны в Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики. Отсылки к другим близким по смыслу семантическим полям вводятся знаком «→» [21, с. 9]. Количественный анализ данных Словаря-тезауруса – подсчет входящих в ФСП фразеологизмов и отсылок к другим ФСП – позволяет оценить значимость любого ФСП в системе фразеологии и выбрать подходящий для изучения концепт.

Оговорим, что приводимое в Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики количество входящих в отдельное поле фразеологизмов не следует считать окончательным. В результате отбора фразеологизмов из других больших по объему словарей фразеологизмов с рассматриваемой семантикой может оказаться в разы больше. Так, по данным Словаря-тезауруса, русское ФСП «Спор» репрезентировано шестью фразеологизмами [21, с. 83]. По итогам же работы с рядом других фразеологических и толковых словарей русского языка общая выборка фразеологизмов с семантикой спора составила 152 единицы. Такое существенное количественное расхождение объясняется не только относительно небольшим словником Словаря-тезауруса (включает около 8 000 идиом), но и спецификой отраженного в Словаре-тезаурусе видения смысловой организации русской фразеологии: ФСП «Спор» представлено в Словаре-тезаурусе как составная часть поля «Конфликт», и многие фразеологизмы, связанные со спором и шире – с любой конфликтной ситуацией, оказались вне ФСП «Спор», в других частях поля «Конфликт».

При выборе фразеологического концепта и соответствующего ему ФСП необходимо также учитывать и степень его лингвистической изученности. Вполне вероятно, что концепт ключевой и значимый уже становился объектом ряда лингвокогнитивных исследований. Анализ имеющихся на эту тему работ – языковых фактов, послуживших материалом исследования, лингвистических явлений, составивших предмет исследования, и привлекаемых к сопоставлению языков – поможет определить, нуждается ли объединение фразеологизмов с интересующей исследователя семантикой в изучении на предмет выявления и сравнения способов отображения соответствующего феномена во фразеологии предполагаемых для сопоставления языков.

Таким образом, при выборе фразеологического концепта необходимо оценить психологическую важность связанного с ним феномена для человека, значимость соответствующего семантического поля во фразеологической системе и степень изученности концепта (семантического поля)

в лингвистике. Перспективным для лингвокогнитивного изучения может считаться такой фразеологический концепт, соответствующий феномен которого является неотъемлемой частью человеческого бытия и оказывается в центре внимания ряда наук; соответствующее ФСП которого репрезентировано большим количеством фразеологизмов и по смыслу связано с другими ФСП; и, наконец, концепт, фразеологическая реализация которого нуждается в лингвокогнитивном исследовании.

Смыслы, важные для человека и значимые во фразеологии, могут квалифицироваться как представляющие отдельный фразеологический концепт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мечковская, Н.Б. Когнитивная лингвистика в СНГ: разнообразие программ и методологические коллизии / Н.Б. Мечковская // *Die slavischen Sprachen im Licht der kognitiven Linguistik* / Eds: T. Anstatt, B. Norman. – Wiesbaden: Harrassowitz, 2010. – С. 13–36.
2. Шмелев, А.Д. Русская языковая модель мира : материалы к словарю / А.Д. Шмелев. – М. : Языки слав. культуры, 2002. – 224 с.
3. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие / В.А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
4. Апресян, Ю.Д. Предисловие. Часть первая: Основания системной лексикографии / Ю.Д. Апресян // *Языковая картина мира и системная лексикография* / Ю.Д. Апресян [и др.]; отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М. : Языки слав. культур, 2006. – С. 23–160.
5. Мокиенко, В.М. Интернациональный фонд русской фразеологической картины мира / В.М. Мокиенко, Е.К. Николаева // *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 3. Frazeologia. Redakcja naukowa Walerij Mokijenko i Harry Walter.* – Opole : Univ. Greifswald ; Inst. für Slawistik, Univ. Opolski ; Inst. Filologii Polskiej, 2008. – С. 149–163.
6. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология : Ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
7. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М. : АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
8. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира / Г.Д. Гачев. – М. : Сов. писатель, 1988. – 445 с.
9. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая ; пер. с англ., отв. ред. М.А. Кронгауз; вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М. : Рус. словари, 1996. – 412 с.
10. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов : учеб. пособие / О.А. Корнилов. – 3-е изд., испр. – М.: КДУ, 2011. – 350 с.
11. Щур, Г.С. Теории поля в лингвистике / Г.С. Щур. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 264 с.

12. Мечковская, Н.Б. Два взгляда на правду и ложь, или О различиях между языковой картиной мира и обыденным сознанием / Н.Б. Мечковская // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2008. – С. 456–470.
13. Dobrovolskij, D. Phraseologie und sprachliches Weltbild (Vorarbeiten zum Thesaurus der deutschen Idiomatik) / D. Dobrovolskij // Deutsche Phraseologie in Sprachsystem und Sprachverwendung / Cs. Földes (ed.). – Wien: Praesens, 1992. – S. 171–195.
14. Телия, В.Н. «Говорить» в зеркале обиходного сознания / В.Н. Телия // Логический анализ языка. Язык речевых действий / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1994. – С. 93–98.
15. Солодуб, Ю.П. К проблеме сопоставительного исследования фразеологической картины мира различных народов: фразеологическая модель, образно мотивирующая на основе ирреальности ситуации семантику невозможности / Ю.П. Солодуб // Фразеология и миропонимание народа : в 2 ч. – Тула: ТГПУ, 2002. – Ч. 2: Фразеология и межкультурная коммуникация. – С. 14–17.
16. Дуйсекова, К.К. Фразеологическая картина мира французского и казахского языков (концептуально-лингвокультурологический опыт исследования) : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / К.К. Дуйсекова. – Алматы, 2006. – 260 л.
17. Райхштейн, А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии: учеб. пособие для вузов / А.Д. Райхштейн. – М. : Высш. шк., 1980. – 143 с.
18. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология : учеб. пособие для вузов / В.М. Мокиенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1989. – 287 с.
19. Солодухо, Э.М. Теория фразеологического сближения: на материале языков славянской, германской и романской групп / Э.М. Солодухо. – 2-е изд., доп. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 304 с.
20. Гак, В.Г. Словарь / В.Г. Гак // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М. : Большая Рос. энцикл., 1998. – С. 462–464.
21. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики: около 8000 идиом современного русского языка / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; А.Н. Баранов [и др.]; под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. – М. : Мир энциклопедий Аванта+, 2007. – 1135 с.
22. Яранцев, Р.И. Русская фразеология : словарь-справочник / Р.И. Яранцев. – 2-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 2001. – 845 с.
23. Баранов, А.Н. Тезаурус как объект семантического исследования / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Аспекты теории фразеологии. – М. : Знак, 2008. – С. 399–410.

The paper offers solutions to the two interrelated problems – the problems of extracting phraseological concepts from phraseological world-image and choosing a phraseological concept appropriate for linguistic cognitive study. In relation to the first problem the paper suggests any phraseologically manifested sense be considered in respect of its significance for man and

importance in phraseological system, in relation to the second problem – significant for man and important to phraseology sense be also considered in respect of degree of its research study in linguistics.

Поступила в редакцию 16.04.13

Ю.М. Кардубан

ДЭРЫВАЦЫЙНЫ ПАТЭНЦЫЯЛ АБРЭВІЯТУР У АНГЛІЙСКАЙ І БЕЛАРУСКАЙ МОВАХ

Артыкул прысвечаны вызначэнню словаўтваральнай актыўнасці абрэвіатур англійскай і беларускай моў, а таксама ўстанаўленню дыяпазону лексіка-семантычнага спосабу адабрэвіатурнай намінацыі. У супастаўленых мовах вылучаны мадэлі ўтварэння дэрыватаў ад абрэвіатур, акрэслены прадуктыўнасць і рэгулярнасць вылучаных мадэляў, разгледжаны дэрывацыйны патэнцыял розных структурных тыпаў абрэвіатур. Выяўлена, што агульныя для англійскай і беларускай моў спосабы ўтварэння дэрыватаў ад абрэвіатур – афіксацыя і словаскладанне – характарызуюцца лінгваспецыфічным наборам мадэляў, якія могуць мець сваім вынікам адабрэвіатурныя субстантывы і ад’ектывы. Марфалага-сінтаксічны спосаб прадстаўлены ў англійскай і беларускай мовах ад’ектывацыйнай скарачаных слоў; толькі ў англійскай мове – працэсамі ўтварэння назоўнікаў і дзеясловаў па канверсіі, а таксама субстантывацыйнай і адвербіялізацыйнай прыметнікаў.

Устаноўлена, што ў супастаўленых мовах абрэвіатуры праяўляюць розную здольнасць да семантычнай дэрывацыі. Разгледжаныя выпадкі полісеміі ў абедзвюх мовах заснаваны на метанімічным пераносе, для англійскіх абрэвіатур таксама ўласцівы метафарычныя мадэлі семантычнай дэрывацыі скарачаных слоў.

Як вядома, найбольш істотным крытэрыем уваходжання абрэвіатур у сістэму лексічных сродкаў мовы служыць здольнасць скарачаных адзінак утвараць новыя словы [1, с. 9]. Пры гэтым адабрэвіатурныя дэрываты звычайна разглядаюцца як аказіянальныя ўтварэнні, якія з’яўляюцца фактамі маўлення. Аднак аналіз вытворных ад абрэвіатур адзінак, зафіксаваных у лексікаграфічных крыніцах, сведчыць пра набыццё такімі дэрыватамі ўзуальнага характару і іх поўнае ўваходжанне ў моўную сістэму.

З мэтай выяўлення дэрывацыйнага патэнцыялу абрэвіатур у англійскай і беларускай мовах былі 1) вылучаны спосабы і мадэлі ўтварэння дэрыватаў ад абрэвіатур; 2) вызначаны прадуктыўнасць і рэгулярнасць вылучаных мадэляў; 3) разгледжаны тыпы абрэвіатур, якія ў большай або меншай ступені валодаюць здольнасцю выступаць у якасці ўтваральнай асновы. На гэтым этапе даследавання фактычным матэрыялам паслужылі каля 800 адабрэвіатурных адзінак лексічнай намінацыі (вытворных слоў і новых словазначэнняў) у супастаўленых мовах.

Выяўлена, што дэрывацыйныя магчымасці абрэвіатур у англійскай і беларускай мовах ахопліваюць багаты арсенал словаўтаральных сродкаў, з дапамогай якіх утвараюцца лексічныя адзінкі розных часцін мовы. Так,

агульнымі спосабамі ўтварэння адабрэвіатурных дэрыватаў у супастаўленых мовах з'яўляюцца *афіксацыя, марфалага-сінтаксічны спосаб і словаскладанне*. Акрамя таго, толькі для абрэвіатур англійскай мовы ўласціва выступаць дэрывацыйнай базай для ўтварэння новых адзінак шляхам адваротнай дэрывацыі і другаснай абрэвіацыі. Для беларускай мовы спецыфічным выступае прэфіксальна-суфіксальны спосаб утварэння дэрыватаў ад скарочаных адзінак.

Марфалагічнае словаўтварэнне ў абедзвюх мовах прадстаўлена найбольшай колькасцю разнастайных словаўтваральных мадэляў, аналіз якіх мы ў першую чаргу праводзім з улікам часцінамоўнай прыналежнасці вытворных адзінак, а таксама прадуктыўнасці і рэгулярнасці словаўтваральнай мадэлі.

Афіксальнае ўтварэнне дэрыватаў ад абрэвіатур у англійскай і беларускай мовах адбываецца шляхам прэфіксацыі і суфіксацыі, пры гэтым найбольш прадуктыўным у даследаваных мовах з'яўляецца суфіксальны спосаб, які ў англійскай мове аб'ядноўвае 29 словаўтваральных мадэляў, а ў беларускай мове налічвае 20 мадэляў. Прэфіксальны спосаб прадстаўлены 4 мадэлямі ў англійскай мове і 1 мадэллю ў беларускай. Толькі ў беларускай мове зафіксавана мадэль, якая належыць да прэфіксальна-суфіксальнага спосабу ўтварэння дэрыватаў.

Даследаванне паказвае, што для беларускай мовы характэрнымі з'яўляюцца афіксальныя мадэлі ўтварэння ад абрэвіатур субстантыўных і ад'ектыўных дэрыватаў. Звяртае на сябе ўвагу тое, што ў англійскай мове ад абрэвіатур могуць утварацца не толькі назоўнікі і прыметнікі, але таксама дзеясловы і прыслоўі.

Субстантыўныя дэрываты. У англійскай мове афіксальныя мадэлі ўтварэння дэрыватаў ад абрэвіатур не адзначаюцца прадуктыўнасцю. Так, колькасць дэрыватаў, утвораных па пэўнай мадэлі, вар'іруецца ад 1 да 8 адзінак. Тым не менш, можна адзначыць рэгулярныя мадэлі афіксальнага словаўтварэння, калі па адной і той жа мадэлі ўтвараюцца субстантывы ад усіх тыпаў абрэвіатур (складовых, складанаскладовых, ініцыяльных), напрыклад, па мадэлі $v + \text{-ing} \rightarrow N$: *TWOC \rightarrow twoccing; skyjack \rightarrow skyjacking; veg \rightarrow vegging*.

Шэраг суфіксальных мадэляў маюць сваім вынікам назоўнікі са значэннем асобы паводле прафесіі, занятку, светапогляду, адносінаў да пэўных грамадскіх з'яў: $n + \text{-ist} \rightarrow N$: *chute \rightarrow chutist; n + \text{-er} \rightarrow N: *YOP \rightarrow yopper*; назоўнікі са значэннем 'выканаўца дзеяння': $v + \text{-er} \rightarrow N$: *TWOC \rightarrow twoccer*.*

Пры дапамозе суфіксаў *-ie* і *-let* ад скарочаных назоўнікаў (радзей – прыметнікаў) у англійскай мове ўтвараюцца субстантыўныя адзінкі з памяншальным значэннем: *tech \rightarrow techie, ag \rightarrow aggie, app \rightarrow applet*. Па мадэлі $n + \text{-dom} \rightarrow N$ утвараюцца зборныя назоўнікі са значэннем 'група асоб паводле сацыяльнага паходжання або віду заняткаў', напрыклад: *yuppie \rightarrow yuppiedom*.

Вытворныя ад абрэвіатур субстантывы могуць абазначаць род дзейнасці, характэрныя паводзіны, розныя працэсы, прыкметы, якасці, стан і пад. Прыкладам такіх адабрэвіатурных назоўнікаў у англійскай мове з'яўляюцца наступныя: *comp* → *comping*, *NIMBY* → *nimbyism*, *PC* → *PC-er*, *comfy* → *comfiness*, *PC* → *PC-ness*. Зафіксавана адна мадэль суфіксальнага ўтварэння рэчывых назоўнікаў – **n** + **-ase** → **N**, напрыклад: *DNA* → *DNAase*.

Прэфіксальная мадэль утварэння адабрэвіатурных дэрыватаў-назоўнікаў у англійскай мове **hyper-** + **n** → **N** з'яўляецца непрадуктыўнай і нерэгулярнай (утваральная аснова складовага тыпу): *zine* → *hyperzine*.

У беларускай мове найбольшай прадуктыўнасцю характарызуюцца суфіксальныя мадэлі **наз.** + **-авец-** (**-овец-**) → **наз.**: *медсанбат* → *медсанбатавец*, *БНФ* → *БНФавец*; і **наз.** + **-нік-** (**-ніц-**) → **наз.**: *калгас* → *калгаснік*, *калгасніца*; *прафсаюз* → *прафсаюзнік*. Утвораныя па гэтых мадэлях назоўнікі аб'ядноўваюцца агульным значэннем 'асоба, якая мае адносіны да прадмета, занятку або роду дзейнасці, названага абрэвіатурай'. Сюды таксама далучаюцца непрадуктыўныя суфіксальныя мадэлі ўтварэння назоўнікаў са значэннем асобы пры дапамозе фармантаў **-інец-**, **-ец-**, **-іст-**, **-шнік-**, **-ман-**, **-к-**, **-аўк-**, **-чык-**, напрыклад: *мотапяхота* → *мотапяхацінец*, *аўтазавод* → *аўтазаводзец*, *генштаб* → *генштабіст*, *КВЗ* → *КВЗшнік*, *нэп* → *нэпман*, *эсэр* → *эсэрка*, *медсанбат* → *медсанбатаўка*, *сельсавет* → *сельсаветчык*; у тым ліку мадэль з нулявым суфіксам **наз.** + **∅** → **наз.**: *паліттэхналогія* → *паліттэхнолаг*.

Непрадуктыўным у беларускай мове з'яўляецца ўтварэнне ад абрэвіатур стылістычна маркіраваных назоўнікаў, сінанімічных утваральнай аснове. Так, па мадэлі **наз.** + **-ік** → **наз.** утвараюцца адзінкі размоўнага стылю, напрыклад, *ГАЗ* → *газік* і пад.

Прэфіксальная мадэль утварэння адабрэвіатурных дэрыватаў-назоўнікаў у беларускай мове прадстаўлена словаўтваральнай парай *ЭВМ* → *суперЭВМ*, дзе інтэрнацыянальны прэфікс **супер-** надае вытворнаму слову значэнне ўзмоцненага дзеяння і больш высокай якасці ў параўнанні з тым, што названа матывавальным словам.

Ад'ектыўныя дэрываты. Другую па значнасці групу адабрэвіатурных дэрыватаў, утвораных пры дапамозе афіксальных фармантаў, у супастаўленых мовах складаюць ад'ектывы.

У англійскай мове адабрэвіатурныя прыметнікі часцей за ўсё ўтвараюцца ад скарачаных асноў-назоўнікаў (радзей – дзеясловаў або іншых прыметнікаў) пры дапамозе як суфіксальных, так і прэфіксальных фармантаў.

Адноснай прадуктыўнасцю ў англійскай мове адзначаецца суфіксальная мадэль **n** + **-y** → **Adj**, па якой утвараюцца прыметнікі са значэннем валодання пэўнай якасцю, падабенства з чым-н.: *smog* → *smoggy*; *WASP* → *waspy*. Пры дапамозе фармантаў **-ian/-an**, **-ic**, **-ish**, **-like**, **-less**, **-wise**, **-able** утвараюцца адзінкі накішталт *subtopia* → *subtopian*, *muon* → *muonic*, *WASP* → *Waspish*, *flu* → *flu-like*, *bra* → *braless*, *bit* → *bitwise*, *FTP* → *FTPable* і пад.

Непрадуктыўнымі і нерэгулярнымі з'яўляюцца зафіксаваныя ў англійскай мове прэфіксальныя мадэлі ўтварэння адабрэвіятурных прыметнікаў (прадстаўлены адзінкавымі прыкладамі). Так, па мадэлях *pre- + n* → **Adj** і *post- + n* → **Adj** утвараюцца ад'ектывы *pre-Aids* і *post-Aids*. Значэнне адмоўнасці таго, што выражана ўтваральнай асновай, надаецца англійскаму прыметніку, пабудаванаму па мадэлі *non- + adj* → **Adj**: *PC* → *non-PC*.

У беларускай мове дастаткова значную групу (85 адзінак) складаюць ад'ектыўныя дэрываты, утвораныя ад абрэвіятур-назоўнікаў пры дапамозе цэлага шэрага фармантаў. Найбольш прадуктыўнымі мадэлямі ўтварэння такіх прыметнікаў выступаюць наступныя: **наз. + -аўск-** (*-эўск-*) → **прым.**: *ААН* → *аанаўскі*, *СНД* → *СНДэўскі*; **наз. + -н-** → **прым.**: *прамтавары* → *прамтаварны*; **наз. + -ск-** (*-цк-*) → **прым.**: *супрамаат* → *супрамацкі*, *гарсавет* → *гарсавецкі*; **наз. + -ав-** → **прым.**: *страхкаса* → *страхкасавы*, *СНД* → *снідавы*; **наз. + -шн-** (*-эшн-*) → **прым.**: *КВЗ* → *КВЗшны*, *СКВ* → *эскавэшны*.

Зафіксаваны ў беларускай мове адносны прыметнік *антыснідаўскі*, утвораны па мадэлі *анты- + наз. + -аўск-* → **прым.**, з'яўляецца прыкладам прэфіксальна-суфіксальнага ўтварэння дэрыватаў ад абрэвіятур у беларускай мове, бо прыметніка *снідаўскі* назоўнік *СНД* не мае (адзначаны толькі прыметнік *снідавы*).

Заўважым, што ў разгледжаных вышэй словаўтваральных парах (субстантыўных і ад'ектыўных) матывавальная аснова можа быць як ініцыяльнага, так і складанаскладовага тыпу. Звяртае на сябе ўвагу колькасная перавага апошняга – 74 з 85 вытворных прыметнікаў і 30 з 38 назоўнікаў, утвораных шляхам афіксацыі. Такая здольнасць складанаскладовых абрэвіятур, на нашу думку, тлумачыцца не толькі большай ужывальнасцю, але таксама высокай ступенню распазнавальнасці скарачаных адзінак гэтага тыпу ў параўнанні з ініцыяльнымі абрэвіятурамі.

Вылучаныя мадэлі афіксальнага словаўтварэння ў беларускай мове характарызуюцца пэўнай рэгулярнасцю (адзначаны ад'ектыўныя суфіксальныя мадэлі з фармантамі *-аўск-* (*-эўск-*), *-н-*, *-ав-* і субстантыўныя мадэлі з фармантамі *-авец* (*-овец*), *-аўк-* і *-к-*), аднак толькі ў адносінах да двух абрэвіятурных тыпаў – складанаскладовага і ініцыяльнага. Выяўлена, што для беларускіх складовых абрэвіятур здольнасць выступаць дэрывацыйнай базай для ўтварэння новых адзінак з'яўляецца неўласцівай.

Сярод афіксальных мадэляў адабрэвіятурнага словаўтварэння ў англійскай мове найбольшай рэгулярнасцю адзначаюцца наступныя суфіксальныя мадэлі: *v + -ing* → **N**, *n + -ing* → **N**, *adj + -ness* → **N** і *n + -y* → **Adj**. Гэтыя мадэлі з'яўляюцца рэгулярнымі ў дачыненні да асноў трох абрэвіятурных тыпаў. Даследаванне паказвае, што ў англійскай мове параўнальна высокай рэгулярнасцю (утваральныя асновы могуць быць двух тыпаў) характарызуюцца мадэлі субстантываў з фармантамі *-er*, *-dom*, *-ism*, *-er*; мадэлі ад'ектываў з фармантамі *-ic*, *-ish*, *-less*; а таксама мадэль утварэння прыслоўяў пры дапамозе фарманта *-ly*.

Дзеяслоўныя дэрываты. Утвараюцца шляхам суфіксацыі абрэвіатур-назоўнікаў у англійскай мове. Зафіксаваны дзве мадэлі, якія не адзначаюцца прадуктыўнасцю і рэгулярнасцю: $n + -fy \rightarrow V$ і $n + -ate \rightarrow V$. Напрыклад, утвораны ад ініцыяльнай абрэвіатуры пры дапамозе суфікса *-fy* дзеяслоў *yipru* → *yiprify* набывае значэнне ‘выконваць дзеянне, якое мае сваім вынікам тое, што названа ўтваральнай асновай’. Такое ж значэнне набывае дзеяслоў *pixel* → *pixelate*, утвораны пры дапамозе фарманта *-ate* ад абрэвіатуры складанаскладовага тыпу.

У беларускай мове назіраем толькі адзін дзеяслоў (мае дзве графічныя формы), утвораны пры дапамозе суфіксальнага фарманта *-ы-* (*ць*) ад запазычанай з англійскай мовы абрэвіатуры *PR*: *піяр* → *піярыць*, *PR* → *PR-ыць*, які набывае значэнне ‘выконваць дзеянне, уласцівае таму, што названа ўтваральнай асновай’.

Адвербіяльныя дэрываты. Утвараюцца толькі ў англійскай мове ад складовых і складанаскладовых абрэвіатур-прыметнікаў пры дапамозе суфіксальнага фарманта *-ly*: *comfy* → *comfily*; *prissy* → *prissily*. Мадэль непрадуктыўная, значэнне дэрыватаў, якія з’яўляюцца якаснымі прыслоўямі, суадносіцца са значэннем утваральнай асновы.

Пры ўтварэнні новага слова ад скарачанага лексемы ў англійскай і беларускай мовах можа ўжывацца марфалага-сінтаксічны спосаб, які заключаецца ў пераходзе адной частціны мовы ў іншую. Такі пераход мае сваім вынікам змену граматычных характарыстык матывавальнага слова, што выяўляецца ў змене парадыгмы новага слова.

Як сведчыць наш фактычны матэрыял, агульным для супастаўленых моў з’яўляецца пераход абрэвіатур-назоўнікаў у лексіка-граматычны разрад прыметнікаў. Акрамя таго, для скарачаных слоў англійскай мовы таксама ўласціва выступаць дэрывацыйнай базай пры ўтварэнні адзінак па канверсіі; пры гэтым зафіксаваны наступныя суадносныя пары: $n \rightarrow V$, $v \rightarrow N$, $adj \rightarrow V$. У межах марфалага-сінтаксічнага спосабу адабрэвіатурнага словаўтварэння ў англійскай мове мы вылучаем і іншыя выразна мадэляваныя адносіны: $adj \rightarrow N$, $n \rightarrow Adj$, $V-ed \rightarrow Adj$, $adj \rightarrow Adv$. Праілюструем прыкладамі марфалага-сінтаксічнае ўтварэнне адабрэвіатурных дэрыватаў у англійскай і беларускай мовах з улікам частцінамоўнай прыналежнасці вытворных адзінак.

Субстантыўныя дэрываты. З вылучаных мадэляў утварэння субстантыўных дэрыватаў мадэль $v \rightarrow N$ ахоплівае складовыя і складанаскладовыя тыпы абрэвіатурных асноў; мадэль $adj \rightarrow N$ адзначаецца большай рэгулярнасцю – усе тыпы абрэвіатур могуць выступаць дэрывацыйнай базай пры такой змене граматычнай парадыгмы скарачанага слова. Суадносіны па першай мадэлі можна прадставіць наступнымі прыкладамі: *to psyche* → *psyche* ‘the state of being psyched up’, *to pep* → *pep* ‘energy and enthusiasm’, *to dis* → *dis* ‘disrespectful talk’.

Сярод прааналізаваных адзінак назіраем таксама вынікі субстантывацыі прыметнікаў (17 дэрыватаў) накшталт *AWOL* → *awol* ‘one who is absent without leave’, *trad* → *trad* ‘traditional jazz, as revived in the 1950s’ і пад.

Ад'ектыўныя дэрываты. Даследаванне паказвае, што ў англійскай мове вытворныя ад абрэвіатур прыметнікі ўтвараюць групы аманімічных аднакаранёвых адзінак як з суадноснымі назоўнікамі, так і з дзеепрыметнікамі. Так, па непрадуктыўнай мадэлі **n** → **Adj** утвораны наступныя дэрываты: *civvy* → *civvy* 'relating to civilians', *snafu* → *snafu* 'in utter confusion or chaos'.

Да марфалага-сінтаксічнага ўтварэння адабрэвіатурных прыметнікаў мы таксама адносім працэс ад'ектывацыі дзеяслоўных форм, у прыватнасці, ад'ектывацыю дзеепрыметнікаў прошлага часу па мадэлі **V-ed** → **Adj**, напрыклад: *sussed*, *dissed*, *vegged (out)*, *broasted*, *psyched*.

Як адзначана вышэй, у беларускай мове марфалага-сінтаксічнае ўтварэнне адабрэвіатурных дэрыватаў абмежавана толькі працэсам ад'ектывацыі назоўнікаў. Звяртае на сябе ўвагу тое, што замест звычайнай і распаўсюджанай у беларускай мове субстантывацыі прыметнікаў мы назіраем процілеглую з'яву – ад'ектывацыю абрэвіатур-назоўнікаў. Пры гэтым па мадэлі **наз.** → **прым.** здольны ўтварацца ад'ектывы толькі ад ініцыяльных абрэвіатур-тэрмінаў, напрыклад: *AM* (*амплітудная мадуляцыя*) → *AM* (*амплітудна-мадуляваны*); *ВЧ* (*высокая частата*) → *ВЧ* (*высокачастотны*); *КХ* (*кароткія хвалі*) → *КХ* (*кароткахвалевы*); *ПП* (*паўправаднік*) → *ПП* (*паўправадніковы*); *УГ* (*ультрагук*) → *УГ* (*ультрагукавы*); *ФМ* (*фазавая мадуляцыя*) → *ФМ* (*фазавы-мадуляваны*) і інш. Разгледжаная марфалага-сінтаксічная мадэль утварэння адабрэвіатурных дэрыватаў у беларускай мове з'яўляецца прадуктыўнай (зафіксавана 15 вытворных адзінак), але яна не адзначаецца рэгулярнасцю.

Дзеяслоўныя дэрываты. Паводле нашых назіранняў, найбольш прадуктыўным марфалага-сінтаксічным працэсам у англійскай мове выступае ўтварэнне дзеясловаў ад назоўнікаў (64 адзінкі) па канверсіі. Больш таго, мадэль **n** → **V** адзначаецца не толькі прадуктыўнасцю, але таксама і рэгулярнасцю, бо дэрывацыйнай базай здольны выступаць усе абрэвіатурныя тыпы – ініцыяльныя: *DJ* → *to DJ*; складовыя: *bike* → *to bike*; складана-складовыя: *modem* → *to modem*.

Яшчэ адну групу складаюць вытворныя адзінкі, што належаць да такой суадноснай пары, як «прыметнік – дзеяслоў». Прыкладамі ўтварэння дзеясловаў па канверсіі на базе абрэвіатур-прыметнікаў у англійскай мове з'яўляюцца наступныя: *GI* → *to GI* 'to prepare for or as if for military inspection', *glam* → *to glam* 'make oneself or someone else look glamorous'.

Адвербіяльныя дэрываты. Нешматлікая група адабрэвіатурных прыслоўяў у англійскай мове прадстаўлена ў суадносінах **adj** → **Adv**. Адзінкавыя дэрываты з'яўляюцца вытворнымі ад ініцыяльных або складовых абрэвіатур, напрыклад, прыслоўі *GI* 'in strict conformity with military regulations or customs', *AWOL* 'absent from one's post or duty without official permission but without intending to desert', *max* 'at the most'.

Яшчэ адным спосабам утварэння адабрэвіатурных дэрыватаў у англійскай і беларускай мовах з'яўляецца **с л о в а с к л а д а н н е**. Даследаванне паказвае, што ў супастаўленых мовах сярод кампазітаў, якія маюць адным са

сваіх кампанентаў абрэвіатуру, можна вылучыць дзве групы адзінак: субстантыўныя дэрываты і ад'ектыўныя дэрываты. Выяўлена таксама, што пры ўтварэнні дэрыватаў ад абрэвіатур шляхам словаскладання ў англійскай мове могуць адбывацца як «чыстыя», так і ўскладненыя суфіксацыяй працэсы.

У беларускай мове ўтварэнне кампазітаў ад абрэвіатур аб'ядноўвае ўсе тыпы вытворных ад абрэвіатур адзінак, якія з'яўляюцца вынікам зліцця ў адно слова сінтаксічнага словазлучэння з захаваннем парадку слоў. Дэрывацыйнай базай для ўтварэння такіх складаных слоў у беларускай мове здольны выступаць: 1) ініцыяльныя абрэвіатуры-назоўнікі ўласнабеларускага паходжання; 2) усе тыпы запазычаных з англійскай мовы абрэвіатур.

Субстантыўныя дэрываты. Мадэлі «чыстага» складання слоў, адно з якіх з'яўляецца скарочаным, у англійскай мове адзначаюцца высокай прадуктыўнасцю (зафіксавана 135 такіх субстантываў). Вылучаны наступныя мадэлі ўтварэння такіх складаных субстантываў: **n + n**: *lip-sync, CD-video, PALplus, scuba-diving*; **adj + n**: *Euro-ISDN*; **v + n**: *pushbike*; **v + adv**: *psych-out*.

Зафіксавана таксама ўтварэнне кампазітаў з такімі своеасаблівымі кампанентамі складаных слоў, як *mega-, multi-, tera-, giga-, kilo-* і пад.: *teraflop, gigabit, megazoo, multigym, megapixel, kilobyte* і інш.

Складанавытворныя мадэлі адабрэвіатурных кампазітаў у англійскай мове **n + (v + -er)** і **(v + -er) + n** прадстаўлены нешматлікімі прыкладамі на кшталт *CD burner, DVD writer, zookeeper*.

Нашы назіранні сведчаць пра тое, што ў беларускай мове словаскладанне з'яўляецца найбольш прадуктыўным у дачыненні да запазычаных абрэвіатур-англіцызмаў. Зафіксаваны адзінкавыя прыклады ўтварэння кампазітаў на ўласнабеларускай глебе, напрыклад, па мадэлі **абрэвіатура + наз.**: *ВІЧ-тэрарызм, ВІЧ-інфекцыя*.

Ад'ектыўныя дэрываты. У англійскай мове вылучаны тры мадэлі ўтварэння адабрэвіатурных кампазітаў-прыметнікаў: мадэль «чыстага» складання назоўніка з прыметнікам або кампанентам складаных слоў (adjective combining form): *Aids-free, BSE-free, CFC-free, HIV-positive, HIV-negative*; і ўскладненыя суфіксацыяй мадэлі **n + (v + -ed)**: *AIDS-related, BSE-infected, CD-based, HIV-infected*; **(v + -ed) + adv**: *zoned-out, pepped out, hyped-up*.

Ад'ектыўныя кампазіты ў беларускай мове з'яўляюцца комплекснымі дэрыватамі, пабудаванымі па мадэлі **абрэвіатура + прым.**: *IBM-падобны, IBM-сумяшчальны, ВІЧ-пазітыўны, ВІЧ-адмоўны, ВІЧ-інфіцыраваны*.

Даследаванне паказвае, што беларускія ініцыяльныя абрэвіатуры, а таксама запазычаныя беларускай мовай абрэвіатуры-англіцызмы здольны ўтвараць новы тып складаных слоў, якія знаходзяцца на мяжы марфалагічнага словаўтварэння і сінтаксічных спосабаў спалучэння адзінак. Прыкладам з'яўляюцца шматлікія кампазіты ў беларускай мове на кшталт комплексных дэрыватаў тыпу *СІМ-карта, ФТП-кліент, ІТ-спецыяліст, SMS-галасаванне*.

На нашу думку, разгледжаныя і падобныя прыклады вытворных адзінак у беларускай мове трэба адносіць да словаскладання. Мы адзначаем наступныя прыкметы складаных слоў, уласцівыя такім адабрэвіатурным адзінкам, як *СІМ-карта, ВІЧ-пазітыўны* і пад.

Па-першае, гэта немагчымасць звычайнага для словазлучэнняў спалучэння слоў-мадыфікатараў з суадноснымі кампанентамі такіх вытворных. Так, складаныя прыметнікі *ВІЧ-пазітыўны*, *ВІЧ-адмоўны*, *ВІЧ-інфіцыраваны*, *ІВМ-падобны*, *ІВМ-сумяшчальны* захоўваюць слоўнае адзінства і не могуць спалучацца з прыслоўямі, у той час як такая спалучальнасць з'яўляецца характэрнай для прыметнікаў у складзе словазлучэнняў.

Па-другое, у прыведзеных прыкладах адабрэвіатурных прыметнікаў паказчыкам слоўнага статусу можна таксама лічыць парадак кампанентаў, нязвычны для спалучэнняў прыметніка з назоўнікам у англійскай і беларускай мовах.

Па-трэцяе, акрамя разгледжаных сінтаксічных крытэрыяў аднесенесці да складаных слоў вытворных ад абрэвіатур назоўнікаў і прыметнікаў можна таксама звярнуцца і да семантычнага крытэрыя, які заключаецца ў існаванні пастаяннай семантычнай сувязі кампанентаў складанага слова. Сапраўды, такім адзінкам, як *AIDS-related*, *CD-video*, *CFC-free*, *pin-код*, *GSM-аператар*, *CD-дыск*, *ІВМ-тэхніка*, *IP-адрас* і пад., уласціва пэўная адасобленасць, якая дасягаецца шляхам зліцця значэнняў тых элементаў, што ўтвараюць складанае слова. Нават наяўнасць дэфіса ў падобных адзінках з'яўляецца маркерам таго, што перад намі складанае слова, бо дэфіс тут можна кваліфікаваць як графічны ўмоўны сімвал, які ўказвае на семантычную цэласнасць вытворнай адзінкі.

Яшчэ адным доказам семантычнай спаянасці і суцэльнааформленасці адабрэвіатурных кампазітаў выступае спосаб іх падачы ў слоўніках. Так, пры лексікаграфічным апісанні такіх дэрыватаў у тлумачальных і арфаграфічных слоўніках звычайным з'яўляецца ўказанне часціны мовы. Акрамя таго, у слоўніках, як правіла, фіксуецца наяўнасць аднаго (або аднаго галоўнага) націску ў гэтых адзінках. Улік усіх згаданых крытэрыяў сведчыць пра лексічную цэльнасць падобных адзінак у англійскай і беларускай мовах.

Сярод прааналізаваных у даследаваных мовах вытворных ад абрэвіатур адзінак выяўлены выпадкі лінгваспецыфічнага ўтварэння дэрыватаў. Як адзначана вышэй, у беларускай мове ў межах афіксацыі адметны характар набывае прэфіксальна-суфіксальны спосаб утварэння адабрэвіатурных дэрыватаў. У англійскай мове разгледжаны такія характэрныя працэсы марфалага-сінтаксічнага словаўтварэння, як канверсія (утварэнне аддзеяслоўных назоўнікаў, адыменных і ад'ектыўных дзеясловаў), а таксама субстантывацыя і адвербіялізацыя прыметнікаў. Устаноўлена, што ў англійскай мове сярод спосабаў адабрэвіатурнага словаўтварэння дадаткова вылучаюцца адваротная дэрывацыя і другасная абрэвіацыя.

Адваротная дэрывацыя ў англійскай мове ўвогуле аб'ядноўвае дастаткова абмежаваныя працэсы. Натуральна, што выяўленыя ў нашым даследаванні мадэлі адваротнай дэрывацыі не характарызуюцца значнай прадуктыўнасцю і рэгулярнасцю. Так, пры адваротнай дэрывацыі ад складанаскладовых абрэвіатур-субстантываў у англійскай мове могуць утварацца ад'ектывы шляхам мадэляванага ўсячэння падобных да суфіксаў

элементаў, напрыклад: *aerobatics* → *aerobatic*, *optronics* → *optronic*, *Unabomber* → *Unabomb*. Зафіксаваны адзінкавыя прыклады ўтварэння адабрэвіятурных назоўнікаў і дзеясловаў шляхам адваротнай дэрывацыі: *aerobatics* → *aerobat*; *carjacking* → *to carjack*.

Акрамя таго, для абрэвіятур англійскай мовы ўласціва выступаць дэрывацыйнай базай для ўтварэння новых адзінак шляхам другаснай абрэвіяцыі. Пры гэтым могуць утварацца скарачаныя адзінкі ўсіх трох абрэвіятурных тыпаў: складовага, напрыклад, *yuppie* → *yup*; складанаскладовага – *glamazon* (*glam* + *amazon*); ініцыяльнага – *AIDS* → *ARC* (*AIDS-related complex*) і пад.

У праведзеным даследаванні дэрывацыйнага патэнцыялу абрэвіятур, акрамя словаўтваральнай актыўнасці скарачаных слоў, мы таксама засяроджваем увагу на выпадках *семантычнай дэрывацыі*. Гэта выклікана тым, што пры поўнай лексікалізацыі абрэвіятур можа таксама адбывацца набыццё новага значэння скарачаным словам.

Акадэмік В.У. Вінаградаў пісаў, што ні адна мова не ў стане выражаць кожную канкрэтную ідэю самастойным словам або каранёвым элементам [2, с. 18]. Таму неадназначнасць лексічных адзінак, у прыватнасці, з’явы полісеміі і аманіміі, уяўляе з сябе імаверную семантычную ўніверсальную, якая бярэ пачатак у фундаментальнай структуры мовы.

Паказальна, што лексіка-семантычны спосаб увогуле забяспечвае найбольшую эканомію намінацыйных сродкаў у любой мове [3, с. 46]. У нашым даследаванні спосабаў адабрэвіятурнай намінацыі мы разглядаем выпадкі існавання ўзаемазвязаных значэнняў для аднаго скарачнага знака і таму засяроджваем увагу на з’яве полісеміі.

Як сведчыць наш фактычны матэрыял, пры поўнай лексікалізацыі абрэвіятур нярэдка адбываецца набыццё новага значэння скарачаным словам. Устаноўлена, што ў даследаваных мовах абрэвіятуры праяўляюць розную здольнасць да семантычнай дэрывацыі. Так, у абедзвюх супастаўленых мовах скарачаныя лексічныя адзінкі могуць выступаць дэрывацыйнай базай для метанімічных пераносаў. Напрыклад, у беларускай мове вылучаны наступныя пары семантычнай дэрывацыі такога тыпу (зафіксавана 26 адзінак): *КВП* (*кантрольна-вымяральныя прыборы*) → *КВП* ‘завод, цэх, аддзел кантрольна-вымяральных прыбораў’; *БелАЗ* (*Беларускі аўтамабільны завод*) → *БелАЗ* ‘аўтамабіль, выраблены на Беларускім аўтамабільным заводзе’ і пад. Тып семантычных змен у разгледжаных парах заключаецца ў такім пераносе скарачанага назвы аднаго прадмета на іншы, які заснаваны на рэальнай сувязі паміж суадноснымі прадметамі і з’явамі. Звяртае на сябе ўвагу тое, што ў беларускай мове толькі ініцыяльныя абрэвіятуры праяўляюць здольнасць да набыцця новых словазначэнняў.

У англійскай мове метанімічныя мадэлі семантычнай дэрывацыі скарачаных слоў прадстаўлены больш разнастайна (зафіксавана 76 адзінак): *E-FIT* (*Electronic Facial Identification Technique*) → *E-FIT* ‘an image generated by this technique’; *YMCA* (*Young Men’s Christian Association*) → *YMCA* ‘a hostel run by the YMCA’; *BAFTA* (*British Academy of Film and Television Arts*) →

BAFTA ‘an award made by this institution’; *STOL* (*short take-off and landing*) → *STOL* ‘an aircraft using this system’; *hype* (*hypodermic*) → *hype* ‘a drug addict’; *telnet* (*telecommunication + network*) → *telnet* ‘a program that establishes a connection from one computer to another by means of telnet’. Як бачна з прыведзеных прыкладаў, у англійскай мове лексіка-семантычныя варыянты могуць мець усе тыпы абрэвіятур.

Акрамя таго, для англійскіх абрэвіятур таксама ўласцівы метафарычныя мадэлі семантычнай дэрывацыі скарачаных слоў, заснаваныя на пераносе найменняў аднаго прадмета або з’явы на іншыя на аснове іх падабенства. Пры гэтым падабенства грунтуецца на агульным характары самых розных прыкмет, напрыклад: *AC/DC* (*alternating current/direct current*) → *AC/DC* ‘bisexual’; *MC* (*master of ceremonies*) → *MC* ‘a person who speaks the words of a rap song’; *trike* (*tricycle*) → *trike* ‘a kind of ultralight aircraft’; *zoo* (*zoological garden*) → *zoo* ‘a situation characterized by confusion and disorder’; *hippo* (*hippopotamus*) → *hippo* ‘an armoured police car’. Усяго вылучана 53 падобныя выпадкі ўтварэння лексіка-семантычных варыянтаў скарачаных слоў у англійскай мове.

Такім чынам, праведзены аналіз адабрэвіятурных дэрыватаў дазваляе пераканацца ў тым, што скарачаныя лексічныя адзінкі англійскай і беларускай моў здольныя ўступаць ва ўзаемадзеянне з іншымі словаўтваральнымі сродкамі і характарызуюцца значнай словаўтваральнай актыўнасцю. Выяўлена, што найбольшай разнастайнасцю ў супастаўленых мовах адзначаюцца суфіксальныя мадэлі ўтварэння адабрэвіятурных дэрыватаў. Пры гэтым суфіксацыя выступае найбольш прадуктыўным спосабам утварэння дэрыватаў ад абрэвіятур у беларускай мове. У англійскай мове найбольшай прадуктыўнасцю характарызуюцца словаскладанне і канверсія. Устаноўлена, што ў беларускай мове дэрывацыйнай базай найчасцей выступаюць абрэвіятуры складанаскладовага тыпу, у той час як у англійскай мове ўсе тыпы абрэвіятур практычна аднолькава здольныя ўтвараць новыя адзінкі.

Адзначым, што абрэвіатурам англійскай і беларускай моў, акрамя здольнасці выступаць у якасці матывавальнага слова для цэлага шэрага вытворных слоў, таксама ўласцівы лексіка-семантычны спосаб адабрэвіятурнай намінацыі. Устаноўлена, што ў супастаўленых мовах абрэвіятуры праяўляюць розную здольнасць да семантычнай дэрывацыі. Разгледжаныя выпадкі лексіка-семантычнай намінацыі ў супастаўленых мовах адносяцца да полісеміі, якая ў абедзвюх мовах можа быць заснавана на метанімічным пераносе. Акрамя таго, для англійскіх абрэвіятур таксама ўласцівы метафарычныя мадэлі семантычнай дэрывацыі скарачаных слоў.

Праведзены аналіз дэрывацыйнага патэнцыялу скарачаных слоў у англійскай і беларускай мовах дазваляе прасачыць пэўныя тэндэнцыі адабрэвіятурнай лексічнай намінацыі і дае магчымасць прагназіраваць прадуктыўнасць тых або іншых мадэляў вытворных ад абрэвіятур слоў у даследаваных мовах.

ЛІТАРАТУРА

1. *Лукашанец, А.А.* Абрэвіятуры / А.А. Лукашанец // Беларуская мова : энцыкл. / рэдкал.: Б.І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.] ; пад рэд. А.Я. Міхневіча. – Мінск : БелЭн, 1994. – С. 9–10.
2. *Виноградов, В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – 310 с.
3. *Лещёва, Л.М.* Слова в английском языке. Курс лексикологии современного английского языка: учебник для студентов фак-тов и отделений англ. яз. / Л.М. Лещёва. – Минск : Акад. управления при Президенте Республики Беларусь, 2001. – 179 с.

The article focuses on analysing the ways of lexical derivation characteristic of abbreviations serving as derivational bases in English and Belarusian. The paper also determines common and specific features of semantic derivation typical of shortened lexemes in the confronted languages.

Поступила в редакцию 16.05.13

Г.В. Карпук

ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ АПЕЛЛЯЦИИ К БИБЛЕЙСКИМ ПРЕЦЕДЕНТНЫМ СИТУАЦИЯМ В РЕКЛАМНЫХ СООБЩЕНИЯХ

В настоящей статье на материале семиотически осложненной русскоязычной рекламы рассматриваются вербальные и невербальные апелляции к библейским прецедентным ситуациям, связанным с Адамом и Евой в Раю (их блаженство до грехопадения и последующее искушение/грехопадение). Автором установлено, что вербальное апеллирование к прецедентным ситуациям осуществляется через прецедентные и прецедентно окрашенные имена, невербальное – через невербальные образы путем изображения определенных персонажей и предметов. При этом в рассмотренных рекламных сообщениях выявлено доминирование невербальных апелляций.

В рекламе в целях оказания необходимого воздействия на адресата помимо широко распространенных, типичных задействуются и достаточно экзотичные способы влияния на поведение потенциальных потребителей. К подобным средствам рекламного влияния принадлежат и *библейские прецедентные феномены*.

В целом под прецедентными феноменами нами понимаются явления, известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества, значимые в когнитивном (познавательном и эмоциональном) отношении, обращение к которым постоянно наблюдается в речи представителей данного сообщества [1, с. 58]. Заклучая в себе и транслируя

культурозначимую информацию, прецедентные феномены участвуют в формировании смысла рекламного сообщения: привносят в него дополнительную смысловую нагрузку [2, с. 212], расширяют его коннотативное поле [3]. Более того, использование прецедентных феноменов способно «предопределить верную интерпретацию смысла» [4] рекламного сообщения и облегчить адресату его восприятие. Прецедентные феномены также могут обладать суггестивностью и снижать критичность восприятия определенной информации. В силу своей общеизвестности и значимости для целевой аудитории они могут вызывать позитивную реакцию потенциальных потребителей. Их использование делает рекламное сообщение ярким, оригинальным, выразительным и благодаря этому усиливает его прагматическую направленность, заключающуюся в том, чтобы привлечь потенциального потребителя и убедить в необходимости последовать рекламному предложению.

Прецедентные феномены традиционно подразделяются на прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные тексты и прецедентные ситуации. Указанные типы не разделены строгими границами, и однозначное отнесение прецедентных феноменов к одному из них зачастую является проблематичным. Одна из причин этого заключается в том, что когда «происходит апелляция к одному из них, то за данным конкретным феноменом могут скрываться другие» [1, с. 124–125] (первичным будет тип прецедентного феномена, собственно исследуемый в определенной работе).

Как и другие типы прецедентных феноменов, ситуация является прецедентной, если она хорошо знакома представителям определенного национально-лингвокультурного сообщества, актуальна в когнитивном плане и апелляции к ней частотны (как правило или потенциально) в коммуникации представителей данного сообщества [1, с. 60]. Прецедентная ситуация относится к невербальным, но вербализуемым прецедентным феноменам, при этом вербализуется инвариант ее восприятия, представляющий собой набор ее дифференциальных признаков, содержащий знания, представления о ней и связанные с ней коннотации. Ее атрибутами являются субъекты-персонажи и предметы, тем или иным образом имеющие к ней отношение. Вербализация прецедентной ситуации может осуществляться через прецедентное имя, прецедентное высказывание и/или краткое описание самой ситуации, т.е. посредством прецедентных и непрецедентных единиц [1, с. 60–64].

Настоящая статья посвящена рассмотрению коммуникативно-прагматических особенностей вербального и невербального апеллирования к библейским прецедентным ситуациям, связанным с Адамом и Евой в Раю (их блаженство до грехопадения и последующее искушение/грехопадение). Материалом послужила русскоязычная семиотически осложненная реклама.

Рекламный дискурс является светским, в определенных случаях даже антихристианским: реклама зачастую продвигает высоко гедонистический, направленный на создание и удовлетворение многочисленных телесных

потребностей образ жизни, контрастирующий с христианскими добродетелями нестяжания, воздержания и большей заботой о духе и душе. Безусловно, привнесение в рекламу религиозных штрихов придает ей экзотическую окраску, способную повысить аттрактивность рекламных сообщений и тем самым усилить их прагматическое воздействие на адресата – побудить его к покупке рекламируемого товара.

С одной стороны, библейские прецедентные феномены являются социумно-прецедентными, например, могут входить в конфессиональное (христианское и частично иудаистское) когнитивное пространство. С другой стороны, их использование в рекламе (техники, косметики и т.д.), целевой аудиторией которой являются не только и не столько верующие, сколько в целом светское общество, говорит о том, что рекламисты приписывают им статус прецедентных для широкого круга потенциальных потребителей.

Источниками библейских прецедентных феноменов служат два основных типа библейских сюжетов: ситуации, связанные с семейными и/или любовными отношениями, и ситуации, живописующие важные ветхозаветные события, проявления Божьего промысла, борьбу человека со страстями, общение человека с Богом [5]. Анализ рекламных сообщений показал, что в них встречаются прецедентные ситуации обоих упомянутых типов. Прецедентная ситуация райского блаженства первых людей до грехопадения, в сущности, относится к первому типу сюжетов: в то время Адам и Ева представляли собой абсолютно счастливых людей, пребывающих в любви и гармонии. Прецедентная ситуация искушения/грехопадения прародителей может рассматриваться как принадлежащая ко второму типу: данное искушение/грехопадение стало отправной точкой соответствующего, известного всем нам развития человечества.

Прецедентные ситуации могут порождаться реальной действительностью или виртуальной реальностью искусства. Библейские прецедентные ситуации верующим сознанием относятся к группе ситуаций, произошедших в реальной действительности и имеющих ретроспективный характер – обращают мысли потенциального потребителя к истокам человеческой истории.

Библейские прецедентные феномены в целом представляют собой динамические образования, обладающие большими возможностями в плане варьирования: в случае помещения в иной дискурс они подвергаются смысловой деформации [5]. Это касается и библейских прецедентных ситуаций, которые характеризуются изменением смысла, в том числе при функционировании в рекламе, что будет проиллюстрировано далее в настоящей статье.

Обратимся к вербальной и невербальной реализации библейских прецедентных ситуаций в рекламе батончик «Bounty». В отличие от печатных (журнальных) рекламных сообщений, анализируемых несколько позже, в данном случае мы имеем дело с рекламными роликами. Существует большое количество роликов, рекламирующих данный продукт, при этом зачастую

неотъемлемыми их компонентами являются полуобнаженная красивая пара и тропический остров с его экзотической растительностью и песочным пляжем (в некоторых случаях фоном служит водопад и т.п.). К особенностям их съемок также относится романтическая музыка. В одних роликах батончик вкушает мужчина, в других – женщина. В переводной русскоязычной рекламе слоганом являются слова *Баунти – райское наслаждение*.

Реклама «Bounty» – пример «сладкого», романтического, чувственного, эротичного сюжета. «Сладкий» сюжет рекламных роликов характерен для рекламы сладостей, парфюмерно-косметической продукции, ювелирных украшений, товаров для детей и т.д. Он наблюдается в основном в западной рекламе западных товаров, искусственно, без адаптации, перенесенной на российскую почву [6, с. 79]; реклама «Bounty» служит тому подтверждением.

Рекламными персонажами, выступающими в качестве невербальных маркеров-атрибутов прецедентной ситуации, являются молодой человек и девушка. В одном ролике к девушке, сидящей на берегу в лучах солнца и неподалеку от пальм, подплывает молодой человек, в другом – женщина изображена под водопадом, к ней подходит мужчина, преподносит ей батончик и обнимает ее. Видеоряд в данных роликах сопровождается озвученным закадровым текстом: *В такие минуты трудно понять, где заканчивается реальность и начинается мечта. Bounty – райское наслаждение*. По нашему мнению, в анализируемых рекламных роликах просматривается прежде всего прецедентная ситуация блаженства первых людей, Адама и Евы, в Раю, которое предшествовало позднему их грехопадению.

Представленная трактовка анализируемых рекламных роликов и соответствующие ассоциации были вызваны, во-первых, вербальным компонентом рекламы, во-вторых, ее невербальной составляющей. Что касается вербального компонента, основанием для возникновения ассоциаций с Раем послужили слова а) *трудно понять, где заканчивается реальность и начинается мечта* и б) *райское наслаждение*. Ведь рай при определенном его понимании предполагает ситуацию, в которой между реальностью и мечтой можно поставить знак равенства и они во времени и пространстве совпадают. Невербальные элементы, вызвавшие упомянутые ассоциации, представлены мужчиной и женщиной, блаженствующими среди пальм и иных экзотических тропических деревьев и растений. Любопытно, что присутствие пальм – также возможный элемент Рая, ведь, по преданию, Рай, насаженный самим Богом, находился на Востоке и имел невообразимо богатую растительность, включавшую, по всей вероятности, и пальмовые деревья.

Лексема *Рай* является ярким прецедентным именем, означающим сад, описанный в библейской Книге Бытия и представляющий собой жилище прародителей, дарованное им самим Богом. «Рай, в котором пребывали первые люди, был для тела вещественный, как видимое блаженное жилище, а для души – духовный, как состояние благодатного общения с Богом и

духовного созерцания тварей. Раем называется и то блаженное жилище небожителей и праведников, которое наследуют они после Страшного Суда Божия» [7, с. 518]. На наш взгляд, образованная от слова *Рай* лексема *райское* в контексте анализируемых роликов батончика «Bounty» в определенном смысле сохраняет прецедентное значение и в сочетании с лексемой *наслаждение* может выступать в качестве вербального средства актуализации прецедентной ситуации (райское наслаждение – высшее, наибольшее и вызывающее позитивные ассоциации наслаждение). Следует отметить, что сами слова «Bounty» – *райское наслаждение* стали прецедентно окрашенными.

Рекламируемый батончик в некотором смысле соотносится с тем плодом, который Ева предложила вкусить Адаму, что означает присутствие в рекламе косвенного, опосредованного апеллирования к еще одной прецедентной ситуации – искушению/грехопадению прародителей. Как известно, в Раю Адаму и Еве можно было вкушать все плоды кроме плодов древа познания добра и зла. «Познание это хранилось, отлагалось, может быть, для усовершенствовавшихся деланием и хранением рая, – для новосозданных оно было преждевременно и смертоносно» [8, с. 576]. Однако Ева, прельщенная дьяволом, принявшим вид змея, вкусила от запрещенного Богом плода упомянутого дерева и склонила к этому Адама. Описанная прецедентная ситуация подверглась в концепции рекламной кампании «Bounty» некоторым смысловым изменениям. Во-первых, в отличие от Евы, соблазнившей Адама запретным плодом, в рекламе девушка соблазняет молодого человека не только и не столько батончиком, сколько своей красотой и эротичностью. Во-вторых, батончик «Bounty» предстает как райское яство, позитивно маркированное в коннотативном плане. Плод же, съеденный Адамом и Евой, с грехопадения и до сегодняшнего дня имеет, если так можно выразиться, негативные коннотации и ассоциации (с вкушением плода прародителя, а в лице их и все человечество, познали одиночество, печаль, уныние и т.д. – одним словом, грех и смерть). В-третьих, в определенных рекламных роликах «Баунти», изображающих обоих персонажей, именно мужчина преподносит женщине рекламируемый батончик: в нашей интерпретации он уже его вкусил и предлагает жене.

Как видим, смысл ‘соблазн’ – один из дифференциальных признаков ситуации искушения/грехопадения прародителей – в исследуемых рекламных сообщениях передается вербально («Bounty» – *райское наслаждение*) и невербально путем изображения соблазняющих персонажей, предметов и элементов (изображается девушка, соблазняющая молодого человека рекламируемым батончиком, а также своей красотой и эротичностью).

Невербальные апелляции к прецедентным ситуациям в рассматриваемых роликах участвуют в формировании райской обстановки и райского, высоко позитивного образа батончика «Bounty», в визуальном подтверждении способности рекламируемого предмета доставлять райское наслаждение, символизации (персонажи символизируют Адама и Еву, батончик – райское яство).

Таким образом, вербальное апеллирование к прецедентным ситуациям в рекламе «Bounty» осуществляется через прецедентно заряженную лексику *райское*, невербальное – через невербальные атрибуты, девушку и молодого человека, которые ощущают радость, счастье и т.п.; при этом невербальные апелляции являются доминирующими.

Одно и то же рекламное сообщение разными людьми может быть воспринято и проинтерпретировано неодинаково, наполнено разным смыслом в зависимости от иерархии потребностей и ценностных ориентаций. Так, например, в рекламе «Bounty» для кого-то на первый план выйдет библейская прецедентная ситуация, а для кого-то – сексуальность, в любом случае расширяется целевая аудитория рекламы. Естественно предположить, что создатели рекламных роликов использовали совмещенную апелляцию: с одной стороны, к библейским прецедентным ситуациям, с другой – к половому влечению человека.

Примером реализации вербальных и невербальных апелляций к библейским прецедентным ситуациям также может служить журнальная реклама автомобиля «Citroen-C3». Вербальными средствами апелляции к прецедентной ситуации искушения/грехопадения прародителей в анализируемой рекламе являются лексема *Ева* и словосочетание *яблоко соблазна* (прецедентное и прецедентно окрашенное имя соответственно). Участвуют в приобретении рекламируемым автомобилем «соблазняющего» образа и такие выражения, как *притягивают взгляд, удивительно комфортный, обещает удовольствие от каждой поездки*. В этой связи вспоминаются слова из Книги Бытия: «И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел» (Быт. 3:6). В рекламе акцент на соблазне осуществляется использованием соответствующих лексем (*соблазн, соблазнять*) в начале и конце вербальной части: *Возможно, Ева забыла бы о яблоке соблазна, если бы Citroen C3 появился немного раньше. Его стильные округлые формы притягивают взгляд. Расположившись в его просторном салоне, вы чувствуете, что создатели автомобиля думали именно о вас. Простой в управлении и удивительно комфортный, он обещает удовольствие от каждой поездки. Кто устоит перед таким соблазном?* В верхней части рекламного сообщения расположены слова *Citroen C3*. *Создан соблазнять*, в нижней – *Citroen C3*. *Опережая воображение*. Как видим, вербальный компонент (*яблоко соблазна, соблазн, соблазнять*) достаточно активно участвует в реализации смысла «соблазн» в данном рекламном сообщении.

Реклама автомобиля «Citroen-C3» – пример исторической ретроспекции, особенно ярко реализующейся на невербальном уровне. По сравнению с вербальной частью невербальный компонент лидирует в представлении прецедентной ситуации искушения/грехопадения и создании необходимого имиджа рекламируемого автомобиля (содействует формированию его уникального, соблазнительного и желанного образа). Невербальными

средствами апеллирования к прецедентной ситуации являются изображения Адама, Евы, дьявола (в виде змея) и дерева познания добра и зла (с фруктовыми плодами, по внешнему виду напоминающими яблоки красного цвета или гранаты). Прародители изображены на фоне Рая, причем со стороны Евы находится дерево с плодами и змей, со стороны Адама – автомобиль возле пальм и цветущих кустарников. На наш взгляд, не случайно змей изображен со стороны Евы: осуществление своего замысла дьявол начал именно с соблазнения Евы как более слабого существа. Рядом с Адамом создатели рекламного сообщения поместили рекламируемый автомобиль: возможно, одна из причин этого заключается в том, что, несмотря на возрастающее приобщение женщин к управлению транспортными средствами, вождение традиционно относится к так называемым «мужским» видам деятельности.

Любопытно, что автомобиль и плоды дерева познания (а также рядом изображенный змей) представлены в красном цвете: восприятие нами данной детали таково, что в фокус помещается способность автомобиля конкурировать с плодами в соблазнении. В целях привлечения внимания использован и шрифт красного цвета: в нем выполнено название рекламируемого автомобиля (в верхней части рекламы) и слова *Опережая воображение* (в нижней ее части). Иными словами, ключевой функцией красного цвета в данном рекламном сообщении является аттрактивная.

То обстоятельство, что в рекламе автомобиля «Citroen-C3» у обнаженных Адама и Евы листьями прикрыты интимные части тела, свидетельствует о том, что в рекламе изображается ситуация, имевшая место после грехопадения. Как известно, до своего грехопадения Адам и Ева не имели нужды в одежде (в человеческом ее понимании), воспринимали обнаженность как нечто естественное, как норму. «У них до этой поры, до греха, была одежда из света в том смысле, что человек и Бог не были разделены, и поэтому одежда благодати их окутывала» [9]. После вкушения плода от дерева познания «первое греховное ощущение праотцев было ощущение стыда, в котором – невольное и горестное сознание внутри живущего греха, заменившего в них прежнего жителя – Святого Духа» [8, с. 578]. Устыдившись своей обнаженности, прародители сделали опоясания из смоковничных листьев.

Таким образом, реклама живописует, с одной стороны, сцену после искушения дьяволом Адама и Евы посредством плодов с дерева познания, с другой стороны – придуманную рекламистами сцену возможного искушения прародителей рекламируемым автомобилем. В ней проводится аналогия между притягательностью плодов дерева познания добра и зла и притягательностью автомобиля «Citroen-C3», ненавязчиво указывается на больший соблазняющий потенциал рекламируемого автомобиля (*Возможно, Ева забыла бы о яблоке соблазна, если бы Citroen C3 появился немного раньше*).

Создатели рекламы, как правило, используют стереотипное знание (принадлежащее широкой целевой аудитории) о библейских прецедентных ситуациях. Например, в качестве плода дерева познания используют яблоко,

хотя в Библии не сказано о том, что это было яблоко. Символизация яблоком грехопадения, вероятно, имела истоки в древнегреческих мифах (яблоко обладало в них символическим значением) и получила развитие в Западной Европе в эпоху средневековья, когда художники писали картины на библейские темы, в том числе на тему грехопадения [10]. При этом в христианском искусстве яблоко являлось одновременно символом греха (например, в руках Адама или Евы либо во рту змея) и символом спасения (в руках младенца Христа или Божьей Матери) [11, с. 246]. Данное обстоятельство связано с тем, что, «как непослушанием одного человека [Адама] сделались многие грешными, так и послушанием одного [Иисуса Христа] сделаются праведными многие» (Рим. 5:19).

Приведем еще один пример преимущественной актуализации прецедентной ситуации искушения/грехопадения через невербальные маркеры-атрибуты. Рассмотрим журнальную рекламу парфюма «Red Delicious» (от Donna Karan New York). На невербальном уровне основанием для констатирования использованной в данном рекламном сообщении прецедентной ситуации послужили мужской и женский образы и яблоневого плода.

В анализируемой рекламе, имеющей, как и рассмотренная реклама «Баунти», эротизированный характер, изображен рекламируемый предмет (парфюм) и субъекты-персонажи, а именно сидящие на мотоцикле молодой человек и полуобнаженная девушка, которая поднесла ко рту наливное бордово-красное яблоко и задумчиво смотрит вдаль. Мужчина положил руку на ногу женщине, которая сделала то же самое по отношению к мужчине. Персонажи изображены на фоне окутанного дымкой городского пейзажа. В центральной части рекламного сообщения в основном рекламном тексте крупным шрифтом красного цвета представлено название рекламируемого парфюма. В нижней части рекламы среди красных яблок изображены имеющие форму яблок два флакона данного парфюма. Красный цвет яблок неслучаен. Как частично упоминалось нами ранее, данный цвет – сильный раздражитель, обладающий высокой способностью привлечения внимания и оказывающий возбуждающее воздействие. В рассматриваемом сообщении красный цвет также выступает символом страстных чувств и т.п.

Подобно Еве, соблазвившей Адама вкусить запретный плод, девушка соблазняет молодого человека, с одной стороны, сочным спелым яблоком, с другой – парфюмным ароматом, подобным аромату такого яблока, и своей эротичностью.

Необходимо обратить внимание на то, что женский образ, участвующий в реализации прецедентной ситуации, представлен в рекламе изображением женщины с обнаженными ногами и руками в коротком красном платье на бретельках с глубоким декольте. Данное обстоятельство – деталь, также участвующая в придании рекламному сообщению эротичности. В анализируемой рекламе мужчина имеет на себе несколько больше одежды: он в скромной майке и джинсах. И если учесть тот факт, что в определенный период человеческой истории статус человека определялся и количеством

одежды на нем (чем больше, тем выше статус), что в той или иной степени актуально и в современную эпоху, то наблюдаемое гендерное различие по параметрам количества и характера одежды рекламных персонажей существенно и функционально. Так, одежда на мужчине выполняет свою обычную функцию, в то время как одежда на изображенной женщине имеет своей главной функцией привлечение мужчины и т.п.

В целом невербальный компонент в анализируемой рекламе участвует в создании эротичной атмосферы (указывает на соответствующие отношения между персонажами, символизирующими Адама и Еву) и посредством этого содействует формированию соответствующего образа рекламируемого товара.

Обратимся к средствам вербального апеллирования к прецедентной ситуации в обсуждаемой рекламе, а именно к существительному *соблазн*: *Представляем Red Delicious – новый соблазн, воплощенный в аромате. Для женщин. Для мужчин* (основной текст рекламного сообщения). В рамках рассматриваемой рекламы проанализированные ранее невербальные апелляции (через мужской и женский образы, яблоки) к прецедентной ситуации искушения/грехопадения дополнены данным существительным, выступающим в качестве средства вербального апеллирования. Важным представляется то, каким образом упомянуты потенциальные потребители рекламируемого парфюма: сначала указываются женщины, затем – мужчины (напомним, что дьявол сначала искушил женщину, которая затем искусила своего мужа), при этом в целях выделения данной информации и привлечения к ней внимания используется прием парцелляции. Что касается названия рекламируемого парфюма «Red Delicious», даже в сочетании с невербальными апелляциями его рассмотрение в качестве вербальной апелляции не представляется возможным: реклама размещена в русскоязычном журнале, и не каждый читатель журнала владеет английским языком в таком объеме, чтобы знать перевод прилагательного *delicious* ‘очень вкусный; восхитительный’ и т.д.

В результате проведенного анализа вербальной и невербальной реализации библейских прецедентных ситуаций в семиотически осложненной рекламе представляется возможным сделать следующие выводы: 1) вербальные и невербальные апелляции к исследуемым прецедентным ситуациям характеризуются функционально-смысловым единством и подчинены цели оказания необходимого коммуникативно-прагматического воздействия на адресата, при этом доминирующими являются невербальные апелляции; 2) вербальное апеллирование осуществляется через прецедентные и прецедентно окрашенные имена, невербальное – через мужской и женский персонажи, яблоневый плод, змея; 3) при апеллировании к ситуации искушения/грехопадения плод древа познания стереотипно представляется в виде яблока, особая роль красного цвета обусловлена способностью привлечения внимания, символизацией страстных чувств; 4) апелляции к ситуации искушения/грехопадения сопровождаются аналогией между притягатель-

ностью плодов древа познания и притягательностью рекламируемого товара, смысл 'соблазн' передается вербально и невербально; 5) использование в рекламных сообщениях апелляций, с одной стороны, к библейским прецедентным ситуациям, с другой – к половому влечению человека может быть объяснено стремлением рекламистов расширить целевую аудиторию; 6) обращение к библейским прецедентным ситуациям наблюдается в рекламе товаров из различных областей: техники, косметологии, сферы продуктов питания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Красных, В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
2. *Медведева, Е.В.* Рекламная коммуникация / Е.В. Медведева. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 280 с.
3. *Куликова, Е.В.* Рекламный текст через призму прецедентных феноменов / Е.В. Куликова // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. «Филология». – 2010. – № 6. – С. 334–340.
4. *Кушнерук, С.Л.* Использование прецедентных феноменов для ситуативного промоушена в российской печатной рекламе / С.Л. Кушнерук [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/kushneruk-06.htm>. – Дата доступа: 18.10.2011.
5. *Орлова, Н.М.* Библейский текст как прецедентный феномен / Н.М. Орлова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.famous-scientists.ru/list/4567>. – Дата доступа: 14.10.2011.
6. *Мокшанцев, Р.И.* Психология рекламы / Р.И. Мокшанцев. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 230 с.
7. Полная популярная иллюстрированная библейская энциклопедия. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2000. – 720 с.
8. *Брянчанинов, И.* Полное собрание творений: в 7 т. / И. Брянчанинов. – М.: Паломник, 2006. – Т. I. – 623 с.
9. *Кураев, А.* В чем провинились Адам и Ева / А. Кураев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/v-chem-provinilis-adam-i-evaliksiya-diakona-andreya-kuraeva-v-video-formate/>. – Дата доступа: 22.01.2012.
10. *Легойда, В.* Яблоко раздора / В. Легойда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.foma.ru/article/index.php?news=1062>. – Дата доступа: 15.10.2011.
11. *Апостолос-Каппадона, Д.* Словарь христианского искусства / Д. Апостолос-Каппадона. – Челябинск: Урал LTD, 2000. – 272 с.

The paper offers analysis of the functioning of biblical precedent situations in advertisements. It focuses on the biblical precedent situations connected with Adam and Eve in Paradise. In the paper communicative and pragmatic characteristics of verbal and non-verbal appeals to these precedent situations are considered.

Поступила в редакцию 29.03.13

ДИАЛОГ КАК СТРАТЕГИЯ ПЕРЕВОДА ТЕКСТА

В статье раскрываются основные аспекты диалогического подхода к решению проблемы интерпретации текста при переводе. Переводческая деятельность рассматривается как преобразующий процесс, вовлеченный в диалогические отношения, порождаемые соотносительностью всех компонентов интерпретативно-порождающего дискурса, каковым является перевод, с контекстом. Предполагается, что оптимальным сочетанием структур и средств реализации диалогической стратегии, лежащей в основе перевода, обеспечивается эффективность концептуального соотношения пространства и стратегий оригинала с интерпретацией адресатом текста перевода. При изучении переводческого процесса с позиций диалогического подхода подчеркивается возможность выявления факторов, знание которых составляет коммуникативную компетенцию переводчика.

В настоящее время происходит своеобразное расширение объекта исследований во всех традиционных отраслях языкознания, в том числе и переводоведении, обусловленное переходом к антропоцентрической научной парадигме, в которой с особой силой проявляются тенденции к интеграции различных подходов, методов и дисциплин, и предпринимаются попытки нового осмысления известных фактов и теории. Перевод – это процесс творческий, связанный с воссозданием на другом языке смысла, выраженного в оригинале, и поэтому невозможно перевести текст без его последующей интерпретации. К решению сложной проблемы интерпретации текста при переводе позволяет приблизиться *диалогический подход*, продекларированный М. Бахтиным в собрании его трудов, посвященных анализу художественного «слова», т. е. языка художественного текста [1]. Диалогический подход строится на понимании взаимодействия автора текста и его читателя как процесса развития их отношений, формирования их оценок, эмоций, смыслов под влиянием друг друга в ходе диалогического общения [2, с. 49]. Целью данной статьи является теоретическое обоснование использования диалогического подхода для решения проблемы интерпретации текста при переводе.

Перевод в отличие от одноязычной коммуникации носит опосредованный характер. В функции посредника выступает переводчик, который сознательно или неосознанно включает в перевод собственное понимание оригинала. Он становится не только интерпретатором, но и аналитическим критиком текста, дважды корректируя исходный смысл в первой и во второй фазах переводческого процесса. Первостепенная задача переводчика заключается в том, чтобы сократить протяженность расстояния между смыслом и целями, заложенными автором в оригинале, и рецептивным смыслом и целями перевода. При решении этой задачи современными переводоведами повышенное внимание уделяется проблемам переводческой эквивалентности, адекватности, буквальности, а также разработке различных методов

лингвистического анализа переводческого процесса. Различные аспекты этого анализа как взаимосвязанные разделы лингвистики перевода сведены в единую теоретическую концепцию В.Н. Комиссаровым [3]. Однако сосредоточение внимания на лингвистическом факторе, формально-структурной и нормативно-содержательной эквивалентности оригинала и перевода или создании переводчиком смыслового аналога оригинала представляется не всегда эффективным для достижения баланса интерпретаций переводчиком и реальным адресатом, который тоже осуществляет коррекцию смысла “как собственную рефлексию текста в структуре своего сознания”. Баланс интерпретаций зависит не только от переводчика, но и “от эффективности авторской программы адресованности, компетентности реального адресата и соотношения пространственно-временных континуумов автора оригинала, переводчика и адресата” [4, с. 79–80]. Соответственно, достижение оптимальной сбалансированности интерпретаций обеспечивается готовностью переводчика к многостороннему диалогу. Он не может уклониться от общения с автором исходного текста (ИТ) и адресата текста перевода (ПТ) и поэтому организует свою деятельность как диалог. В этом собственно заключается сущность диалогического подхода к процессу перевода.

Переводческая деятельность включает такие процедуры, как переводческая интерпретация ИТ и лингвокреативное порождение на основе данной интерпретации ПТ. В целом преобразующий процесс перевода описывается как «интерпретативное дискурсопорождение» [5, с. 246]. Использование в научном обиходе такого определения переводческого процесса не случайно, поскольку оно позволяет перенести акценты с языка как системы и ПТ как единицы языка на ПТ как дискурс.

В рамках данной статьи мы не даем подробного анализа соотношения текста и дискурса, а ограничиваемся лишь теми ключевыми положениями в отношении интерпретативно-порождающего дискурса, которые непосредственно необходимы для предпринимаемых здесь рассуждений.

Интерпретативно-порождающий дискурс, который представляет собой преобразующий процесс слияния двух фаз, можно квалифицировать как многофакторный, но главным в нем является смыкающе-преобразующий фактор переводчика. Именно он считается главным антропоцентром интерпретативно-порождающего дискурса, личностью творческой, мыслящей [6]. Деятельность переводчика вовлечена в определенные диалогические отношения: воспринимая ИТ, он «конструирует» его на основе своего опыта и тех «указателей», ограничивающих встроенную в него программу интерактивности и интерпретации, собственный интерпретативный процесс он соотносит с программированием интерпретации адресатом ПТ. Такое понимание сущности интерпретативно-порождающего дискурса, каковым является перевод, позволяет рассматривать его как следствие диалогических отношений. Цитируя суждение Т.Ф. Плехановой о природе диалогических отношений, «эти отношения – не просто обмен репликами между говорящими, а сложное переплетение взаимных влияний говорящего и слушающего

друг на друга и контекста» [2, с. 138]. Диалогические отношения имеют своеобразный характер – они не сводимы ни к логическим, ни к лингвистическим, ни к какому-либо иному типу отношений. Прослеживая их динамику в процессе перевода, можно увидеть, как переводчик создает зоны диалогического контакта, и таким образом выявить его диалогическую стратегию, которая лежит в основе интерпретативно-порождающего дискурса.

Формально данная стратегия выражается в ПТ в использовании определенных стереотипизированных структур и средств диалогизации и отражает базовую структуру ПТ, позволяя анализировать перевод как процесс поиска возможных ответов на волнующие переводчика вопросы, как процесс смыслопорождения, в который вовлекаются автор, сам переводчик и адресат. Все они манифестированы сферами индивидуальных сознаний, включающих ментальные лексиконы, сопряженные с невербальным когнитивным пространством, а также иные, отличные от мышления смыслопорождающие психические функции (ощущения, чувствования, интуицию и пр.), коррелирующие со сферами бессознательного. Диалогическая стратегия интерпретивно-порождающего дискурса заключается в создании между сферами их индивидуальных сознаний общего смыслового поля как основы для понимания.

Важнейшими компонентами общего смыслового поля являются концепты, представляющие собой «хранящиеся в памяти человека значимые сознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [7, с. 24]. Соответственно, переводчику приходится иметь дело не только с вербальными формами, но и стоящими за ними концептами. Изучение концептуальной составляющей ИТ представляет собой интересную и сложную для переводчика проблему. Не случайно, в отдельных переводоведческих исследованиях концептуализация признается одним из возможных путей изучения природы текста и разработки на этой основе методики и стратегии его перевода [8; 9]. В условиях диалогического общения происходит нейтрализация противопоставлений ментальных миров в целом (свой мир – чужой мир), отдельных концептов и ментальных структур. Концептуальное соотнесение пространства и стратегий ИТ с интерпретацией адресатом ПТ с позиций диалогического подхода предполагает согласование этих структур, введение в свой мир чужих концептов или «переход» в чужой мир своих концептов. При этом способ структурирования и семантического наполнения информативного содержания ПТ можно определить как предпочитаемый в реципиентной культуре подход к презентации информации в тексте и выбору языковых способов достижения прагматического эффекта. На примере ПТ следующих двух фраз из английских писем-требований рассмотрим, каким образом происходит актуализация концепта «требование» при их переводе на русский язык:

We kindly ask you to introduce your orders either by letter ... – Мы просим представить ваш заказ письмом ...

I really must insist, therefore, that you refund at least 10% of our money ... – Таким образом, я вынужден настаивать, чтобы Вы возвратили по меньшей мере 10 % наших денег ...

В данном случае реализации концепта «требование» не полностью совпадают в ИТ и ПТ. При переводе обеих английских фраз на русский язык опускаются эмоционально-экспрессивная лексема *kindly* и эмфатическое лексическое средство *really*, создающие впечатление личностного субъективного отношения автора текста к сообщаемой им информации, а также личное местоимение *you*, которое используется в первой фразе с целью демонстрации уважительного отношения к адресату. Употребление выделенных языковых средств считается явно специфической культурной чертой английского делового письма и обуславливается стремлением поддерживать отношения в позитивной тональности с точки зрения вежливости как одного из основных принципов делового письменного общения [10, л. 191]. В текстах русских деловых писем такие средства не столь часто и широко используются, поскольку в силу русской национально-культурной традиции деловое общение должно быть подчеркнуто безэмоциональным и неэкспрессивным. Следовательно, деловой текст должен создавать впечатление объективности автора по отношению к предметной ситуации, своему адресату или совершаемому речевому действию. Созданию такого впечатления способствует также вынесение вводного оборота *таким образом* в начало предложения в ПТ. Благодаря этому в русском языке подчеркиваются логические связи между отдельными высказываниями в отличие от английского языка, в котором эти связи особо не выделяются, а могут обнаруживаться лишь в самом содержании высказываний и вовсе не выражаться.

В интерпретативно-порождающем дискурсе важен не только непосредственный контекст, в котором происходит диалог, но и предыдущий, и последующий. Эти два аспекта (ретроспективный и проспективный) приходится учитывать, поскольку они раскрывают причины, детерминирующие действия переводчика, с одной стороны, и границы, основу и «возможности» этих действий – с другой. В этом смысле ПТ можно считать диалогически открытым, т.е. связанным с другими текстами диалогическими отношениями. В филологической литературе данное свойство текста описывается как *интертекстуальность* (термин Ю. Кристевой) и анализируется как категория, которая реализуется в тексте языковыми средствами. Правда, в современных разработках, посвященных изучению данной категории, имеется в виду не столько уровень текста (конкретной текстовой реализации), сколько уровень дискурса, поскольку речь идет об отношениях между текстами, возникающими при оперировании общими правилами, и стратегиями текстообразования, обусловленными использованием общих норм человеческой деятельности и общения. Поэтому все более активно в научный оборот входит понятие *интердискурсивность* [11, с. 36]. Теория интердискурсивности является привлекательной на сегодняшнем этапе развития лингвистических дисциплин, поскольку позволяет представить все человеческое знание и практику в целом разделенными на соответствующие области, с которыми коррелируют специальные дискурсы (или «дискурсивные формации» в иной терминологии): деловой, научный, поли-

тический, философский и т. п. Связь между текстами одной и той же дискурсивной формации устанавливается на основании содержательных критериев: тексты так или иначе обращены к одному предмету, теме, концепту, связаны друг с другом семантическими отношениями и/или выступают в общей системе высказываний, объединенных в коммуникативном и функционально-целевом отношении. Соответственно, взаимные корреляции между этими текстами обнаруживаются также в использовании одних и тех же речевых действий, направленных на достижение определенного результата. Применительно к переводу выше приведенных двух фраз из английских писем-требований можно отметить, что в обеих из них при передаче на русский язык сохраняется реквестив. В деловом письме адресат имеет достаточно высокий статус, и поэтому данный вид речевого действия является одним из предпочтительных средств выражения побуждения к действию. В обеих фразах реквестив реализуется за счет снижения категоричности перформативных глаголов путем сохранения в ПТ этикетной фразы (*Мы просим*) и модального глагола (*вынужден*). Выделенные языковые элементы выступают маркерами интертекстуального диалога ПТ и других текстов одной и той же дискурсивной формации.

Таким образом, в структуре ПТ прослеживается сложный характер проявления диалогической стратегии, лежащей в основе интерпретативно-порождающего дискурса. В каждом конкретном случае создания зоны контакта компонентов интерпретативно-порождающего дискурса с контекстом общая диалогическая стратегия перевода реализуется определенным набором речевых действий, прослеживаемых в выборе средств диалогизации, который обуславливается рядом факторов. Знание этих факторов описывается в современных теориях переводоведов в терминах *коммуникативной* компетенции переводчика. По мнению В.Н. Комиссарова, коммуникативную компетенцию составляет «способность человека к инференции – формированию правильных выводов из речевых высказываний об их полном содержании или “смысле” на основе фоновых знаний» [3, с. 326]. С позиций диалогического подхода наиболее удобной рабочей дефиницией коммуникативной компетенции может быть определение ее как умения строить эффективное речевое взаимодействие, направленное на вовлечение в круг реципиентной культуры ИТ как инокультурного семиотического продукта. Эффективность такого взаимодействия определяется оптимальным сочетанием стереотипизированных структур и средств диалогизации в ПТ, который представляет собой не готовый ответ, а результат его поиска, осуществляемого в контексте диалогических отношений. Отметим, что в научном мире нет единства мнений относительно составных частей в структуре коммуникативной компетенции. Считается, что она базируется на ряде других компетенций – языковой, речевой, социокультурной, социальной, стратегической и дискурсивной. Каждая из них отражает различные стороны коммуникативной компетенции переводчика и может стать основанием для выделения особого аспекта ее рассмотрения с позиций диалогического подхода.

Приведенные выше рассуждения выявляют новые возможности для современного переводоведения. Решение проблемы интерпретации текста при переводе требует включения в круг рассматриваемых вопросов анализа перевода как интерпретативно-порождающего дискурса, позволяющего увидеть диалогическую основу взаимодействия его компонентов с контекстом. Рассмотрение ПТ не только в плане его структуры, композиции, но и в плане общей диалогической стратегии интерпретативно-порождающего дискурса позволяет определить дискурсивнообразующие факторы, способствующие оптимальной сбалансированности целей, установок, концептов, смыслов ИТ и ПТ. В этой связи перспективу переводоведческих исследований мы видим в дальнейшем изучении особенностей вербализации прагматических интенций автора, переводчика и адресата в контексте диалогических отношений и выявления факторов, оптимизирующих и гармонирующих эти отношения в интерпретативно-порождающем дискурсе перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин, М.М.* Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
2. *Плеханова, Т.Ф.* Текст как диалог / Т.Ф. Плеханова. – Минск : МГЛУ. – 2003. – 251 с.
3. *Комиссаров, В.Н.* Современное переводоведение: учеб пособие / В.Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2002. – 424 с.
4. *Селиванова, Е.А.* Модель перевода в парадигмальном пространстве современной лингвистики / Е.А. Селиванова // Культура народов Причерноморья : науч. журнал. – 2003. – № 37. – С.79–82.
5. *Саркисьянц, В.Р.* Проблемы общей теории перевода в аспекте современных направлений языковедческой науки / В.Р. Саркисьянц // Язык. Текст. Дискурс : науч. альманах / Ставропол. отд. РАЛК. – Краснодар, 2008. – Вып. 6. – С. 246 – 250.
6. *Rose, M.B.* Translation and Literary Criticism: Translation as Analysis / M.B. Rose. – Manchester, 1997. – 106 p.
7. *Карасик, В.И.* Языковые ключи / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2009. – 406 с.
8. *Харитонова, Е.А.* Концептуализация как стратегия перевода научного текста: на материале русского и английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Е.А. Харитонова. – Пермь, 2006. – 197 л.
9. *Александрович, Н.В.* Концептосфера художественного произведения в оригинале и переводе (на материале романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби»): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Н.В. Александрович. – Волгоград, 2010. – 194 л.
10. *Стеблецова, А.О.* Национально-культурная специфика делового текста (на материале английских и русских деловых писем): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О.А. Стеблецова. – Воронеж, 2001. – 212 л.

11. Чернявская, В.Е. Интертекстуальность и интердискурсивность / В.Е. Чернявская // Текст – Дискурс – Стилль. Коммуникации в экономике : сб. науч. ст. / СПбГУЭФ; отв. ред. В.Е. Чернявская. – СПб., 2003. – С. 23–42.

The paper reveals the main aspects of the dialogical approach to the problem of interpreting the text at translation, the latter being described as interpretative and generative discourse based on the dialogical strategy. Translation is presented as a transforming act involved in the dialogical relations created by means of correlating all its components with the context.

Поступила в редакцию 17.04.13

Е.И. Конашенко

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В ТЕКСТАХ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Статья посвящена выявлению особенностей функционирования стилистических синтаксических средств, основанных на упорядоченном повторе (анафоры, эпифоры, анадиплосиса, параллелизма, цепного и кольцевого повторов), в русско- и англоязычных текстах публичных выступлений социально-экономической тематики. Установлены основные когнитивно-прагматические функции данных видов повторов как способов выдвижения наиболее значимой информации, активизации внимания слушателей, обеспечения связности и целостности высказывания, а также его эмоционально-экспрессивной выделенности на разных синтаксических уровнях.

Публичные выступления являются устной разновидностью публицистического стиля и вследствие этого обладают его основными характеристиками, к числу которых прежде всего относят выполняемые ими функции, а именно информативную и воздействующую [1, с. 343]. По мнению М.П. Брандеса, хороший оратор не только «сообщает аудитории какую-то сумму знаний, но и дает возможность пережить эти знания эмоционально, т.е. в устном публичном выступлении имеет место взаимодействие двух начал речевой деятельности – познавательного и эмоционально-образного, что проявляется в сочетании логико-аналитических и эмоционально-эстетических средств» [2, с. 216]. Комбинация и когнитивных, и коммуникативно-прагматических функций наиболее ярко проявляется в экспрессивных средствах синтаксиса, особенно тех из них, которые построены на основе «упорядоченного повтора» – «симметричного по отношению к другим элементам текста расположения повторяющихся элементов»: *анафоры, эпифоры, параллелизма, анадиплосиса, цепного и кольцевого повторов*. Коммуникативно-прагматический потенциал данных стилистических средств синтаксиса реализуется через способность показать динамичность и экспрессивность высказывания, передать «ритм чувств говорящего», описать

«траекторию какого-либо действия», задать вектор изменений или отобразить оттенки некоего состояния [3, с. 92, 98].

С когнитивной точки зрения п о в т о р представляет собой особый тип выдвигания, вследствие которого на первое место по своей весомости выносятся та языковая форма, «которая выступает в качестве поискового стимула, или “ключа” в процессах языковой обработки информации». Выдвижение «направляет интерпретацию текста, активизирует не только знания, но и мнения, установки и эмоции, облегчает поиск релевантной информации, снижает потребность в больших объемах информации» [4, с. 21].

Некоторые исследователи рассматривают выдвигание как субъективный лингвистический фактор текстообразования, который «отражает специфический характер текстового развертывания, определяющий разные способы представления информации и различные пути и средства воздействия на адресата и приобщения его к содержательному плану текста» [5, с. 338].

Под выдвиганием И.В. Арнольд понимает «способы формальной организации текста, фокусирующие внимание читателя на определенных элементах сообщения и устанавливающие семантически релевантные отношения между элементами одного или чаще нескольких уровней» [6, с. 99]. В данном контексте повтор можно представить и как активатор такой когнитивной способности человека как внимание, которое, по мнению Е.С. Кубряковой, представляет собой «“остановку” в процессе обработки информации на одном из ее объектов путем фокусировки всех когнитивных усилий для его выделения, опознания, описания и классификации» [4, с. 16].

Таким образом, синтаксические стилистические средства, основанные на упорядоченном повторе, выполняют сразу несколько важных взаимообусловленных когнитивно-коммуникативных функций и являются неотъемлемой частью и важной лингвистической характеристикой текстов публичных выступлений, что определяет необходимость их тщательного изучения, особенно в рамках сравнительно-сопоставительного анализа.

В данной статье предпринята попытка выявить особенности функционирования стилистических средств синтаксиса, построенных на повторе, в русско- и англоязычных текстах публичных выступлений социально-экономической тематики в когнитивно-коммуникативном аспекте.

В результате проведенного анализа было установлено, что в 65 % случаев рассматриваемые синтаксические стилистические средства, прежде всего анафора, эпифора и анадиплосис, используются в исследуемых типах текстов одновременно с синтаксическими параллельными конструкциями, что позволяет не только логически структурировать высказывание, но и усилить его эмоционально-прагматическую выразительность.

Одним из наиболее употребительных синтаксических стилистических средств в текстах публичных выступлений и на русском, и на английском языке является а н а ф о р а – повтор слов в начале смежных отрезков, на долю которого приходится 45 и 46 % соответственно.

Анафора в обоих языках чаще всего используется для выдвижения подлежащего, например: *Вступление в ОЭСР остается нашей стратегической целью в области интеграции после вступления в ВТО. Вступление в эту организацию является важным сигналом* [7]; *The mechanisms which provide this transition from low interest rates on paper to real low interest rates that businesses and households can access. The mechanisms for this transition are badly damaged* [8]. Наряду с лексической анафорой ораторы прибегают к использованию и синтаксической анафоры, что отображено в следующих примерах: *Мы договорились о том, что мы будем координировать такого рода работу, мы будем обсуждать самые сложные вопросы, мы будем обсуждать параметры новой финансовой архитектуры* [9]; *We are protecting the science budget. We are protecting the money that flows to our schools. We are avoiding big increases in the taxes people pay on the money they earn* [8]. Таким образом, повторяя предикативное ядро с одной и той же формой, выступающие акцентируют внимание слушателей на тех действиях, которые планируют предпринять, подчеркивая широкий диапазон требующих внимания вопросов и ту настойчивость и твердость, с которой они намерены их решать.

С помощью анафоры наряду с главными также часто происходит выдвижение второстепенных членов предложения. И русско-, и англоязычные ораторы прибегают к анафорическому использованию определений, например: *Глобальный характер, динамичность информационных и финансовых потоков, глобальные компании, глобальные институты наконец – это сегодняшняя реальность* [10]; *New plants and factories need to be built. New products designed. New innovations taken to market. New businesses nurtured* [11]. Повтор определения *глобальный* подчеркивает масштаб распространения и высокий уровень сложности явлений, которые стали неотъемлемой частью нашей действительности, а повторение определения *новый* делает акцент на особенностях явлений, их актуальности и современности. Вместе с синтаксическим параллелизмом анафорическое использование определений позволяет выдвинуть на передний план важную качественную или количественную характеристику, а также задать определенный ритм высказывания.

В текстах публичных выступлений как на русском, так и на английском языке с помощью анафоры выдвигаются и обстоятельства места, что отражено в следующих примерах: *Впереди, конечно, и новые возможности. Впереди новые изменения, технологические сдвиги ...* [7]; *Outside the single currency, I want the Bank of England properly regulating Britain's banks. Outside the single currency; yes, we have to stand behind our own banks* [12]. Это позволяет дополнительно выделить пространственные рамки происходящих событий или совершаемых действий.

Однако существует и ряд расхождений в использовании анафоры для выдвижения второстепенных членов предложения русско- и англоговорящими ораторами. Так, в текстах на русском языке чаще встречаются

обстоятельства причины, в англоязычных – образа действия, что находим в следующих примерах: *Поэтому Россия вела переговоры столько лет, поэтому наше соглашение со Всемирной торговой организацией такое всеобъемлющее, поэтому мы провели переговоры с 86 странами* [13]; *By sticking to the plan, we can prove it to be true. By sticking to the plan, we can together make Britain a great success story in this vital global race* [8]. В таких случаях анафора позволяет передать чувство уверенности говорящего в своей правоте, подчеркнуть его оптимистичный настрой.

В исследуемых типах текстов на двух языках анафора может выступать средством выдвижения главных предложений в составе сложноподчиненных, например: *Нужны люди, которые знают и умеют, как надо работать соответственно и в России, и за рубежом. Нужны люди, которые получили образование за рубежом, но работают в российских финансовых структурах* [14]; *It is vital that all the investigations underway get to the bottom of what has happened. It is vital they go wherever the evidence leads* [12]. В рассматриваемых случаях анафора предваряет те идеи, которые ораторы пытаются выделить, является своего рода сигналом, активизирующим внимание аудитории.

И в русском, и в английском языке ораторы также применяют анафору для выдвижения однородных придаточных предложений, что иллюстрируют следующие примеры: *Сегодня мы все ... воспринимаем как должное возможность строить свою жизнь так, как считаем нужным, как считаем правильным, как считаем для себя интересным* [1]; *We can talk about how safe shale gas development is, how safe deep water development is, and how safe any form of energy is ...* [15]. Однако в англоязычных текстах анафора может быть построена на повторе не части, а целого придаточного предложения, например: *If we don't act, that burden will ultimately fall on our children's shoulders. If we don't act, the growing debt will eventually crowd out everything else* [16]. При этом придаточные предложения часто организуют с помощью синтаксического параллелизма, что позволяет не только дополнительно выделить важную информацию, но и указать на равноценность излагаемых идей.

В текстах публичных выступлений на обоих языках анафора также может быть основана на выдвижении вводных слов, словосочетаний и предложений, например: *К сожалению, мы видим сегодня большой прогресс переговоров с нашими американскими коллегами и, к сожалению, меньший прогресс в переговорах с нашими европейскими коллегами* [17]; *I think that is incredibly misguided and I think it denies the evidence* [18]; *Of course it is going to take difficult decisions. Of course there will be painful decisions* [19]. Анафорический повтор вводных единиц делает акцент на их модальном значении, чаще всего указывает на оценку оратора степени достоверности информации или подчеркивает эмоциональное отношение говорящего к содержанию высказывания.

В англоязычных текстах публичных выступлений анафора чаще, чем в текстах на русском языке используется для организации сверхфразовых единств, например: *Now in the longer term the eurozone, like any single currency, needs closer economic and fiscal integration to secure its future <...>; Now, while Britain wants this done, it needs to be achieved in a way that does not distort the single market <...>; Now, in the conclusion today I secured explicit commitments that as this work, deepening EMU, goes ahead <...>; Now the original draft of the Growth Compact had an entire section on Economic and Monetary Union <...>* [12]. Анафорическое выдвижение обстоятельства места *now* ‘сейчас’ в четырех следующих друг за другом абзацах позволяет оратору установить связь между отдельными частями сообщения, а также объединить и изложить те релевантные решения, описать те действия и события, которые актуальны и злободневны именно для текущего промежутка времени.

На долю э п и ф о р ы приходится 12 % в русско- и 5 % в англоязычных текстах публичных выступлений. Только для русскоговорящих ораторов характерно использование эпифоры для выдвижения подлежащего, что отражено в следующем примере: *И это может сделать лишь государство. Более того – сильное социально ориентированное государство* [20]. Это связано, прежде всего, с грамматическим строем русского языка, для которого свойственен свободный порядок слов, вследствие чего подлежащее может стоять в конце предложения.

В русскоязычных текстах публичных выступлений эпифора чаще, чем в англоязычных текстах, построена на повторе сказуемого или его составных частей, что иллюстрируют следующие примеры: *Критиковать, конечно, легче, чем **делать**, но надо **делать*** [21]; *Необходимо всем нам **вместе работать**, а если будем **вместе работать**, то получим хороший результат* [22]. Однако англоговорящие ораторы могут применять эпифору для выдвижения сказуемых в главных и придаточных предложениях в следующих друг за другом параллельно организованных сложноподчиненных предложениях, например: *In a system of capitalism, as people's wealth **rises**, the financial incentive to serve them **rises**. As their wealth **falls**, the financial incentive to serve them **falls*** [23]. В такого рода случаях эпифора актуализирует причинно-следственные связи, создает определенную упорядоченность информации.

В английском языке эпифору чаще используют для выдвижения прямых дополнений, например: *We are making tough **choices** but we are making the right **choices*** [8]. Как и в случае с анафорой, эпифора придает тексту публичного выступления весомость, акцентирует внимание аудитории на достоверности сказанного, стимулирует позитивное отношение к происходящим событиям.

Англоговорящие ораторы также широко применяют эпифору для выдвижения обстоятельств места, образа действия и степени, что отражено в следующих примерах: *That alone could be worth around seventy billion dollars to the global economy and help trade to flow freely **across the world**. It is ambitious, but we must seize these opportunities to give a massive boost to free*

trade across the world; We are all in this together and we are going to get through this together [24] ; *Communication is faster than ever, finance is more mobile than ever* [25]. Нередко наблюдаются случаи, когда в одном высказывании применяют эпифору, которая построена одновременно на повторе нескольких членов предложения, например: *You're developing ideas here, you're manufacturing ideas here* [8]. В данном случае эпифорический повтор прямого дополнения и обстоятельства места в сочетании с синтаксическим параллелизмом подчеркивает особую важность выполняемой работы.

В англоязычных текстах публичных выступлений эпифора может быть основана на полном повторе придаточных предложений, что находим в следующем примере: *We know what's right. It's time to do what's right* [16]. Таким образом, оратор подчеркивает, что вовсе не достаточно знать верные решения, нужно действовать, действовать безотлагательно и главное – правильно.

Русскоязычные ораторы в отличие от их англоговорящих коллег используют эпифору при построении вопросно-ответных комплексов, например: *Можем мы быть глобально конкурентоспособными? Ответ – потенциально можем. Вопрос – являемся ли мы сейчас глобально конкурентоспособными? Ответ – нет ; Мы приобретаем на экономических рынках или теряем? Ответ – теряем* [13]. В данном случае эпифора помогает дополнительно расставить акценты, логически вплести вопросы в единую тематическую канву, обеспечивая связность и целостность изложения.

В англоязычных текстах публичных выступлений эпифора может строиться на повторении простых распространенных и нераспространенных предложений для организации нескольких абзацев, например: ... *Either we ask the wealthiest Americans to pay their fair share in taxes, or we're going to have to ask seniors to pay more for Medicare. We can't afford to do both. Either we gut education and medical research, or we've got to reform the tax code so that the most profitable corporations have to give up tax loopholes that other companies don't get. We can't afford to do both* [16]. В данном случае оратор с помощью синтаксического параллелизма оформляет два ряда высказываний, которые описывают взаимоисключающие варианты гипотетических действий, способных уменьшить дефицит американского госбюджета. При этом эпифорическое выдвижение предложения *We can't afford to do both* 'Мы не можем себе позволить ни то, ни другое' является своего рода вердиктом для каждого из предложенных подходов, который отклоняет возможность реализации всех представленных альтернатив, нагнетает напряжение и заставляет слушателей предвкушать выдвижение более адекватного и эффективного сценария действий для решения этого острого вопроса.

На долю а н а д и п л о с и с а – повтора слов на стыке смежных отрезков – приходится 23 % в русско- и 11 % в англоязычных текстах публичных речей. Чаще всего для построения анадиплосиса в текстах на двух языках используют прямое дополнение, например: *Если мы не победим терроризм, экстремизм и нетерпимость, не объединимся, чтобы навсегда искоренить*

*это зло – зло, представляющее наибольшую опасность для человечества [26]; ... we face a broader **challenge**, a **challenge** to defend the market economy [27].*

Однако только в русском языке анадиплосис может быть построен на повторе сказуемого или его составной части, что обусловлено тем, что в английском языке сказуемое не может стоять в начале предложения, например: *Россия осознает задачи своего развития и **меняется, меняется** и для себя и для всего мира [28] ; Но, если говорить более серьезно, то за этот год мы довольно сильно изменились. **Изменилась** мировая экономика [29].* Такого рода выдвигание помогает подчеркнуть связь идей, логику их изложения, обусловленность происходящих действий, их плавное, непрерывное протекание.

Кольцевой повтор как способ выдвигания значимой информации используют в равной степени (2 %) как русско-, так и англоговорящие ораторы, что отражено в следующих примерах: ***Право на чрезмерный риск** должно быть у предпринимателей, у граждан, вне всякого сомнения, у ученых, но в пределах разумного, конечно. Но его не может быть у государств и у мира в целом – **права на чрезмерный риск** [26]; **Мы ближайшие соседи** через Тихий океан. Можно построить один мост, сделать дорогу через Россию, провести через Аляску – и **мы ближайшие соседи** [21]; *All three are taxes on business and we need actions on **all three** [30]; But there is **a flaw** in this argument and it is rather a major **flaw** [24].* Кольцевой повтор, таким образом, помогает сконцентрировать внимание аудитории на определенной идее или действии через эффект замкнутого круга.*

Цепной повтор характерен для исследованных англоязычных текстов публичных выступлений, где он используется как средство выдвигания и определенных членов, и целых предложений, например: *In such cases there needs to be another **incentive**, and that **incentive** is **recognition**. **Recognition** enhances a company's reputation and appeals to customers [23]; the more the government borrows, **the more it has to repay; the more it has to repay, the more lenders worry** about getting their money back; and **the more lenders start to worry, the less confidence there is in our economy** [24].* Цепной повтор подчеркивает тесную связь элементов текста, их взаимозависимость. Часто такого рода выдвигание применяется с целью усиления эмоционального накала высказывания.

Вызывает интерес анализ употребления так называемого обратного параллелизма, или *хиазма*, который представляет собой зеркальное размещение двух смежных словосочетаний или предложений [3, с. 106] и в большей степени характерен для англоговорящих ораторов, хотя встречается и в русскоязычных текстах, например: *Нужна нам инфраструктура. Дороги нам нужны, аэропорты нам нужны [31].*

Одним из видов хиастического выдвигания является *антиметабола*, при которой одновременно с повтором обязательно происходит изменение смысловых связей. Антиметабола встретилась только в англоязычных

текстах публичных выступлений, например: *We want a budget that is focused on growth not a focus on growth in the budget* [12]. Крестообразное изменение последовательности расположения элементов в данных параллельных рядах вместе с антитезой доводят контрастивность высказывания до максимума, создавая эффект, подобный эффекту каламбура, что несомненно привлекает внимание и активизирует интерес слушателей к обсуждаемому вопросу.

Таким образом, в результате проведенного исследования на фактическом материале было продемонстрировано, что в текстах публичных выступлений социально-экономической тематики стилистические средства синтаксиса, основанные на упорядоченном повторе, выполняют когнитивно-коммуникативную функцию выдвижения на передний план наиболее значимой информации, активизации и поддержания внимания слушателей, структурирования текста сообщения, обеспечения его связности и целостности, выразительности и экспрессивности на разных синтаксических уровнях.

Наиболее употребительным синтаксическим стилистическим средством в текстах на обоих языках является лексическая и синтаксическая анафора, которая употребляется практически с одинаковой частотой русско- и англоговорящими ораторами. Для русскоязычных текстов в большей степени, чем для текстов на английском языке, характерно выдвижение релевантной части высказывания с помощью эпифоры и анадиплосиса, в то же время в англоязычных текстах по сравнению с русскоязычными превалирует использование хиазма, а также цепного повтора. Кольцевой повтор применяется практически в равной степени как русско-, так и англоговорящими ораторами.

В текстах публичных выступлений на русском языке с помощью упорядоченного повтора чаще всего на первое место выдвигаются отдельные или однородные члены предложения, реже – главные и сложноподчиненные предложения в составе сложных. В англоязычных текстах превалирует выдвижение частей сложных предложений, а также сверхфразовых единств, что помогает не только упорядочить информацию, но и облегчит ее восприятие на слух при однократном устном предъявлении. Выявленные общие и отличительные характеристики функционирования стилистических средств синтаксиса могут быть связаны с различиями в грамматическом строе языков, а также особенностями ораторской традиции русско- и англоязычных лингвокультур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин, И.Р. Очерки по стилистике английского языка : Опыт систематизации выразительных средств / И.Р. Гальперин. – 2-е изд., испр. – М. : Книжный дом «Либроком», 2012. – 376 с.
2. Брандес, М.П. Стилистика текста. Теоретический курс: учебник / М.П. Брандес. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. – 416 с.

3. *Хазагеров, Г.Г.* Политическая риторика / Г.Г. Хазагеров. – М. : Никколо-Медия, 2002. – 313 с.
4. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова [и др.]. – М. : МГУ, 1996. – 248 с.
5. *Болотнова, Н.С.* Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н.С. Болотнова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта: Наука, 2007. – 520 с.
6. *Арнольд, И.В.* Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов / И.В. Арнольд. – 9-е изд. – М. : Флинта, 2009. – 384 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

7. *Медведев, Д.А.* Выступление на Гайдаровском форуме, 16.01.13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.youtube.com/watch?v=yfTiISli2qg>. – Дата доступа : 25.01.13.
8. *Cameron, D.* Economy speech in Keighley, West Yorkshire, 07.03.13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.number10.gov.uk/news/economy-speech-cameron-yorkshire/>. – Дата доступа : 10.03.13.
9. *Медведев, Д.А.* Выступление на саммите государств группы БРИК, 16.06.09 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.youtube.com/watch?v=tq4CqUNh1YM>. – Дата доступа : 20.08.10.
10. *Путин, В.В.* Выступление на инвестиционном форуме «Россия зовет!», 02.10.12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://news.kremlin.ru/video/1295>. – Дата доступа : 10.11.12.
11. *Cameron, D.* Speech to WEF, 28.01.11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.number10.gov.uk/news/prime-ministers-speech-at-the-world-economic-forum/>. – Дата доступа : 19.04.12.
12. *Cameron, D.* Speech to the European Council, 29.06.12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.number10.gov.uk/news/prime-ministers-speech-in-brussels/>. – Дата доступа : 15.07.12.
13. *Греф, Г.О.* Выступление на Гайдаровском форуме, 17.01.13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.youtube.com/watch?v=Хуе05fDaecI>. – Дата доступа : 25.01.13.
14. *Дубинин, С.К.* Выступление на ПМЭФ, 16.06.11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.forumspb.com/en/programm_4#translation155. – Дата доступа : 20.09.11.
15. *Watson, J.* Speech to SPIEF, 21.06.12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.forumspb.com/2012#>. – Дата доступа : 20.09.12.
16. *Obama, B.* Speech on Economic Growth and Debt Reduction, 19.09.11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.americanrhetoric.com/speeches/barackobama/barackobamajointsessionjobs.htm>. – Дата доступа : 20.10.11.
17. *Мордашов, А.А.* Выступление на ПМЭФ, 16.06.11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://forumspb.com/upload/summary/summary_156_ru.pdf. – Дата доступа : 19.04.12.

18. *Cameron, D.* Speech on economic growth, 06.01.11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.number10.gov.uk/news/prime-ministers-speech-on-economic-growth/>. – Дата доступа : 15.11.12.
19. *Cameron, D.* Speech to CEO Summit, 28.06.10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.number10.gov.uk/news/speech-to-the-times-ceo-summit/>. – Дата доступа : 10.09.11.
20. *Макей, В.В.* Выступление на 67-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 01.10.12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://mfa.gov.by/press/statements/a5be2420f4658d4c.html>. – Дата доступа : 10.11.12.
21. *Якобаивили, Д.М.* Выступление на ПМЭФ, 16.06.11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.forumspb.com/en/programm_4#translation155. – Дата доступа : 10.11.11.
22. *Кобяков, В.В.* Выступление на ПМЭФ, 17.06.10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.youtube.com/watch?v=pTHN1cn42jc> ; <http://www.youtube.com/watch?v=eu24dl9eBJ8>. – Дата доступа : 10.11.11.
23. *Gates, B.* Speech to WEF, 24.01.08 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.youtube.com/watch?v=Ql-Mtlx31e8>. – Дата доступа : 15.12.10.
24. *Cameron, D.* Speech on Cutting the Deficit, 07.06.10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.number10.gov.uk/news/prime-ministers-speech-on-the-economy/>. – Дата доступа : 25.12.12.
25. *Cameron, D.* Speech to WEF, 24.01.13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.number10.gov.uk/news/prime-minister-david-camersons-speech-to-the-world-economic-forum-in-davos/>. – Дата доступа : 28.01.13.
26. *Медведев, Д.А.* Выступление на МЭФ, 26.01.11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.youtube.com/watch?v=nFuHWprKF4E>. – Дата доступа : 19.07.11.
27. *Dale, S.* Speech at Stationers' Hall, 12.12.12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.bankofengland.co.uk/publications/Documents/speeches/2012/speech622.pdf>. – Дата доступа : 28.01.13.
28. *Медведев, Д.А.* Выступление на ПМЭФ, 18.06.10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.eng.news.kremlin.ru/video/444?page=3>. – Дата доступа : 10.05.11.
29. *Медведев, Д.А.* Выступление на американо-российском деловом саммите, 24.06.10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.youtube.com/watch?v=Ip1h4lixеЕо>. – Дата доступа : 10.05.11.
30. *Cridland, J.* Speech to CBI Energy Conference, 14.06.11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.cbi.org.uk/media/1118330/20110614-cbi-john-cridland-energy-conference-speech.pdf>. – Дата доступа : 15.01.12.
31. *Силуанов, А.Г.* Выступление на Гайдаровском форуме, 19.01.12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.youtube.com/watch?v=YZgErAuFMQ8>. – Дата доступа : 15.03.12.

The article considers common and specific characteristics of stylistic syntactic devices based on repetition (anaphora, epiphora, anadiplosis, parallel constructions, framing and chain repetition) in Russian and English texts of public speeches on socio-economic topics. It reveals the main cognitive and pragmatic functions of these stylistic means in both languages.

Поступила в редакцию 15.05.13

И.В. Ласка

РИТОРИКА И СТАНОВЛЕНИЕ НАУКИ О ПЕРЕВОДЕ ВО ФРАНЦИИ XVII ВЕКА

В статье рассматривается проблема взаимоотношения риторики и переводоведения во Франции XVII в. Статья содержит анализ риторических источников французской науки о переводе, определение позиций представителей разных переводческих школ по вопросу соотношения верности и красоты в переводе, их отношение к воспроизведению в переводе риторико-стилистических украшений оригинала. Отдельное внимание уделено метафорическим образам, которые использовались в переводческом метадискурсе для концептуализации красноречия текста и перевода.

Современная наука о переводе представляет собой комплексную общефилологическую дисциплину, сформировавшуюся на пересечении лингвистики, литературоведения, поэтики, социологии, культурологии, психологии и других гуманитарных наук. Бельгийский историк перевода Л. д'Юльст, называя переводоведение «интердисциплиной», отмечает, что историография науки не обращает должного внимания на то, что многовековой опыт осмысления перевода с самого начала шел путем заимствования понятий и методов из смежных дисциплин, по отношению к которым определялся собственный предмет теории перевода [1, р. 13]. Для становления французского переводоведения в XVII в. определяющим было влияние эстетики слова классицизма, грамматики и риторики.

Предметом изучения в настоящей статье избрана проблема влияния риторики на осмысление перевода в теоретических текстах французских переводчиков XVII в. В задачи исследования входит анализ риторических источников французской науки о переводе, определение позиций представителей разных переводческих школ по вопросу соотношения верности и красоты в переводе, их отношение к воспроизведению в переводе риторико-стилистических украшений оригинала. Кроме того, будут рассмотрены метафоры, которые использовались в переводческом метадискурсе для концептуализации красноречия текста и перевода.

В истории французской культуры период с середины XVI до середины XVII в., когда были созданы многочисленные трактаты по поэтике и риторике, считается «веком красноречия» [2]. Особое место среди них занимают утерянный трактат Э. Доле «L'Orateur français» (ок. 1536), манифест

«Плеяды» Ж. дю Белле «*Défense et Illustration de la langue française*» (1549), трактаты по поэтике Т. Себийе («*L'Art poétique français*», 1548) и Ж. Пелетье («*L'Art poétique*», 1555). Авторы этих работ сами переводили греческие и латинские книги, комментировали свой переводческий опыт, пытались определить место и роль перевода и имитации в усвоении античного наследия и становлении французского национального сознания и культуры, посвящали переводу отдельные разделы своих трудов. Уже сам факт наличия в этих трудах отдельных разделов о переводе свидетельствует о тесной связи зарождавшейся науки о переводе с риторикой.

Первым проблему соответствия перевода требованиям, которые выработала риторика, поставил Э. Доле. В пятом правиле перевода, текст которого А. Мешонник неслучайно взял в качестве эпиграфа к книге «Поэтика перевода» [3], Доле требует от переводчика соблюдать «ораторские числа» («*nombres oratoires*»), т.е. «правила связывания и соединения выражений с такой нежностью, чтобы не только удовлетворена была душа, но и услаждены уши, ибо нет такой гармонии в обычной речи» (цит. по: [4, с. 93]). Одних элегантных и уместных выражений недостаточно, слова следует правильно располагать и соединять между собой. Без соблюдения этих правил речь становится тяжелой и неприятной, выводы теряют вес и убедительность. Доле усиливает свою аргументацию метафорическими сравнениями, подчеркивающими роль риторических средств в общей аранжировке текста. Если не соблюдать это правило, речь похожа на беспорядочную кучу драгоценных камней, которые не могут показать свой блеск из-за неправильного расположения, или на звучание музыкальных инструментов в руках музыкантов, которые не сведущи в этом искусстве и не владеют музыкальными тональностями и размерами. В пример переводчикам он приводит древних ораторов Исократ, Демосфена, Цицерона.

Сохранение в переводе риторико-стилистических украшений оригинала обсуждалось в трактате Ж. дю Белле. Отрицая роль перевода в обогащении национального языка, противопоставляя перевод и подражание, автор ищет аргументы в риторике. Он считает, что самой важной и сложной для перевода из пяти составляющих ораторского искусства является *elocutio*, т.е. *словесное выражение*. Трудность состоит не в том, чтобы перевести отдельные слова и фигуры (метафоры, аллегории, сравнения, уподобления и др.), а в том, «чтобы сделать это с той же грацией, с какой сделал это сам автор». Тем более что «каждый язык имеет нечто свойственное только ему», а переводчик должен соблюдать «законы перевода», т.е. «не выходить за рамки, установленные автором», передать специфику авторского дискурса, его индивидуальность. Эти трудности становятся непреодолимыми при переводе поэтических текстов, «ввиду того божественного вдохновения, которого у них больше, чем у других, тех величия стиля, возвышенности слов, значимости сентенций, смелости и разнообразия фигур и тысячи других блесков поэзии – короче, той энергии и некой мудрости, заключенной в их писаниях, которая называлась римлянами *genius*» [5, с. 242].

Дю Белле начинает свою аргументацию против перевода поэзии, перечисляя особенности поэзии как таковой, которую характеризует на уровне риторических средств языка *grandeur de style, magnificence de motz, gravité de sentences, audace, et variété de figures*. Затем проблема возможности перевода переносится из языка в дискурс. Дю Белле мыслит поэтическое произведение как созданное автором неповторимое единство содержания и риторико-стилистических средств его выражения. Употребляемая при этом терминология для обозначения качеств произведения – *grace, énergie, esprit, genius* – близка к энергетической концепции языка В. фон Гумбольдта. Таким образом, в трактате Ж. дю Белле обозначены два возможных направления в понимании проблемы воспроизведения риторико-стилистических особенностей оригинала в переводе – *языковое* и *дискурсивное*.

Благодаря усилиям А. Годо, П. д'Абланкура и других талантливых переводчиков, при поддержке Французской академии, к середине XVII в. перевод вновь обрел престиж, утраченный после выступления Ж. дю Белле, отрицавшего роль перевода в развитии национального языка и литературы. Он рассматривается как полноправное творчество, результатом которого является новый оригинал, порой даже превосходящий свой источник, а переводчик приобретает статус настоящего литератора.

Образованная в 1635 г. Французская академия имела одной из своих задач, наряду с составлением словаря и грамматики, создание учебника по риторике, который так и не был написан. Отношение к риторике в кругу переводчиков, близких к Академии, не было однозначным. Один из первых академиков Б. де Мезириак в докладе, вызвавшем полемику резкой критикой перевода Ж. Амио, заявлял, что он никогда не стремился приобрести славу своим красноречием и не увлекался игрой в расположение слов и элегантною стиля, заботясь в первую очередь о понимании [6, р. 412].

Молодой поэт и переводчик Антуан Годо в предисловии к «Диалогу о причинах упадка красноречия» (1630, перевод Л. Жири) высказывает убеждение о влиянии формы и стиля на содержание и необходимости соединять учтивый стиль с наукой, а привлекательность красноречия с тонкостью понимания [7, р. III]. Позже он вступает в спор с самим К.Ф. де Вожла, утверждая первичность мысли и осуждая стремление поразить внешними эффектами красноречия [8, р. 379]. Годо с иронией высказывается о красноречии, сравнивая его с куртизанкой, которая привлекает внимание недалеких людей своими румянами, а не настоящей красотой [Там же, р. 381]. Тем более мелочным видится ему заботливое «взвешивание слов» (давняя метафора Цицерона), как будто скупой взвешивает золото. Многократное «ощупывание» слов и расположение их в периоды представляется ему таким же пустым занятием как крутить веретено или целый день делать прическу перед зеркалом, чтобы понравиться какому-то ухажеру [Там же, р. 383–384]. Чтобы захватить мысли слушателей, следует самому испытать жар красноречия и подняться над мелочными правилами грамматики. Иначе теряется сила слова, тело речи выглядит

красиво, но ему не хватает нервов и мышц, оно украшено, но не вооружено, а если имеет оружие, то не для битвы, а для парада. По убеждению Годо, слова должны приходиться сами собой, естественно следовать за мыслями.

Знаковым для Французской академии стал перевод «Восьми речей Цицерона» (1638), отвечавший запросам французского общества, нуждавшегося в красноречии в эпоху расцвета абсолютизма и роста престижа Франции в Европе. Молодой переводчик д'Абланкур, которому инициатор издания секретарь Академии В. Конрар, поручил четыре из восьми речей, отлично справился с заданием. Блестящий стилист и мастер эпистолярного жанра Г. де Бальзак в письме молодому коллеге после комплиментов по поводу его красноречия не без иронии констатирует положительные сдвиги в этом плане во Франции, где «дикари» начинают приобщаться к культуре и из «капитанов и фанфаронов в вопросах красноречия становятся скромными влюбленными и благоразумными людьми» [9, р. 532].

Д'Абланкур прекрасно усвоил уроки красноречия, расточаемые Бальзаком, и успешно воплотил их в своих переводах. Уже в предисловии к первому переводу («Октавий» Минуция Феликса, 1637) он определяет в качестве одного из основных заданий переводчика воспроизведение красноречия оригинала. Он отмечает особенности красноречия этого автора, которые впоследствии станут его собственными требованиями к переводу: «мягкость стиля», «благородные и смелые фигуры», «живая и тонкая манера мыслить», «искусство нравиться», «чудесное умение убеждать», «никогда не быть скучным» [10, р. 2].

Д'Абланкур убежден, что лишить автора красноречия – это перевести его лишь наполовину. Если его приятно читать на своем языке, он должен оставаться таким же приятным в переводе на французский, а поскольку риторико-стилистические украшения в языках различны, «мы не должны бояться придать ему украшения нашей страны, ибо отнимаем у него его собственные» [Там же]. В противном случае мы получим «плохую копию с прекрасного оригинала», мы увидим, что от него «остался только скелет, а красота исчезла». Задача переводчика состоит в том, чтобы дать читателю полноценное произведение, которое должно заменить оригинал. Поэтому чрезмерная тщательность в передаче отдельных деталей не должна лишать авторский текст красоты. Различие между языками в строении периодов, в риторико-стилистических фигурах и других украшениях текста обязывает переводчика смело вносить изменения в авторский текст [11, р. 1–2]. Приоритетом для д'Абланкура, таким образом, является красота текста.

Однако допуская вольности в переводе во имя сохранения красноречия целевого французского языка, д'Абланкур ставит переводчику одно принципиальное, на наш взгляд, условие – придерживаться цели и намерения автора. Он рассматривает текст как одно целое, в котором все взаимосвязано и подчинено цели и намерению автора, в том числе риторико-стилистические средства. Буквальная верность урезает лучшее, что есть у автора, – его силу и красноречие [Там же, р. 2].

Таким образом, передавая риторико-стилистические украшения текста, д'Абланкур, с одной стороны, ориентируется на целевой французский язык и эстетические вкусы классицизма, с другой – подходит к этой проблеме с дискурсивно-прагматических позиций, рассматривая текст как единое целое и подчиняя его выразительные средства замыслу автора.

П.Д. Юэ, главный оппонент д'Абланкура, в трактате «De Interpretatione» (1661) устами одного из персонажей теоретического спора Казобона определяет перевод как портрет автора в полный рост, который должен воспроизводить черты его лица, глаза, фигуру и создавать иллюзию присутствия автора (*expressa auctoris imago & effigies, ut coram absens adesse videatur*). На первый взгляд это совпадает с представлениями д'Абланкура, однако у Юэ такой портрет исключает всякое украшательство, искусственные внешние эффекты. Для него «прекрасные неверные» похожи на безобразных женщин, которые пытаются скрыть свои физические недостатки под накладными прелестями. Их нелепый наряд, парик, румяна, вставные зубы и высокие каблуки могут вызвать только насмешки [12, р. 30]. Таким образом, П.Д. Юэ своим отношением к искусственному риторическому украшательству речи продолжает традицию А. Годо, используя сходное метафорическое сравнение.

Несколько по-другому решают эту проблему переводчики Пор-Рояля, которые имели дело с религиозными и сакральными текстами. Влияние риторики отразилось непосредственно на одном из основополагающих текстов теории перевода во Франции – правилах перевода А. Леместра. Уже в первом из них Леместр ориентируется на ораторский стиль, предлагая в качестве образца красоты стиля речи Цицерона и требуя придерживаться риторико-стилистических стандартов французского языка: «...если бы, например, Цицерон говорил на нашем языке, то он сказал бы это так, как мы в нашем переводе». Согласно второму правилу, которое также непосредственно выходит в риторику, переводчик должен «стремиться передать красоту красотой, а фигуру фигурой, имитировать стиль автора» [13, р. 176]. Этот принцип полностью отвечает эстетике классицизма и новому видению перевода как полноценного произведения, автор которого – «алхимик, имеющий свой языковой и литературный идеал, познавший *ars dicendi* и секреты *oranatus*» [14, р. 273]. Впервые он был сформулирован И.-Л. де Саси в предисловии к переводу «Поэмы святого Проспера» (1647) и повторен в правилах перевода Г. де Танда и П. Кустеля.

Правила III, V, VII, VIII, IX и X, которые Р. Зюбер рассматривает как языковые [15, р. 152], на самом деле имеют непосредственное отношение к риторике. Они касаются построения периодов, гармонии их частей, употребления соединительных слов, ритма прозы и стихов и др. Фактически Леместр переносит на письменный переводной текст риторические требования к устной ораторской речи, ибо «вся гармония дискурса в том, чтобы нравиться ушам, а не глазам» [13 р. 177]. В его правилах речь идет, прежде всего, о переводе религиозных текстов, которые отличаются особым стилем

и риторикой. Божье слово в таких текстах должно звучать живым голосом, как в молитвах и проповедях апостолов и отцов церкви. Вот почему Леместр уделяет такое внимание соблюдению правил риторики и стиля. В этом он близок к д'Абланкуру, хотя мотивы у них разные: в Пор-Рояле переводят, чтобы просвещать верующих, а «прекрасные неверные» должны развлекать читателя.

Отношение Леместра к риторике и ее месту в переводе показательны для переводческой школы Пор-Рояля. Среди его переводов – многие труды лучших мастеров церковного ораторского искусства и проповедников Иоанна Златоуста, бл. Августина, св. Бернара и др. Ему принадлежит рукопись с набросками учебника по риторике, составленного на основе трактата Квинтилиана. Рассмотрев основные виды фигур, Леместр заканчивает текст рукописи правилом, требующим употреблять их естественно и умеренно, различая, что подходит в данном месте, для данного лица и в данный момент [16, р. 71]. Таким образом, в отношении к излишнему украшательству, приносящему вред естественной красоте текста, он солидарен с Годо и Юэ.

А. Леместр под влиянием пастора янсенистов Сен-Сирана пришел в Пор-Рояль в поисках покоя, прервав карьеру молодого блестящего адвоката, красноречие которого собирало толпы во дворце правосудия, а речи переиздавались десятки раз, даже в немецких переводах. Поначалу он пытался придать своим переводам больше величия и пышности. Благодаря Сен-Сирану и поддержке друзей, он прошел непростой путь от светского красноречия с его внешними эффектами к основанному на янсенистской морали сдержанному стилю, цель которого – эффективно донести до читателя истину божьего слова. Со временем, начав работу над переводом Нового Завета, он постепенно склоняется к все более суровым требованиям стиля, пытаясь примирить прежние поиски красоты и верности с буквализмом.

В предисловии к переводу «Проповедей св. Бернарда и св. Августина» (1958), изданному незадолго до смерти, Леместр подводит итог своим двадцатилетним исканиям. Он строит концепцию перевода, рассматривая сакральный текст с позиций теологии как надиктованный Господом. В нем следует искать не истины земной науки, а истины веры, которые открываются сердцу. Его красноречие выше всякого риторического искусства, оно навеяно божьими истинами и неотделимо от них [17, р. III–IV]. Таким образом, в отличие от Арно д'Андийи, Леместр настаивает не на красоте, а на органическом единстве содержания сакрального текста и средств его выражения. В сакральном красноречии нет пышности и показного блеска, его простой и скромный блеск похож на блеск чистой отполированной стали, а не на сверкание бриллиантов [Там же, р. IV]. Именно к такому эффективному красноречию должен стремиться переводчик, выполняя свою основную задачу – донести истину божьего слова читателю.

Взгляды Леместра на перевод и риторику во многом разделял его младший товарищ и продолжатель перевода Библии И.-Л. де Саси, который

также отмечал необыкновенную простоту стиля Священного Писания и пытался примирить ее с требованиями красоты речи Великого века. Эта задача стала практически невыполнимой для некоторых разделов Старого Завета из-за притчевого характера дискурса, в особенности для Песни Песней с ее откровенно эротическими образами, навеянными иной культурой, отдаленной во времени и пространстве. Переводчикам Пор-Рояля пришлось вернуться к принципу буквального перевода сакрального текста, в котором, как указывал св. Иероним, даже порядок слов имеет особое мистическое значение.

Несколько по-иному относится к передаче красноречия в переводе Антуан Арно, которому также не чужды проблемы риторики. В специальном трактате, посвященном гомилетике («Réflexions sur l'éloquence des Prédicateurs», 1695), он опровергает мнение Г. Дюбуа, отрицавшего необходимость использования специальных риторических средств в церковных проповедях. В своих переводах он стремился «заставить говорить святого Августина на французском языке, и чтобы при этом он не перестал говорить как святой Августин» [18, р. IX]. Определяя таким образом стратегию перевода, он заботится не только о верности содержания, но и о воспроизведении красноречия автора, пытаясь сделать чтение произведения «более легким и приятным», и сожалеет, если ему это не удалось [Там же, р. X].

Об эволюции его взглядов свидетельствует правило, в котором Арно утверждает, что при переводе Священного Писания на «вульгарные» языки не следует «стремиться к такой же точности в том, что называется деликатность и вежливость языка, как в произведениях светского красноречия» [19, р. 425]. Необходимость этого правила обусловлена особым красноречием библейского текста. Именно «чудесная простота» Священного Писания стала определяющей в изменении взглядов Арно на роль красноречия в переводе сакральных текстов.

Таким образом, во Франции XVII в. определяющее для истории перевода противопоставление между буквальным и вольным переводом реализуется как альтернатива между верностью и красотой, между стратегией, ориентированной на точное воспроизведение оригинала или создание нового произведения, отвечающего вкусам и требованиям принимающей культуры. Чаша весов склоняется в ту или другую сторону в зависимости от более общего понимания проблемы перевода. Для авторов, которые стоят на картезианских позициях и считают слова знаками для универсальных идей, перевод сводится к «переодеванию» содержания в «одежды» другого языка. В отношении риторико-стилистических средств они разделяют принцип «передать красоту красотой, а фигуру фигурой». Если из-за различий между языками прямого соответствия не существует, утрату можно компенсировать при помощи других выразительных средств. Авторы, которые исходят из аристотелевского понимания слова как логоса и текста как неповторимого единства формы и содержания, в котором все подчинено авторской цели и намерению, рассматривают перевод как

дискурсивную проблему. Они считают себя настоящими писателями и стремятся воссоздать на своем языке новое полноценное произведение, оказывающее на читателя такое же влияние. В этом случае риторико-стилистические средства нового текста полностью подчинены требованиям целевого языка и эстетическим предпочтениям принимающей культуры. Разумеется, ни д'Абланкур, сторонник вольного перевода, ни Леместр, ведущий теоретик Пор-Рояля, не представляют эти направления в чистом виде. Их концепции перевода и, в частности, отношение к передаче риторико-стилистических особенностей оригинала достаточно противоречивы и изменчивы. Д'Абланкур, который украшает свои переводы в соответствии со вкусами времени и стремится развлечь читателя, вместе с тем подчиняет выбор выразительных средств замыслу автора. Леместр, требуя передавать красоту красотой, а фигуру фигурой, не только не отрицает, что выразительные средства должны соответствовать авторскому содержанию, но и в итоге приходит к их буквальному воспроизведению.

ЛИТЕРАТУРА

1. *D'Hulst, L.* Pour une historiographie des théories de la traduction / L. d'Hulst // TTR : traduction, terminologie, rédaction. – 1995. – Vol. 8, № 1. – P. 13–33.
2. *Fumaroli, M.* L'Âge de l'éloquence / M. Fumaroli. – Genève : Droz, 2002. – 882 p.
3. *Meschonnic, H.* Poétique de traduire / H. Meschonnic. – P. : Verdier, 1999. – 473 p.
4. *Гарбовский, Н.К.* Теория перевода / Н.К. Гарбовский. – 2-е изд. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 544 с.
5. *Дю Белле, Ж.* Защита и прославление французского языка / Ж. дю Белле // Эстетика Ренессанса : в 2 т. – М. : Искусство, 1980. – Т. 2. – С. 235–269.
6. *Méziriac, B. de.* De la traduction / B. de Méziriac // Menagiana [Source électronique]. 1729. – Т. 2. – P. 410–460. – L'accès : <http://books.google.com/bks&hl=uk&q=Menagiana.+Tome+2.+Nouv.+%C>. – Date de l'accès : 06.02.2013.
7. *Godeau, A.* Préface du Dialogue Des Causes de la corruption de l'éloquence / A. Godeau [Source électronique]. – Paris, 1636. – P. I–XXV. – L'accès : <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5853929t>. – Date de l'accès : 06.02.2013.
8. *Godeau, A.* Lettres de M. Godeau / A. Godeau [Source électronique]. – Paris : E. Ganeau, 1713. – 444 p. – L'accès : http://books.google.com.ua/books?id=XzovNFe_GuoC&dq=Antoine+godeau+lettres&hl=uk&source=gbs_navlinks_s. – Date de l'accès : 06.02.2013.
9. *Balzac G de.* Les Oeuvres de M. de Balzac / G. de Balzac [Source électronique]. – Paris : Th. Jolly, 1665. – 1059 p. – L'accès : http://books.google.com.ua/books/download/Oeuvres_de_Monsieur_Jean_Louis_Guez_de_B.pdf?id=E_Ip4ZHvLnkC&hl=fr&capid=AFLRE71_UYbfXTacHNyiP1RfEEIR7baP. – Date de l'accès : 06.02.2013.

10. *D'Ablancourt, N.P.* Préface de l'Octavius de Minucius Felix [Source électronique] / N.P. d'Ablancourt // Histoire de la traduction / J. Delisle, G. Lafond. – Univ. d'Ottawa, 2006. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
11. *D'Ablancourt, P.* Préface de Tacite [Source électronique] / N.P. d'Ablancourt // Histoire de la traduction / J. Delisle, G. Lafond. – Univ. d'Ottawa, 2006. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
12. *Goupillaud, L.* De l'or de Virgile aux ors de Versailles / L. Goupillaud. – Genève : Droz, 2005. – 394 p.
13. *Lemaistre, A.* Règles de la traduction / A. Lemaistre // Mémoires. N. Fontaine [Source électronique]. – Utrecht, 1736. – Т. 2. – P. 176–178. – L'accès : http://books.google.com.ua/books/about/M%C3%A9moires_Pour_Servir_A_L_Histoire_De_Po.html?id=X5MDAAAACAAJ&redir_esc=y. – Date de l'accès : 06.02.2013.
14. *Dotoli, G.* Littérature et Société en France au XVII siècle / G. Dotoli. – Paris : Presses de l'Univ. Paris-Sorbonne, 2004. – Т. 4. – 384 p.
15. *Zuber, R.* Les «belles infidèles» et la formation du goût classique / R. Zuber. – Paris : Albin Michel, 1992. – 521 p.
16. *Nardis L. de.* Un trattato inedito sulle metafore e i tropi di Antoine Le Maistre / L. de Nardis // Bibliopolis [Source électronique]. – Napoli, 1995. – P. 47–71. – L'accès : www.filologiafrancese.it/2Fqds_paragrafi%2F21. – Date de l'accès : 06.02.2013.
17. *Lemaistre, A.* Les Sermons de S. Bernard / A. Lemaistre [Source électronique]. – Paris : Ch. Savreux, 1658. – 442 p. – L'accès : http://books.google.com.ua/books?id=17Y8AAAACAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false. – Date de l'accès : 06.02.2013.
18. *Arnauld, A.* (Tr.) S. Augustin Des Mœurs de l'Eglise Catholique / A. Arnauld [Source électronique]. – 2nd éd. – Paris : A. Vitré, 1647. – 127 p. – L'accès : <http://books.google.com.ua/books?id=5cQ8AAAACAAJ&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false>. – Date de l'accès : 06.02.2013.
19. *Arnauld, A.* Règles pour discerner les bonnes et mauvaises critiques des traductions de l'écriture sainte en françois / A. Arnauld // Œuvres [Source électronique] – Paris : S. d'Arnay, 1777. – Т. 8. – P. 423–466. – L'accès : http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k55998_482/f10.image.r. – Date de l'accès : 06.02.2013.

This paper deals with the problem of relationships between rhetoric and translation in the XVII century France. It analyzes the rhetorical sources of French translation studies, determines the positions of different schools of translation on the relationship of fidelity and beauty in translation, their attitude to the rhetorical and stylistic decorations of the original.

Поступила в редакцию 18.04.13

В.М. Федосеева

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ОККАЗИОНАЛЬНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ

(на материале перевода романа Б. Пастернака «Доктор Живаго»)

В статье приводятся результаты исследования способов передачи окказиональных словосочетаний при переводе русской художественной прозы на английский язык. Достаточно высокая частотность выявленных приемов позволяет сделать ряд конкретных выводов об их составе и характере. Особенностью перевода художественной прозы, его основным требованием является необходимость сохранения эстетической функции оригинала, что заставляет переводчиков помимо применения приемов, традиционных для переводческой практики, находить индивидуальные переводческие решения, состоящие в сложных семантико-синтаксических трансформациях в пределах фразы.

Тексту романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» свойственны признаки так называемой элитарной прозы: обилие прилагательных/причастий, нередко образующих продолжительные цепочки как в препозиции, так и в постпозиции к ядру словосочетания, а также адвербиальных элементов [1].

Именно характерные для стиля Б. Пастернака окказиональные словосочетания, составляющие широкий пласт текста романа, – одна из самых сложных проблем его перевода на английский язык. Помимо свойственных им эмоционально-экспрессивных коннотаций, которые, как правило, являются предметом исследования в работах по переводоведению [2], практический интерес для переводчика русской художественной прозы на английский язык представляет, на наш взгляд, изучение приемов перевода окказиональных словосочетаний с учетом их структуры и характера синтаксических связей между их элементами.

Не обладая статусом единиц синтаксиса, но являясь строительным материалом для синтаксических единиц, теми кирпичиками, из которых строятся фразы и в конечном счете текст, словосочетания представляют собой те первичные структурные звенья, с которыми сталкивается переводчик, приступая к переводу текста. От того, насколько эффективно осуществляется перевод данных единиц, в значительной степени зависит прагматическое воздействие текста в целом.

Системные исследования способов перевода коммуникативных структур высказываний с русского языка на английский были предприняты Е.В. Бреус [3] и А.В. Бураком [4] на материале публицистического стиля. Исследование способов передачи русских именных словосочетаний окказионального характера средствами английского языка было проведено нами на материале *художественной прозы* – перевода романа Б. Пастернака М. Хейвардом и М. Харрари.

Целью данного исследования явилось изучение наиболее частотных тенденций в выборе того или иного приема перевода окказиональных

словосочетаний с подчинительной синтаксической связью – именных словосочетаний, состоящих из двух номинативных элементов, а также из номинативного элемента в сочетании с атрибутивным (простым или сложным прилагательным/причастием или цепочкой прилагательных/причастий).

Полученные в результате исследования выводы изложены ниже.

1. *Именные сочетания с двумя номинативными элементами.*

Достаточно непредсказуемым явился вывод о том, что перевод окказиональных словосочетаний, включающих два номинативных элемента, в исследованном материале лишь в 1/3 случаев осуществляется при помощи введения союза *of*, что считается традиционным приемом перевода именных словосочетаний с подчинительной связью: *чулан безумств – a lumber room of unreason, неистовства чистоты – a frenzy of purity, кладовая откровений – a store room of discoveries, бессловесность истинной музыки – the wordlessness of true music*. Однако и при использовании данного способа переводчики довольно редко обходятся без метафорических дифференциаций, утраты коннотированности отдельных элементов словосочетания, а также синтаксических трансформаций: *бездолье и невзгоды человечества – sorrows and misfortunes of mankind, духовный потолок эпохи – the spiritual top-flight of the age, невразумительности его собственного изобретения – oddities mixed with those of his own invention*.

Из всего многообразия приемов перевода русских именных словосочетаний на английский язык, помимо указанного выше (*of-phrase*), представилось возможным выделить несколько их видов, которые не могут считаться, на наш взгляд, случайными индивидуальными предпочтениями переводчиков в силу высокой степени их частотности в тексте романа.

Характерно, что переводчики в достаточно редких случаях прибегают к опущению одного из номинативных элементов словосочетания, например *чертовщина посредственности – mediocrity, венец совместности – harmony*, утрачивая, таким образом, одну из лексем. Наиболее распространенным приемом перевода данных словосочетаний следует признать сохранение сем обоих номинативных элементов посредством перифразы с транспозицией значения имени одного из существительных в значение качества, выражаемого прилагательным [5]: *прозрачность их ханжества – their transparent sanctimoniousness, страшлище пошлости – that vulgar scarecrow, пенельная мягкость пространств – the soft, ashy distance*. Значение имени может преобразовываться в значение качества, выраженное причастием или субстантивированным прилагательным: *дыша цветом туч и бульваров – breathing and blossoming with the colour of her streets, дар нечаянности – an intuition for the uncalculable*. В подобных случаях происходит, как правило, перераспределение сем или их частичная утрата.

Использование подобной перифразы характеризуется достаточно высокой частотностью, что позволяет считать ее типичным для художественной прозы приемом перевода именных словосочетаний с двумя номинативными элементами. Тем не менее наибольший интерес вызывают случаи, когда

переводчики, стремясь максимально сохранить эстетическую функцию текста оригинала, прибегают к сложным семантико-синтаксическим трансформациям: *темный свинец предзимнего ненастья* – *the leaden menace of winter*, *просторы войны, просторы революции* – *the vast countryside, glowering with revolution and war*. В подобных случаях, помимо описанного выше вида транспозиции, отмечено перераспределение сем во всех входящих в словосочетания лексемах, наличие метафорической дифференциации (*menace of winter*), а также синтаксической трансформации во втором примере – введение причастного оборота с дополнительной семой (*glowering*). Таким образом, переводчикам удалось не только полностью сохранить семную структуру словосочетаний, но и эмоционально-экспрессивные коннотации входящих в них лексем. На наш взгляд, именно такой поиск индивидуальных переводческих решений, требующий подлинного мастерства, является наиболее яркой чертой перевода художественной прозы, в отличие от делового или публицистического стиля.

В ряде случаев окказиональные словосочетания переводятся посредством приема амплификации, очевидно, по причине их излишней физиологичности и тяжеловесности для восприятия англоязычного читателя: *я кровью сердца чувствую* – *I know it with my heart, my life's blood*; *тебя помнят сгибы локтей моих* – *my arms and my hands remember you*. Перевод в подобных случаях осуществляется, таким образом, посредством замены образной основы метафоры или приема модуляции.

2. Именные словосочетания с атрибутивными элементами.

Словосочетания прилагательных/причастий с существительными, обладающие ярким окказиональным характером и придающие тексту романа особое, пастернаковское своеобразие, способны поставить в тупик любого мастера художественного перевода. Лишь в достаточно редких случаях переводчикам удается найти виртуозное решение, позволяющее полностью сохранить семантическую структуру словосочетания посредством перераспределения сем и синтаксических трансформаций, например: *чувство высшей и краеугольной беззаботности* – *an overall feeling of profound unconcern*, *прелесть их сжатого и выразительного общения* – *in its very conciseness his manner had a warmth and charm*.

Следует отметить, что, поскольку текст романа изобилует прилагательными и причастиями в атрибутивной функции, цепочками прилагательных в препозиции и постпозиции, сложными прилагательными, отдельные словосочетания и целые предложения могут восприниматься как излишне громоздкие и страдающие избыточностью даже русскоязычными читателями. Не удивительно поэтому, что переводчики, сообразуясь, очевидно, с нормой английской литературной речи, исключают подобные излишние, на их взгляд, тяжеловесные элементы, за счет некоторого снижения прагматического воздействия текста.

Нередко переводчики даже не делают попытки передать в переводном тексте семную структуру подобных словосочетаний, опуская их целиком

(*обобщенная расплывчатость, неведомая упругость, задумчивая непричастность, отнекивающимися движениями*), оставляя за собой право самостоятельно определять меру избыточности переводного текста.

В некоторых случаях отмечены ничем не объяснимые просчеты переводчиков, как, например, при переводе фразы, произнесенной Ларой по поводу изнурительных ночных творческих трудов Юрия Живаго: *Все горюшь и теплишься, свечечка моя ярая?* – *Still at work, my love?* Переводная фраза, по сравнению с оригинальной, лишается трех метафор и традиционного эпитета, которые заменены стертыми нейтральными словами. Очевидно, что подобный перевод находится за гранью допустимых трансформаций и не может быть объяснен ни межъязыковыми, ни межкультурными расхождениями языков, поскольку трудно предположить, что образ *свечи воску ярого*, традиционный для русского фольклора, может быть недоступен для восприятия носителей английской культуры. К тому же образ свечи синтагматически связан в романе – Юрий Живаго сгорает, как свеча, на огне творчества, пытаясь уйти от тяжелых испытаний времени, которые отвлекают его от единственного смысла его жизни, другие персонажи (Антипов, Галиулин) сгорают на огне «радикальных и кровавых революционных вождедений». Образ горящей свечи характерен и для поэзии Б. Пастернака. Представляется, что, поскольку данная фраза является одной из ключевых в романе, она заслуживала более вдумчивого отношения переводчиков. Однако, справедливости ради, следует отметить, что такие просчеты в переводном тексте единичны.

Отмечены случаи опущения одного из атрибутивных элементов словосочетания, носящего яркий окказиональный характер: *лампа, жаркая, вникающая, оранжевая* – *its warm, orange glow*; *закатившееся дореволюционное девичество России* – *Russia, in her virginity before the revolution*. Тем не менее опущение одного из прилагательных не всегда влечет за собой смысловые и стилистические потери. Вполне адекватными можно признать переводческие варианты, в которых, несмотря на потерю одной из лексем, не утрачен ни смысл, ни окказиональный характер словосочетания, например: *его земляная, черносошная сущность* – *his peasant earthiness*.

Достаточно распространенным является прием, когда переводчики, стремясь максимально точно передать семантическую структуру прилагательных, входящих в словосочетание, вводят дополнительную лексему, актуализирующую потенциальную вероятностную сему [6] русского прилагательного: *темный, нереальный язык его обожания* – *the dark, obscure, unrealistic language of his love*.

В ряде случаев при переводе окказиональных словосочетаний *смещенный эпитет*, входящий в состав словосочетания и являющийся одним из самых характерных для прозы Б. Пастернака стилистических приемов, нейтрализуется посредством восстановления во фразе традиционных (узуальных) семантических связей с заменой ядра словосочетания, что приводит

к стилистическим потерям: в *мелодических устах* такой павы – *her genteel melodious voice*, конское кованое переступание – *the clatter of the hobbled horse's shoes*.

Практически невозможным для переводчиков является нахождение эквивалентов для существительных с узким значением в составе именных словосочетаний, которые чаще всего заменяются существительными более широкого значения: она со страшной *осязательностью* сокрушается о прошлом – *she grieves in a terribly tangible way*, русская *детскость* Пушкина – *the childlike Russian quality of Pushkin*, ноющая *надломленность* – *a nagging broken-spirited horror*, наглый и беззастенчивый *крысиный содом* – *the loud insolent noise of the rats*, во имя жалости выработанную вспомогательную *безжалостность* – *pitiless remedies invented in the name of pity*, затяжное *безучастие* – *long periods of indifference*, глубокая *нескладица* – *unnatural state of affairs*. Как видно из примеров, при данной трансформации в большинстве случаев происходит утрата окказионального характера словосочетаний, что снижает прагматическое воздействие целых сегментов текста.

При переводе словосочетаний с наличием ядра, обозначающего такие материальные свойства предметов, как цвет, запах, вкус, плотность, консистенция, например *желтизна*, *гуща*, *пряность*, *сладость*, *сырость*, применяются два приема: перифраза с транспозицией значения имени в значение качества, что, очевидно, обусловлено системными расхождениями языков (*медовая желтизна снега* – *yellow snow*, (*свет лампы*) *спокойной желтизною* *надал* – (*the lamplight*) *fell softly yellow*), или прием смыслового развития – введение контекстуального эквивалента существительного, часто с перераспределением сем внутри словосочетания или их частичной потерей (*сложная пряность* – *the mixed peppery smell*, *сладкая сырость* – *sweetish damp earth*, *ананасная сладость (солнца)* – (*its*) *juicy light*, *апельсиновая гуща* – *the orange*).

При переводе окказиональных словосочетаний существительных с причастием последнее может переводиться причастием, а также достаточно часто прилагательным, существительным или именным словосочетанием, состоящим из двух номинативных элементов: *назревшие неизбежности* – *the advent of the inevitable*, *надсаженные ненавистью* *дисканты* – *high-pitched and hysterical with hatred*, *прячущаяся тонкость* – *reticent delicacy*, *заговаривающийся ветер* – *a talkative wind*, *умиротворенная широта* – *a broad peace of reconciliation*. В последнем примере переводчик прибегает к уточняющей гипонимической парафразе, добавляя еще одну лексему, чтобы в полном объеме передать семную структуру причастия.

Распространенными приемами являются перемещение причастия в постпозицию или его перевод придаточным предложением: *перемогающийся в несчастиях русский город* – *the Russian city struggling through misfortune*, *алчущий докторовой крови и жаждущий* *Лары дракон* – *a dragon who thirsted for Yury's blood and lusted after Lara*. Во втором случае происходит транспозиция значения качества в значение процесса, выражаемого глаголом.

Определенную трудность для переводчиков представляют также окказиональные словосочетания, в состав которых входят атрибутивные цепочки и характерные для стиля романа сложные прилагательные. Во многих случаях переводчики бережно относятся к данной особенности пастернаковского текста, стараясь в полном объеме передать их семную структуру:

Внешний мир обступал Юру со всех сторон, осязательный, непроходимый и бесспорный, как лес. – The external world pressed in on him, dense, undeniable, tangible as a forest.

У Юры в душе была сладкая неразбериха, блаженно-бредовая, скорбно-восторженная. – Yury was filled with a sleepy, ecstatic, gentle befuddlement of grief and exaltation.

Среди воцарившейся безбрежно-обалделой и душистой тишины... – Amidst the boundless, dazed and scented silence...

Свет солнца, сочный, стеклянный и водянистый, как спелое яблоко белый налив... – The sunlight, as juicy, glassy and watery as a ripe Granny Smith...

Сохранение всех лексем, входящих в подобные цепочки, удается не всегда (*радость моя, бездонная, неисчерпаемая, вечная – my inexhaustible, everlasting joy; полное, трубчатое и дуплистое лесное эхо – the hollow fluty echo of the woods*), хотя удачный подбор эпитетов в переводе компенсирует потерю одной из лексем.

При переводе окказиональных словосочетаний неудачей переводчиков следует признать достаточно частые случаи стилистической нейтрализации, к которой приводит утрата самобытных пастернаковских стилистических приемов: *петушащееся усатое мужское самодовольство – impertinent male complacency; чужое, ненужное ничтожество – a stranger who had nothing in common with her.*

Традиционные эпитеты в устойчивых словосочетаниях, как правило, утрачиваются или заменяются нейтральными прилагательными: *красота эта писаная – the lovely lady, краса моя писаная – my beauty, бесталанная его судьба – his luckless fate.* Однако перевод подобного словосочетания контекстуальным идиоматичным синонимом позволяет сохранить эстетическую функцию оригинала: *родная кровинушка – my own flesh and blood.*

Регулярность использования большей части выявленных приемов перевода русских окказиональных именных словосочетаний в английском тексте позволяет заключить, что они не являются индивидуальными предпочтениями переводчиков, а носят системный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федосеева, В.М. Способы передачи адвербиальных элементов в переводе прозы Б. Пастернака / В.М. Федосеева // Материалы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, 25–26 апр. 2012 г. : в 5 т. – Минск : МГЛУ, 2012. – Т. 2. – С. 146–149.

2. Казакова, Т.А. Практикум по художественному переводу / Т.А. Казакова. – СПб. : Союз, 2004. – 309 с.
3. Бреус, Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский / Е.В. Бреус. – М. : Изд-во УРАО, 2000. – 208 с.
4. Бурак, А.Л. Translating Culture: перевод и межкультурная коммуникация – 2 / А.Л. Бурак. – М. : Изд-во Р. Валент, 2013. – 208 с.
5. Гарбовский, Н.К. Теория перевода / Н.К. Гарбовский. – М. : Изд-во МГУ, 2004. – 543 с.
6. Стернин, И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования / И.А. Стернин. – М. : АСТ: Восток – Запад, 2007. – 288 с.

The research makes an attempt to reveal the most adequate ways of translating Russian unpredictable collocations from В. Pasternak's prose into English. It also estimates the degree and causes of stylistic and semantic failures of the translation as well as its precise and stylistically proper quality. To make the results of the investigation more concrete the types of syntactical connections within the unpredictable collocations were considered.

Поступила в редакцию 24.05.13

А.К. Шевцова

ЧЕРЕДОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ РОЛЕЙ В ДИСКУРСЕ БЕЛОРУССКИХ И БРИТАНСКИХ РАДИОДИСКУССИЙ

В статье анализируются чередования коммуникативных ролей в дискуссиях на белорусском и английском языках. Как белорусские, так и британские радиoprogramмы характеризуются синтетичным стилем смены коммуникативных ролей ведущих и гостей в студии, сочетающим в себе черты кооперативного, конфронтативного и нейтрального стилей. Однако если белорусские радиодискуссии имеют более ровный, однородный стиль чередования коммуникативных ролей, то в британских дискуссиях зафиксированы переходы от кооперативной стадии коммуникации в начале программы к конфронтативной с развитием обсуждения проблемы.

Диалогический дискурс подразумевает обязательный обмен коммуникативными ролями, который обеспечивают вербальные и невербальные «сигналы взятия на себя роли говорящего, предоставления этой роли другому коммуниканту, отказа от этой роли, завершения своего речевого вклада и т.п.» [1, с. 41]. Так, смена ролей является основной определяющей характеристикой диалогического общения. Интересным представляется чередование коммуникативных ролей между ведущими и гостями радиодискуссий, а также сопоставление характера смены ролей в дискуссиях на белорусском и английском языках, что составляет новый, не изученный ранее аспект исследований устного медийного дискурса.

В диалогах разных типов смена коммуникативных ролей происходит по-разному, что объясняется вариативностью когнитивных и социокультурных критериев, составляющих экстралингвистическую ситуацию [2; 3; 4]. Смена ролей в диалоге может осуществляться как подсознательно, автоматически, так и материализоваться в «осознанном намерении управлять ходом чередования ролей как одним из инструментов оказания воздействия на собеседника, используя для этого всевозможные коммуникативные ресурсы» [3, с. 103]. Смена коммуникативных ролей может происходить как последовательно, так и характеризоваться паузами обдумывания, хезитации. Как отмечают зарубежные исследователи [5; 6], самые короткие паузы следуют за «незаконченными высказываниями», а наиболее длинные – за вопросами. При этом предвосхищение последующей смены коммуникативной роли обусловлено содержанием [4].

Анализ 100 дискуссий белорусского и британского радио показал, что ведущий программы всегда является доминирующим партнером по коммуникации, так как он регулирует тематику обсуждения и отслеживает очередность ролей. Ему принадлежат иницирующие, контролирующие и подавляющее большинство конфронтативных (противодействующих) речевых ходов. Ведущий может предопределить последовательность сообщений собеседника, оказывать влияние на манеру и стиль речи [7]. Гости студии в основном выполняют роль интерпретаторов реплик и вопросов ведущего. Им принадлежат реплики-реакции на предыдущие высказывания. Однако интерпретаторы также могут регулировать беседу, поворачивая разговор в нужное им русло. Они понимают суть сказанного, «вычленяют намерения собеседника, совершают ряд когнитивных операций и определяют направления собственного реагирования в сторону унисонных, выражающих согласие, или диссонансных, выражающих несогласие, взаимодействий с партнером» [8, с. 159].

Факторами, формирующими общий стиль чередования коммуникативных ролей, выступают тематическая организация и стратегическая ориентация коммуникантов. Характеризуя общий стиль мены коммуникативных ролей в исследуемых дискуссиях, а также способы ее регуляции, следует отметить наличие отличительных черт при сопоставлении белорусских и британских радиодискуссий. В начале обсуждения проблемы в программах британского радио наблюдается кооперативная стадия общения, когда партнеры устанавливают контакт. Затем следует конфликтная стадия коммуникации, сопровождающаяся перебиваниями, некооперативной интервенцией доминирующего коммуниканта. Однако в случае дискуссии «перебивание не воспринимается как нарушение, как средство торможения коммуникативного процесса, а напротив, как способ продвижения интеракции» [9, с. 7]. В дискуссиях британского радио наблюдается синтез стилей мены коммуникативных ролей. Кооперативный (нейтральный) стиль сочетается с конфронтативным. Доказательством такого вывода служат статистические данные, полученные в ходе анализа (табл. 1).

Чередование коммуникативных ролей
в дискуссиях британского и белорусского радио,
% от общего числа чередований коммуникативных ролей

Британское радио					Белорусское радио				
перебивы	симуль- танное говоре- ние	МКР после паузы	интер- венция смехом	после- дова- тель- ная СКР	пере- бивы	симуль- танное гово- рение	МКР после паузы	интер- венция смехом	после- дова- тель- ная СКР
18,8	12,5	4,2	6,3	75	8,6	14,2	2,8	–	85,7

В дискуссиях белорусского радио на протяжении всего обсуждения проблемы отмечается однородный стиль чередования коммуникативных ролей, также как и в британских радиодискуссиях сочетающий в себе черты нейтрального, кооперативного и конфронтативного стилей. Однако, как следует из таблицы 1, в отечественных радиодискуссиях было зафиксировано меньше перебивов, пауз между коммуникативными ходами, больше случаев симультанного говорения на кооперативной основе, гладкой мены коммуникативных ролей; не было выявлено прерывания коммуникативного хода участников дискуссий смехом оппонента. По мнению зарубежного исследователя У. Эллиса, смех в процессе смены коммуникативных ролей воспринимается достаточно естественно и обусловлен в основном намерением установить кооперативные отношения между партнерами по коммуникации и снять напряжение относительно предшествующего или последующего речевого хода [10]. Например:

– *Just click the site, and you can find whatever you want...* (интервенция смехом) ‘Просто зайдите на сайт, и вы найдете все что хотите...’

– *30-day money back guarantee?* ‘Есть гарантия возврата денег в течение 30 дней?’

– *Absolutely!* ‘Конечно!’ [D-1].

В данном примере гость студии говорит об антивозрастных препаратах, информацию о которых можно прочесть на сайте его компании. Ведущая перебивает гостя смехом, а затем задает шуточный вопрос (так как невозможно испытать на себе воздействие препаратов по омоложению всего организма даже за 30 дней). По нашему мнению, ведущая делает это с целью поддержания гостя на кооперативной основе, и в то же время для того, чтобы слова героя программы не звучали как рекламный ход.

В дискуссиях белорусского радио ведущие и гости студии предпочитают не прерывать собеседника смехом, так как это, вероятно, может быть негативно воспринято оппонентом.

Как следует из таблицы 1, участники британских радиодискуссий чаще используют акты перебивания или прерывания на некооперативной основе (18,8 % против 8,6 % в белорусских радиодискуссиях), которые можно рассматривать в рамках *стратегии прерывания*. Стратегия прерывания заключается в том, что «коммуникант оспаривает право на совершение очередного хода» [11, с. 139]. При этом коммуникативный (речевой) ход представляет собой вербальное действие одного из коммуникантов, минимальный значимый элемент, способствующий взаимодействию, ведущий общение к достижению общей коммуникативной цели [12, р. 69]. Стратегия прерывания представлена тактиками *наложения (симультанного говорения)* и *перебивания*. В 70 % случаев прерывания собеседника британцы не используют специальных интервентивных маркеров. Говорящий либо дублирует фрагмент последней услышанной фразы оппонента, либо вступает в диалог «без предупреждения». Например:

Г о с т ь. *I wouldn't say that money gave me that I had. But that was what I did...* (перебив) 'Я бы не сказал, что это деньги дали мне то, что у меня было. Но я делал...'

В е д у щ и й. ... *you did rational things!* 'Вы поступали разумно!'

Г о с т ь. *I didn't do rational things* 'Я не поступал разумно [D-2].

Интервентивными маркерами могут служить речевые клише *correct me, if I'm wrong; that's not it, you're right, but; I'm not sure about it; just a second*.

Некоторые отличия также были зафиксированы при выявлении маркеров передачи/взятия коммуникативного хода. Поскольку дискурс радиодискуссий представлен вопросно-ответными комплексами, то передача коммуникативного хода маркируется завершением формулировки вопроса к собеседнику. Взятие хода может маркироваться специальным образом, особенно в случае перебива. В белорусских радиодискуссиях нами были зафиксированы маркеры взятия коммуникативного хода со стороны ведущего. В качестве таких дискурсивных маркеров выступают наречия *цікава, добра, дарэчы*, фразы *я разумею, не зусім зразумела*, частица *ну*. Например: *Дарэчы, а як з кантактамі міжнароднымі? Наколькі я ведаю, сёння ты едзеш у Варшаву* [D-1]. Взятие хода британским ведущим, как правило, не отмечено особыми сигналами мены коммуникативных ролей как передача хода собеседнику. В белорусских радиодискуссиях 18 % случаев передачи коммуникативного хода ведущим маркируется императивом: *А якія былі ветракі ў нас на Беларусі? Расказвайце!* [D-2].

Что касается взятия коммуникативного хода гостями студии, то и в белорусских, и в британских радиодискуссиях были выявлены дискурсивные маркеры, фиксирующие переход инициативы к приглашенному лицу. В роли таких маркеров выступают стереотипные частицы и междометия (buffers 'буферы' в терминологии Yang Wei-dong [13]) *well, ehm, so, ну*; фразы *you know, што датычыцца*; восклицание *great!*; маркеры согласия/несогласия *yeah (yes)/no, безумоўна, так, канешне, не-не*.

Проведенный анализ радиодискуссий на английском и белорусском языках и их сопоставление позволили выделить следующие типы речевых ходов, характерные для ведущих исследуемых радиопрограмм (табл. 2): *инициирующие, детализирующие, поддерживающие и противодействующие (конфронтативные)*.

Т а б л и ц а 2

Типы речевых ходов ведущих белорусских и британских радиодискуссий,
% от общего числа речевых ходов ведущих

Дискуссии	Типы речевых ходов			
	иницииру- ющие	детализиру- ющие	противодейству- ющие	поддержива- ющие
Белорусское радио	11,5	34,7	23	30,8
Британское радио	5,4	39,4	36,3	18,9

Как следует из таблицы 2, в белорусскоязычных радиодискуссиях отмечается большее количество иницирующих коммуникативных ходов по сравнению с дискуссиями британского радио. Это объясняется более частой сменой подтемы разговора по инициативе ведущего. Маркерами иницирующих ходов могут выступать императивы со значением призыва к беседе или глаголы со значением начала разговора: *I must **begin with the story we all know*** ‘Я должен начать с истории, которую вы все знаете’ [D-3]; *А скажыце, калі ласка, якія парады Вы можаце даць маладым журналістам, якія толькі прыходзяць?* [Д-3].

На более конфронтативный характер британских дискуссий указывает большее количество противодействующих реплик ведущих, которые чаще, по сравнению с белорусскими ведущими, стараются вступить в полемику с гостями и побудить их к дискуссии. Ведущие белорусских радиодискуссий, как следует из статистических данных таблицы 2, делают упор на получение информации от собеседника, так как наибольший процент коммуникативных ходов относится к категории детализирующих. Сравните: *Very clear you say, **but you must be aware that in the last few years we see so many villages raised to the ground. What about that?*** ‘Вы говорите очень понятно, но Вы должны учитывать, что за последние несколько лет мы видим очень много уничтоженных деревень. Что Вы скажете по этому поводу?’ [D-4]; *А якую літаратуру Вы любіце, якую Вы чытаеце, ну, скажам так, у паўсядзённым жыцці?* [Д-4].

Следует отметить также, что белорусским ведущим принадлежит больше поддерживающих речевых ходов по сравнению с их британскими коллегами. Данная особенность вместе с симультанным говорением и перебивками на кооперативной основе могут свидетельствовать о более нейтральном стиле мены коммуникативных ролей в дискуссиях белорусского радио.

Г о с т ь. *Калі гаварыць пра пагодныя ўмовы, то і вадзяны млын, і вятрак... гэта залежала, канешне, ад пагоды. Калі няма ветра, то...*

В е д у щ и й (вклинивается, симультанное говорение). *Яны працаваць не будуць.*

Г о с т ь (продолжает). *...працаваць не будуць. Хаця зноў жа была такая канструкцыя і такія спецыялісты працавалі... [Д-5].*

Проведенное исследование также позволило выявить типы речевых ходов гостей студии (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Типы речевых ходов гостей белорусских и британских радиодискуссий,
% от общего числа речевых ходов гостей

Дискуссии	Типы речевых ходов				
	нейтральные информативные	согласие	противодействующие (несогласие)	неопределенность решения	инициативно-конфронтативные
Белорусское радио	38,8	26,6	20,4	10,2	4
Британское радио	35	17,5	33,4	8,8	5,3

Анализ подтвердил, что гостям исследуемых радиодискуссий принадлежит роль интерпретаторов, которые в основном реагируют на реплики ведущего и очень редко по собственной инициативе вступают с ним в полемику (в 4 % случаев в белорусских и 5,3 % случаев в британских радиодискуссиях). Белорусские гости чаще, по сравнению с британцами, соглашались с доводами ведущих или уклоняются от определенного ответа. Маркерами согласия и неопределенного (уклончивого) ответа служат отрицательные формы глаголов интеллектуальной деятельности и стереотипные фразы *пакуль невядома, цяжка сказаць, няма ўпэўненасці*, наречия *верагодна, хутчэй за ўсё*. Ведущие дискуссий на радио Би-би-си предпочитают провоцировать полемику с собеседниками, о чем свидетельствует большее количество противодействующих ходов по сравнению с количеством коммуникативных ходов, выражающих согласие с мнением оппонента (33,4 % против 17,5 %). Как в британских, так и в белорусских радиодискуссиях большинство речевых ходов представляют собой нейтральные информативные ходы (табл. 3). Данная закономерность говорит о том, что одной из основных функций радиодискуссий является информирование слушательской аудитории о конкретной социально значимой проблеме.

Итак, при доминирующей роли ведущего в дискуссиях на обоих языках белорусские радиопрограммы характеризуются более ровным, однородным стилем чередования коммуникативных ролей, сочетающим в себе черты кооперативного, фронтативного и нейтрального стилей. В британских

дискуссиях зафиксированы переходы от кооперативной стадии коммуникации в начале программы к конфронтативной. Такой переход может маркироваться симультанным говорением на некооперативной основе, перебивками, императивами, наречиями, глаголами, союзами, частицами и словосочетаниями со значением противодействия. Наряду с интервенцией смехом и большим количеством противодействующих реплик, коммуникативный стиль участников британских радиодискуссий может характеризоваться не только как более конфронтативный, но и более спонтанный и естественный, что еще раз подтверждает сделанный ранее нами вывод [14] об общем более неподготовленном и естественном характере коммуникации в британских радиопрограммах.

Участники белорусских радиодискуссий реже прибегают к тактике прерывания, допускают меньше пауз хезитации между коммуникативными ходами, чаще делают нейтральные информативные речевые ходы, ведущие используют императивы. Однако определенную долю спонтанности коммуникации в процессе смены коммуникативных ролей добавляет использование маркеров взятия коммуникативного хода, уклонения от ответа, отсутствие маркеров передачи речевого хода со стороны ведущего, использование поддерживающих и детализирующих речевых ходов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сусов, И.П.* Введение в языкознание : учебник / И.П. Сусов. – М. : Восток–Запад, 2007. – 379 с.
2. *Макаров, М.Л.* Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.
3. *Власян, Г.Р.* Мена коммуникативных ролей как основополагающий фактор динамической структуры конверсационного дискурса / Г.Р. Власян // Гуманитарный вектор. Сер. зарубежной филологии. – № 4(32), 2012. – С. 103–107.
4. *Sacks, H.A.* simplest systematics for the organization of turn taking for conversation / H. Sacks, E.A. Schegloff, G. Jefferson // *Language : Linguistic society of America* [Electronic resource]. – 1974. – Vol. 50, № 4. – С. 696–735. – Mode of access : <http://www.jstor.org/discover/10.2307/412243?uid=3737704&uid=2129&uid=2&uid=70&uid=4&sid=21102306390811>. – Date of access : 03.12.2010.
5. *Beattie, G.* Floor apportionment and gaze in conversational dyads / G. Beattie // *British J. Soc. & Clinical Psychology*. – 1978. – P. 7–15.
6. *Walker, M.B.* Smooth transitions in conversational turn-taking: implications for theory / M.B. Walker // *The Journal of Psychology*. – 1982. – № 110. – P. 31–37.
7. *Palmer, M.T.* Controlling conversation: turns, topics and interpersonal control / M.T. Palmer // *Communication monographs*. – Vol. 56. – 1986. – P. 2–18.
8. *Формановская, Н.И.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н.И. Формановская. – М. : Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1998. – 292 с.
9. *Аристов, С.А.* Ситуированная модель смены коммуникативных ролей / С.А. Аристов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.library.ru/help/docs/p473_5/Aristov.doc. – Дата доступа : 20.04.2011.

10. *Ellis, Y.* Laughing together: Laughter as a feature of affiliation in French conversation / Y. Ellis // *J. of French Lang. Studies.* – Iss. 02, Vol. 7. – September 1997. – P. 147–161.
11. *Лавриненко, И.Н.* Мена коммуникативных ролей в англоязычном конфликтном кинодискурсе / И.Н. Лавриненко // *Вестн. Харьков. нац. ун-та им. В.Н. Каразина.* – № 897. – С. 138–143.
12. *Coulthard, M.* An introduction to Discourse Analysis / M. Coulthard. – Harlow (Essex) : Longman, 1977. – P. 60–104.
13. *Yang Wei-dong.* Realizations of turn-taking in conversational interactions / Yang Wei-dong // *US-China Foreign Language.* – 2007. – Vol. 5, № 8. – P. 19–30.
14. *Шевцова, А.К.* Лексические и синтаксические средства создания естественности радиодискурса / А.К. Шевцова // *Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология.* – 2012. – № 4(59). – С. 35–42.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- D-1 – Anti-aging products : discussion // “All things green”, 12.10.2010 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.bbc.co.uk/programmes/b0079fyt>. – Date of access : 29.11.2010.
- D-2 – The complexities of having considerable personal wealth : discussion / “One to One”, 20.12.2011 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.bbc.co.uk/programmes/b018cbnz>. – Date of access : 25.12.2011.
- Д-1 – Стан і перспектывы развіцця Беларускага дзяржаўнага акадэмічнага тэатра // «З першых вуснаў» : дыскусійная праграма, 11.01.2012 [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://www.radiobelarus.tvr.by/bel>. – Дата доступу : 11.01.2012.
- Д-2 – Ветраныя млыны: тады і цяпер // «Карані» : дыскусійная праграма, 20.01.2013 [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://www.radiobelarus.tvr.by/bel>. – Дата доступу : 20.01.2013.
- D-3 – Michael Frayn: the question of Russian literature : discussion / “Hardtalk”, 09.04.2012 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.bbc.co.uk/programmes/p017g7jy>. – Date of access : 11.04.2012.
- Д-3 – Прафесія журналіста на сучасным радыё / «Беларусы ў свеце» : дыскусійная праграма, 28.12.2011 [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://www.radiobelarus.tvr.by/bel>. – Дата доступу : 10.01.2012.
- D-4 – Paul Conroy: lucky to be alive : discussion / “Hardtalk”, 16.04.2012 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.bbc.co.uk/programmes/p01297d1>. – Date of access : 17.04.2012.
- Д-4 – Прэзентацыя кнігі «Янка Купала ў Славакіі» / «На абсягах культуры» : дыскусійная праграма, 19.10.2012 [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://www.radiobelarus.tvr.by/bel>. – Дата доступу : 19.10.2012.

The article presents a comparative study of the organization of turn-taking by the communicants in Belorussian and British radio discussions. The general style of turn-taking in both languages is characterized as a combination of neutral, cooperative and confrontative traits.

Поступила в редакцию 07.05.13

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

М.П. Абраменкова

ПРЕМОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ
ГРАММАТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ НАРЕЧИЙ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье описывается своеобразие функционально-семантической категории обстоятельства образа действия, которое заключается прежде всего в том, что, составляя часть системы языка в целом (являясь одной из подсистем), эта категория охватывает своим планом выражения почти всю структуру языка и проходит через морфологический, преморфологический, синтаксический уровни.

Моделированность и синонимичность значений раздельнооформленных образований, относимых к преморфологическому уровню формообразования обстоятельства образа действия, со значениями цельнооформленных наречий на *-ment* сближает преморфологические формы со словообразовательными формами класса наречий образа действия, а их многочисленность требует выделения моделей преморфологических наречий и описания их структур, характерных свойств.

Исследования, в которых ставилась задача разграничения морфологии и синтаксиса, позволили увидеть чрезвычайную сложность этой проблемы и вызвали у структуралистов стремление освободиться от самого понятия слова, привели к попытке объединения морфологии и синтаксиса в общих понятиях морфосинтаксиса, постсинтаксиса или преморфологии. Так, в словаре «Ларусс» морфосинтаксис определяется как «*discipline qui regroupe l'étude des formes (morphologie) et celle des règles de combinaison des morphèmes (syntaxe), les considérant comme un tout indissociable*» [1], т.е. как описание форм (морфологии) и правил комбинирования морфем (синтаксиса), представляющего морфологию и синтаксис как неделимое целое.

Одновременно издается ряд работ, посвященных изучению данных вопросов, что свидетельствует об их важности. Интенсивные поиски, направленные на решение этих вопросов, способствовали появлению новой терминологии, отражающей концепции лингвистов, занимающихся поисками.

А. Мартине неоднократно возвращался к проблеме слова и выражал сомнения в возможности его формального определения. Он исследовал проблему слова главным образом на материале французского языка и предложил считать промежуточной единицей между монемой, наименьшей значащей единицей высказывания, и фразой не слово, а единицу, которую назвал *автономной синтагмой* [2, p. 111]. В определении Мартине, она охватывает и флективные единицы латинского и греческого языков, а также синтагмы, такие как *en voiture* 'на машине', *avec plaisir* 'с удовольствием', *avoir l'air* 'казаться'. Исследователь подчеркивает, что необходимо видеть различия между синтаксическими отношениями в подобных синтагмах,

сближающих их с морфологией и собственно синтаксисом, внешним по отношению к этим синтагмам. Таким образом, ставится вопрос о единицах особого типа, объединяющих черты морфологии и синтаксиса. Мартине назвал их *синтемами*. Синтемами могут быть слова производные и сложные (*impossible* ‘невозможно’ → *im* + *possible*, *autoroute* ‘автодорога’ → *auto* + *route*), сочетания слов (*petit four* ‘печенье’, *bas bleu* ‘синий чулок’). По своим признакам синтемы противопоставляются синтагмам, таким как *au coin de la rue* ‘на углу улицы’. Синтема определяется как отрезок речи, который синтаксически ведет себя как простая монема, но делимая на две или более значащих единицы, объединяемые в синтеме с различной степенью слитности семантической и формальной [3].

Почти одновременное появление ряда терминов, близких по значению к синтеме Мартине, свидетельствует о необходимости признания выделяемости такой единицы, которая может быть представлена как простым словом, так и соединением слов, функционально равным слову.

Реальную выделяемость таких единиц признает и Б. Потье. Опыт работы в машинном переводе привел его к заключению, что графическое слово нельзя считать основным элементом синтаксиса. Соединения слов, например *cheval-vapeur* ‘лошадиная сила’, *au fur et à mesure* ‘постепенно; по мере того, как’, *prendre la fuite* ‘сбегать’, образуют новую единицу, эквивалентную слову, которую Потье назвал *лексией* [4].

Как утверждает Р.Л. Вагнер, вопросы, касающиеся уровня периферийного по отношению к синтаксису, тесным образом соприкасаются с вопросами словосложения и словообразования [5]. Лингвист также указывает на постепенность градации в степени семантической слитности сложных единиц этого уровня.

Исследуя именное словосложение, Э. Бенвенист также касается этих вопросов. Словосложение охватывает широкий круг образований, различных по степени слитности, но тяготеющих к созданию единого знака. Для обозначения таких единиц, как, например, *clair de lune* ‘лунный свет’, *potte de terre* ‘картофель’, *robe de chambre* ‘халат’, которые нельзя назвать сложными словами в традиционном употреблении этого термина, Э. Бенвенист предложил термин *синапсия* [6] и описал признаки, ее характеризующие. От сложных слов с и н а п с и и отличаются своим аналитическим характером, лексемы в составе синапсии сохраняют свое значение.

Нельзя сказать, что поиски в области соприкосновения и взаимопроникновения подсистем языка ведутся впервые в современной лингвистике. Так, чешский лингвист Я. Шабршула систематизировал накопленный материал и теоретические предпосылки и создал работу, давшую толчок для последующих исследований советских ученых-лингвистов (Н.М. Шереметы, А.Н. Степановой и др.). Изучая главным образом глагольные перифразы во французском языке в их соотношении с глаголом, Я. Шабршула ищет объяснение широкой распространенности этих перифраз, часто синонимичных простым глаголам. Анализ грамматических значений перифраз, напри-

мер видовых, позволил ему определить их грамматическую функцию как периферийную по отношению к простым глаголам. Ученый показал также, что такой параллелизм между частью речи, представленной одним словом, и аналитической конструкцией имеет место среди других частей речи, имен существительных и наречий, и предложил назвать всю область, лежащую между синтаксисом и морфологией, – *преморфологией* (или *постсинтаксисом*) [7]. Этот термин, обобщающий обширный круг явлений, тяготеющих по своим признакам к явлениям морфологического уровня, кажется удачным.

Преморфология охватывает соединения слов, весьма разнообразные по составу и функции, с различной степенью слитности, которые относятся обычно к фразеологии или же к аналитическим формам частей речи. Эти соединения располагаются, как показали исследования последнего времени, на пересечении лексики и синтаксиса (О.И. Москальская, А.Н. Степанова, Л.Н. Горюнова) и находятся в парадигматических отношениях с частями речи, представленными одним словом, к которым они тяготеют по своей функции. Есть основания включить в преморфологию не только так называемые аналитические формы глагола и существительного, но и более широкий круг глагольных перифраз, временных, модальных, а также формы наречий образа действия.

Одной из самых объемных языковых категорий является функционально-семантическая категория обстоятельства образа действия, сложность которой заключается, прежде всего, в многочисленности и многообразии ее форм: *hâtivement* – *à la hâte* – *en (toute) hâte* – *avec hâte* – *sans hâte* – *dans la hâte* – *d'un mouvement hâtif* – *d'un pas pressé* и др.

Наряду со словоформами морфологического уровня (*hâtivement* ‘поспешно, торопливо’, *à la hâte* ‘наспех, второпях’, *en hâte* ‘срочно, поспешно’), в позиции обстоятельства образа действия функционируют наречные образования, занимающие промежуточное положение между словом и свободным сочетанием и представляющие как бы один из этапов развития наречий образа действия: *avec hâte* ‘с поспешностью, поспешно’, *sans hâte* ‘не спеша’, *à la douce* ‘тихо’, *à l'aveugle* ‘вслепую’, *à la garçon* ‘по-мальчишечьи’ и пр. Такие «промежуточные образования» могут именоваться преморфологическими формами обстоятельства образа действия, или, иначе, преморфологическими наречиями, постепенно пополняющимися морфологический уровень форм, т.е. словоформ класса наречий образа действия, фиксируемых в словаре как loc. adv.: *à la hâte* ‘наспех, второпях’, *à l'ancienne* ‘старомодно’, *à l'aveuglette* ‘вслепую, наугад’ и др.

Одна из моделей преморфологических наречий образа действия представлена образованием «*avec/sans N*»: *avec douceur* ‘нежно, с нежностью’, *avec tristesse* ‘грустно, с грустью’, *sans raison* ‘без причины, беспричинно’, *sans cesse* ‘без остановки, безостановочно’ и т.д.

Семантическая открытость модели «*avec/sans N*» ограничена именами существительными абстрактными. Формальными показателями функции обстоятельства образа действия являются предлоги *avec/sans* и отсутствие артикля перед существительными: *avec tendresse*, *avec violence*, *sans bruit*, *sans cesse*.

Форма «avec/sans N» обладает постоянным грамматическим значением образа действия, а регулярное наполнение модели соотносит ее с наречием на *-ment* (*avec douceur – doucement, avec tristesse – tristement, avec courage – courageusement, avec talent – talentueusement, sans cesse – incessamment*), в связи с чем некоторые лингвисты причисляют их к аналитическим наречиям морфологического уровня [8, с. 110; 9, р. 290], сравнивая с формами «грéр. (à) N»: *à peine – avec peine, à regret – avec regret, à plaisir – avec plaisir*.

Тем не менее формы преморфологических наречий отличаются от форм аналитических наречий тем, что они допускают минимальное распространение существительного, т.е. могут употребляться с неопределенными прилагательными, во множественном числе: *avec autant de précision* ‘с такой точностью’, *avec beaucoup de douceur* ‘с большой нежностью’, *sans aucune raison* ‘без всякой причины’, *avec les mêmes précautions* ‘с той же предосторожностью’ и пр. Вместе с тем при разрыве группы «avec N» все-таки сохраняется семантико-синтаксическая завершенность всей группы, что свидетельствует о постоянстве формы и ее грамматического значения, о потенциальной целостности этой модели: *...se mordant un doigt avec sur son visage encore irrité une expression d'étrange perplexité* [AM, р. 69]. Следует отметить, что подобных синтаксических разрывов не наблюдается в формах аналитических наречий.

Доказательством семантической целостности может послужить и способность предлога *avec* объединять несколько однородных именных компонентов: *...tu as pris tellement de risques pour moi, sans tout comprendre, rien que par loyauté et amitié...* [ML, р. 62]; *Il l'aimait avec une frénésie, une rage appliquées* [AM, р. 37].

Способность образований «avec N» распространяться подталкивает некоторых ученых относить их к области свободного синтаксиса [10, с. 106]. Мы же считаем, что образования «avec/sans N» правильнее называть «преморфологическими», находящимися между уровнем синтаксиса и морфологии, тяготеющими к последнему. Так, французский лингвист А. Фрей показывает путь постепенного перехода значения предлога *avec* в составе структуры «avec N» и являющегося показателем обстоятельства образа действия, к значению более абстрактного предлога *à*, обычно входящего в состав аналитических наречий: *vendre en ayant des pertes → avec des pertes → avec perte → à perte* (ср. *fermer avec une clef → à clef*) [11, р. 203]. Таким образом, происходит грамматизация, морфологизация предлога и структуры в целом, и, по сути, синтаксическое образование приближается по своим признакам к образованиям морфологическим.

Модель «sans N» функционирует как отрицательная форма структуры «avec N» (*avec courage – sans courage, avec intérêt – sans intérêt, avec regret – sans regret*), что очевидно, исходя из значения предлога: ‘*préposition qui exprime l'absence, le manque, la privation ou l'exclusion; dans des locutions – de valeur négative: sans cesse, sans exception*’ [LRi, р. 1705]. Единицы, образованные по данной модели, указывают на отрицательный признак. Они также,

как и единицы со структурой «avec N», соотносятся со словоформами морфологического уровня: *sans cesse – incéssamment, sans délibération – délibérément* и т.д. Однако такой же регулярностью корреляции, как «avec N» – «Adj.-ment», корреляция «sans N» – «Adj.-ment» не обладает, также как и «avec N» – «sans N». Конструкции «sans N» располагаются на уровне преморфологии, значительно приближаясь к уровню морфологии.

Другой моделью образования преморфологических наречий, максимально приближающихся к уровню морфологии, является модель «à la Adj.», например (partir) *à l'anglaise* ‘(уходить) по-английски’, (s’habiller) *à la parisienne* ‘(одеваться) по-парижски’, а некоторые уже зафиксированы в словаре и соотносимы с аналитическими наречиями, расположенными на морфологическом уровне языка: *à la légère* ‘легко, легкомысленно’, *à la longue* ‘в конце концов’, *à l'amiable* ‘полюбовно’ и т.д. Эти наречия образуются при совершении эллипса существительных *manière* (f), *façon* (f), *mode* (m): *à la manière amiable* → *à l'amiable*. Эллипс свидетельствует о тесном стяжении компонентов, которое приводит к их морфологизации. Морфологизация эллиптированной конструкции объясняется тем, что служебный компонент (à la) и знаменательный (Adj.) после выпадения *manière/façon* не становятся самостоятельными, так как нарушается синтаксическая основа всей структуры. Несамостоятельность оставшихся компонентов приводит к их определенной неподвижности, соотносимой с неподвижностью морфем.

Существительные *manière/façon* десемантизируются в составе конструкции «à la (manière/façon) Adj.», поскольку прилагательное, ставшее при них обязательным, несет основной смысл конструкции, что в итоге способствует полному выпадению десемантизированных существительных. Наряду с этим сохраняется артикль, отсылающий к выпавшему *manière/façon*, и вместе с предлогом, приняв необходимые синтаксические функции, это соединение превращается в показатель категориальной формы обстоятельства образа действия. Чтобы сохранить возможность вставки *manière/façon* в образование «à la Adj.», приходится оставлять эти наречия на уровне преморфологии: *à la manière anglaise* → *à l'anglaise*; *à la manière d'un garçon* → *à la garçon*.

Итак, структура «à la Adj.» соответствует способу образования преморфологического наречия: à la – грамматический формант, который находится в препозиции к прилагательному (Adj.), несущему основную семантическую нагрузку. Вся конструкция целиком обладает общим категориальным значением ‘образ, способ действия’.

Следует отметить открытость образований «à la Adj.» (*à la/douce/ancienne/légère/anglaise/parisienne*), корреляцию с формами на *-ment*, а также тот факт, что все больше единиц (*à la douce, à l'ancienne*, и др.) фиксируются словарем как loc. adv., что свидетельствует о преморфологическом словообразовании как важном способе пополнения класса качественно-количественных наречных лексем.

Соединение предлога с артиклем *à la* во французском языке превратилось в показатель категориальной формы обстоятельства образа действия, и число образований с его участием весьма велико. Однако помимо образований «*à la Adj.*» существует множество образований «*à la N*»: *à la garçon* ‘по-мальчишечьи’, *à la Louis XIV* ‘в стиле Людовика XIV’, *à la Piaf* ‘в стиле Эдит Пиаф’, *à la fois* ‘сразу, одним махом’, *à la mode* ‘модно’, *à l’aise* ‘удобно, всласть’ и пр.

Представляется важным отметить неравнозначность образований типа *à la Piaf* и *à la fois*. Синтаксическая морфема *à la*, вступившая в системные отношения с суффиксом *-ment*, приобрела значение подобия действия. Это значение прослеживается в образованиях «*à la Adj.*» (*à la russe*, *à la française*, *à la muette*), также как и «*à la N*» (*à la Bardot*, *à la Piaf*, *à la princesse*), в то время как *à la folie* ‘безумно’, *à l’unisson* ‘в унисон’, *à la perfection* ‘совершенно’ значения сравнения, подобия не имеют.

Тем не менее такие образования, структурно оформленные как преморфологическое наречие, с *à la* в качестве грамматической составляющей, являются также средством выражения обстоятельства образа действия и пополнения класса наречий.

Наряду с преморфологической формой обстоятельства образа действия «*à la N*» весьма активно в современном французском языке происходит образование категориальной формы по модели «*en N*» с постоянным грамматическим значением сравнения. Структура «*en N*» выражает характеристику подобия, морального состояния или внешнего поведения, подразумевая при этом сравнение внутренних качеств. Она отличается семантической открытостью, которая проявляется в использовании даже неодушевленных существительных в качестве знаменательного компонента (*une trombe* ‘смерч, вихрь’), регулярностью образования:

Mieux vaut y aller en touriste ‘как турист, в облике туриста’ [ML, p. 72]; *Et il quitta les lieux en trombe* ‘как вихрь, вихрем’ [ML, p. 82].

Преморфологические формы, таким образом, выполняют во французском языке важную функцию: вступая в различные отношения с морфологическими словоизменительными и словообразовательными парадигмами, они восполняют относительную бедность суффиксальных образований грамматических и лексических единиц (в частности, характерную для наречного словообразования). В связи с этим оформляется класс «синтаксических морфем» – вспомогательных слов синтаксического уровня, для преморфологических наречий это *avec*, *sans*, *en*, *à la (manière/façon)*; структура же соответствует способу образования преморфологического наречия: *Mg* – грамматическая составляющая и *Ms* – лексическая составляющая, несущая основную семантическую нагрузку.

Будучи явлением периферийным по отношению к синтаксису, преморфологическая форма сохраняет некоторые свойства синтаксических единиц, получая одновременно отдельные характеристики единиц морфологии (смысловую цельность и стабильность номинативного или грамматического значений, взаимозаменяемость с цельюоформленными единицами).

Вместе с тем на любом синхронном срезе возможно фиксировать различные по степени спаянности компонентов образования: результативные, переходные или только еще зарождающиеся явления, что свидетельствует об активности синтаксических процессов в эволюции языка, а также создает возможность их изучения.

Преморфологическое формообразование оказывается тем общим звеном, которое объединяет член предложения с частью речи, синтаксис с морфологией и лексикой. Однако именно вследствие периферийного характера и медленных, но не прекращающихся процессов, формирующих область преморфологии, невозможно точно определить ее границы.

Тем не менее преморфологические, или «межуровневые» единицы, функционируя на периферии различных подсистем языка, осуществляют внутреннюю динамичность и обеспечивают непрерывность обновления и развития системы языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Le Larousse [Source électronique]. – L'accès : <http://www.larousse.fr/>. – Date de l'accès : 25.04.2013.
2. *Martinet, A.* Langue et fonction. Une théorie fonctionnelle du langage / A. Martinet. – Paris : Denoel Médiations Gontier, 1970. – 196 p.
3. *Martinet, A.* Syntagme et synthème / A. Martinet // *La Linguistique*. – 1967. – Vol. 3, № 2. – P. 1–14.
4. *Pottier, B.* Introduction à l'étude des structures grammaticales fondamentales / B. Pottier. – Nancy : Fac. des Lettres et Sciences humaines de Nancy, 1969. – 237 p.
5. *Wagner, R.L.* Réflexions à propos des mots construits en français / R.L. Wagner // *Bull. de la Soc. de linguistique de Paris*. – Paris : 1968. – T. 63, № 1. – P. 65–82.
6. *Benveniste, E.* Formes nouvelles de la composition nominale. Composition et synapsie / E. Benveniste // *Bull. de la Soc. de linguistique de Paris*. – Paris : 1968. – T. 61, № 1. – P. 82–95.
7. *Šabršula, J.* La périphérie de la morphologie / J. Šabršula // *Rev. de linguistique*. – Bucaresti : Ed. De L'Acad. De la Rép. Populaire roumaine. – 1969. – T. 14, № 2. – P. 183–192.
8. *Пицкова, Л.П.* Морфология французского языка : учеб. пособие / Л.П. Пицкова. – М. : Высш. шк., 2009. – 167 с.
9. *Nyrop, Kr.* Grammaire historique de la langue française / Kr. Nyrop. – Copenhagen : Impr. Nielsen & Lydicke, 1908. – T. 3. – 459 p.
10. *Гринева, Е.Ф.* Образование наречий из существительных с предлогом в современном французском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Е.Ф. Гринева. – М., 1954. – 184 л.
11. *Frei, H.* La grammaire des fautes / H. Frei. – Réimpr. de l'éd. – Geneve; Paris : Slatkine Reprints, 1993. – 318 p.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

LRi – *Le Robert illustré*. – Paris : Larousse, 2012. – 2097 p.

AM – *Moravia, A. L'amour conjugal* / A. Moravia. – Paris : Gallimard, 1972. – 192 p.

ML – *Lévy, M. Et si c'était vrai...* / M. Lévy. – Paris : Ed. Robert Laffont, 2000. – 92 p.

The domain of premorphology is really huge and its boundary lines are really vague. So the aim of this article is to define regular patterns of formation of premorphological adverbs of manner in french, to describe their peculiarities, to distinguish premorphological adverbs from morphological analytic adverbs.

Поступила в редакцию 31.05.13

Т.К. Кохнович

ВОПРОСНО-ОТВЕТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ПРОТИВОРЕЧАЩИМИ ИНТЕНЦИЯМИ (на материале современного немецкого языка)

В статье анализируются вопросно-ответные высказывания, в которых реплика-ответ не соответствует интенции спрашивающего. Описываются различные комбинации синтаксических структур вопросно-ответных реплик, а также причины появления интенционального противоречия.

Утвердившийся в последние годы в лингвистике коммуникативно-прагматический подход позволяет характеризовать процесс диалогического общения как акт взаимодействия партнеров по коммуникации. Вследствие такого осмысления диалога оба партнера по общению рассматриваются в качестве равноправных, активно взаимодействующих субъектов. Акт общения только тогда имеет смысл, когда партнеры, с одной стороны, имеют возможность высказать свою точку зрения по поводу определенного факта или объекта действительности, с другой – получить мгновенную оценку выбранной ими тактики ведения диалога со стороны реципиента.

Особенности изучения диалогической речи продолжают оставаться одной из проблем коммуникативной лингвистики. Диалог – наиболее яркий и естественный случай коммуникации, так как подлинное свое существование язык обнаруживает лишь в диалоге. Диалог является полноценной подсистемой коммуникации, своеобразно представляющей коммуникативные деятельности адресанта и адресата, и содержит такую совокупность языковых средств и экстралингвистических факторов, которые выбраны и скомбинированы для успешного достижения задач коммуникации.

Диалог, по утверждению Л.М. Михайлова, характеризуется следующими признаками: обязательным присутствием в коммуникативной ситуации не менее двух коммуникантов, первичностью устной формы производства речи, реплицированием речи, возникающей в результате чередования реплик коммуникантов. Диалогу свойственна быстрая смена реплик собеседников, краткость, синтаксически зависимый характер и своеобразный состав предложений [1, с. 226].

Говорящий на основе своей интенции задает коммуникативную программу, которая решается в диалоге обоими собеседниками. При этом важную роль играют коммуникативная ситуация, место, время, а также отношения между коммуникантами. В качестве объекта описания диалогической речи обычно выступает диалогическое единство – коммуникативная единица этого вида речи. Экспрессия диалогического единства состоит в воздействующей силе как реплики-стимула, так и реплики-реакции. О.А. Кострова отмечает, что усиление воздействующей силы реплики-стимула достигается с помощью интенсивных номинаций, конструкций эксплицитной модальности, употреблением различных повторов. В ответных репликах, по мнению исследователя, выражается позиция говорящего, влияющая на ход диалога. Она проявляется в эмфатических подтверждениях и отрицаниях, эмоционально-оценочных повторах и уклончивых ответах [2, с. 203].

Вопросно-ответная форма диалога в различных языках всегда привлекала внимание отечественных и зарубежных лингвистов. При этом отмечалось, что структура ответной реплики легче поддается типологизации [Там же, с. 205].

Так, А.А. Леонова-Елисеева различает среди ответных реплик три основные группы [3, с. 15]. К *первой* группе относятся эмоциональные реакции в виде междометий, вопросов, вызванных предшествующей информацией, а также оценка предшествующего высказывания в виде замечания общего характера или совета собеседнику. Ко *второй* группе Леонова-Елисеева причисляет уточняющие эмоционально-оценочные и пояснительные перифразы. *Третью* группу составляют неавтономные реплики: подтверждение, отрицание, уклончивые вопросы, встречные вопросы.

Внимание лингвистов, изучающих язык в прагматическом аспекте, сосредоточено чаще на исследовании успешно протекающей коммуникации. Основополагающими принципами успешного общения признаются максимы П. Грайса, поэтому в большинстве типологий вопросных и ответных реплик имеет место стандартное сочетание интенций адресанта и адресата: отвечающий подтверждает, опровергает или разъясняет представление ситуации, которое дано спрашивающим в вопросе, т.е. имеет место интенциональное сотрудничество. Принцип коммуникативного сотрудничества реализуется в двух более частных принципах: *взаимодействия* и *воздействия* [1, с. 202]. Принцип *в з а и м о д е й с т в и я*, как указывалось

выше, предполагает активное участие обоих собеседников в структурировании речи. Способы реализации принципа воздействия весьма разнообразны. Так, известно, что вопрос имеет своей целью получение информации, однако эта цель не всегда является достигнутой. Вопрос часто побуждает не только к ответной реакции, но и провоцирует эмоциональную реплику:

Hat Ihnen dieser Film gefallen? – Dieser Film und gefallen? Wo denkst du hin?

Представляется, что недоразумения, вызванные отказом от формализованного общения, – составляющие естественного речевого взаимодействия. Иллокутивная цель речевого акта не всегда может быть достигнута, т.е. речевой акт может не привести к желаемому перлокутивному эффекту. Именно в этом случае возникают коммуникативные неудачи, которые довольно часто наблюдаются в диалоге. А принципы кооперации и вежливости П. Грайса могут привести к ритуализованному диалогу, что провоцирует сбой в общении. Общепринятым является определение коммуникативных неудач, предлагаемое О.П. Ермаковой и Е.А. Земской, согласно которому коммуникативные неудачи – это полное или частичное непонимание высказывания партнером по коммуникации, т.е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего, а также возникающий в процессе общения нежелательный эмоциональный эффект: обида, раздражение, изумление [4, с. 31].

Е.А. Теплякова отмечает, что коммуникативные неудачи могут быть *запланированными* (нарочитое провоцирование возникновения коммуникативных неудач со стороны одного из коммуникантов) или *незапланированными*, которые возникают непреднамеренно под влиянием каких-либо неязыковых факторов [5, с. 18].

Возросший интерес к прагматическим аспектам неудачного общения обусловил множество терминологических сочетаний, обозначающих различные проявления коммуникативной неуспешности/неэффективности: коммуникативная неудача, коммуникативный сбой, коммуникативная ошибка, коммуникативный конфликт. В основе понятий лежат различные критерии, ориентированные на результат коммуникации.

В настоящей работе рассматривается один из видов коммуникативных неудач, который мы определяем как вопросно-ответные единства с противоречащими интенциями, так как реплика-ответ не соответствует реплике-стимулу. К таковым случаям В.С. Пугач относит некорректность вопроса в реплике-стимуле, невозможность ответа, неправильную адресацию вопроса и т.д. [6, с. 8]. Адресат или не использует представление ситуации, данное в вопросе, либо использует его так, чтобы нельзя было извлечь сведения, необходимые адресанту, например отвечая вопросом на вопрос. Причиной этого могут быть вопросы, которые заставляют коммуникативного партнера занимать оборонительную позицию. У. Ленерт называет такие вопросы стратегическими, поскольку они навязывают говорящему определенную линию поведения [7, с. 261].

Иницилирующими репликами в вопросно-ответных высказываниях являются, как правило, местоименные или неместоименные вопросы. Так, вопросно-ответные высказывания, образованные сочетанием местоименного вопроса и повествования, могут быть представлены следующим образом:

Welche Farbe ist jetzt modern? – Ich rate Ihnen schwarz [Mgr, S. 37].

Seit wann läufst du Ski? – Jemand hat mir das beigebracht [R, S. 79].

Хотя данные реплики-реакции выражают определенные ответы на вопросы, они не полностью релевантны по отношению к интенции вопросов.

Тактика уклончивого ответа имеет место при ответе побудительным высказыванием на местоименный вопрос:

Was ist mit dir? – Beruhige dich, alles wird besser werden! [R, S. 48];

Wer kann das sein? – Lass uns still sein und warte! [R, S. 93].

Побудительные высказывания делают ситуацию мягче, снимают напряжение в отношениях коммуникантов. Нестандартные диалогические образования могут сочетать в себе два местоименных вопроса, содержащих при этом реплику-реакцию *Warum*, предваряющую рассуждение общего характера:

Wozu wollen Sie das wissen? – Warum ist hier jeder so misstrauisch? [R, S. 206].

Анализируемый материал показывает, что обе реплики вопросно-ответных высказываний являются в большинстве случаев эмоционально окрашенными:

Was willst du denn hier? – Und du? (удивление – недоумение) [Ksb, S. 120].

Wer sind Sie eigentlich? – Warum fragen Sie? (раздражение – недовольство) [Mgr, S. 110];

Wohnt dieser Marius auch da? – Na und? Was ist schon dabei? (любопытство – раздражение) [Kr, S. 19].

У реагирующего собеседника свое видение ситуации, оно мотивируется иницилирующей репликой первого вопроса, и истинный смысл высказывания может быть определен только из контекста. Можно говорить об *открытом* и *скрытом* уклонении от ответа. Отличие между ними состоит в том, что в случае открытого уклонения от ответа слушатель сигнализирует своему собеседнику о нежелании сотрудничать, во втором случае уходит от ответа скрытым образом:

Was willst du denn in Italien machen? – Warum fragst du immer? [Ksb, S. 39].

Hast du was zu verbergen? – Gibt es heute noch jemand, der nicht zu verbergen hat? [R, S. 202].

Косвенность служит, по нашему мнению, смягчению оппозитивной интенции в ответной реплике, например, на местоименный вопрос при рассуждении общего характера, как показывает приведенный выше пример. Реплика-реакция на местоименный вопрос может быть резким тематическим переключением, что создает сильную экспрессию:

Was war dein schönster Tag? – Wo sind die Eltern? [Mgr, S. 48].

Встречный вопрос является иногда тактикой убеждения собеседника в чем-либо:

Hast du auch einen Sturzhelm für mich? – Was soll uns in den paar Minuten passieren? [Sm1, S. 9].

Значительное число нестандартных вопросно-ответных высказываний представлено сочетанием общих вопросов и повествований:

Kommst du? – Ich habe morgen eine Sitzung [Mgr, S. 64].

Bist du verheiratet? – Meine Frau lebt in Berlin [Ksb, S. 37].

Подобные ответные реплики можно характеризовать как опережающие ответы. Превышая запрашиваемый ответный минимум *ja – nein*, реагирующие реплики диалога содержат дополнительную информацию и выполняют две функции: они подтверждают/отрицают акт коммуникации и становятся ремой всего вопросно-ответного образования – ответ может быть выведен из реплики-реакции. Эти вопросно-ответные высказывания встречаются, на наш взгляд, нередко, поскольку они соответствуют тенденции разговорной речи и экономии речевых средств.

В некоторых случаях собеседник уходит от прямого ответа, заменяя его высказыванием собственного мнения относительно содержания вопроса:

Glaubst du, dass sie dir aus London etwas mitbringt? – Ich erwarte keine Geschenke [Mgr, S. 104].

В реплике-реакции на неместоименный вопрос может содержаться также выражение негативного отношения к предмету обсуждения (например, надевать не джинсы, а костюм на дружескую вечеринку):

Soll ich den Anzug anziehen? – Das ist doch übertrieben! [Kr, S. 17].

В анализируемом материале представлено значительное число вопросно-ответных высказываний в следующем сочетании синтаксических структур: неместоименный вопрос-стимул и местоименный вопрос-реплика. С учетом контекстов мы определили данные высказывания как сочетание стратегического вопроса и стратегического ответа:

Musst du schon wieder diese schrecklichen Lieder pfeifen? – Warum soll ich das nicht tun? [Sm1, S. 54].

По мнению У. Ленерта, подобные стратегические вопросы-реплики, т.е. вопросы с неодобрительной оценкой, передают некоторую информацию и имеют целью заставить собеседника занять оборонительную позицию [7, S. 261]. Стратегический ответ на стратегический вопрос – это ответ, назначение которого признать стратегию, выраженную в вопросе, отреагировать на нее более сильной. Так, в приведенном выше примере вряд ли можно интерпретировать вопрос как запрос о некоторой информации, в действительности – это выражение неодобрения. Ответная реплика – это еще один псевдовопрос, который может означать, что говорящий не имеет над ним никакой власти.

Встречные вопросы могут выступать в упреждающей функции. Задавая вопрос, говорящий прогнозирует следующее действие речевого партнера, предугадывает его. Тем самым усиливается экспрессивность интеррогативной реплики:

Hast du den Teller noch? – Willst du ihn wieder haben? [Mgr, S. 124].

Ответы на неместоименные вопросы могут иметь широкий диапазон репликовых шагов с различной иллокутивной направленностью. Они демонстрируют в некоторых случаях нерешительность собеседника, иногда указывают на его готовность выполнить действие при определенных условиях:

Bist du beleidigt? – Nun... [Mgr, S. 84];

Bist du bereit zur Heldentat? – Ich... m... wenn ich... [Mgr, S. 20].

В некоторых случаях собеседник хочет выиграть время для обдумывания вопроса и использует в реплике-реакции переспрос, являющийся тактической реакцией на предыдущий вопрос:

Und was machst du mit den Birnen? – Was ich damit mache? [Ksb, S. 41].

К обычным формулам ухода или отклонения от ответа можно отнести следующие реплики-реакции, отмеченные в данной работе.

Ich weiß nicht. Das kann ich nicht wissen. Woher soll ich das wissen?

Эти ответы-реакции не связаны со структурой вопроса-стимула. Наш практический материал подтвердил наличие коммуникативно-прагматических аспектов встречного вопроса. Наиболее частыми случаями таких аспектов являются:

1. Собеседник уходит от прямого вопроса: *Weißt du, dass er nach Paris fahren will? – Hat er mit dir darüber gesprochen?* [Mgr, S. 148].

2. Встречный вопрос свидетельствует о прекращении разговора: *Glaubst du, dass er auf Mallorca glücklich ist? – Woher soll ich das wissen?* [Mgr, S. 200].

3. Встречные вопросы выражают нарастание напряженности между собеседниками: *Warum hast du mich nicht gefragt, mitzugehen? – Mitzugehen? Weg von hier? Von deiner Familie? Von allem, was du liebtest?* [R, S. 73].

Встречные вопросы используются собеседником, когда он парирует вопрос-стимул, избегая прямого ответа или переходит сразу к доводам своего мнения. Иногда данные вопросы звучат с долей иронии, иногда адресат не в состоянии дать ответ. Ему требуется дополнительная информация о том, что интересует собеседника. Иногда демонстрируется невозможность того аргумента, который высказан в вопросе.

Наше исследование показало, что связь вопроса с ответом может быть весьма отдаленной. В живом диалогическом общении постоянно возникают ситуации, квалифицируемые как интенциональное противоречие и воспринимаемые как некоторое нарушение обычного обмена информацией. Однако описанные вопросно-ответные высказывания отражают активную роль коммуникантов и реальную ситуацию общения.

Представляется необходимым отметить, что важную роль при характеристике данных высказываний имеет интонация, ибо выражение и восприятие интенционального смысла происходит во взаимосвязи лексико-грамматической и просодической реализации высказывания. Интонация

является одним из факторов, определяющих для слушающего сферу возможных интерпретаций смысла высказывания, а для говорящего – выбор средств выражения интенционального смысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлов, Л.М. Немецкий язык. Грамматика устной и письменной речи / Л.М. Михайлов. – М. : Астрель: АСТ, 2003. – 348 с.
2. Кострова, О.А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка : учеб. пособие / О.А. Кострова. – М. : Флинта, 2004. – 239 с.
3. Леонова-Елисеева, Л.А. Рекуррентные предложения в современном английском литературном диалоге : автореф. ... канд. филол. наук / Л.А. Леонова-Елисеева. – Калинин, 1969. – 24 с.
4. Ермакова, О.П. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) / О.П. Ермакова, Е.А. Земская // Русский язык в его функционировании: прагматический аспект. – М. : Наука, 1993. – С. 30–64.
5. Теплякова, Е.К. Коммуникативные неудачи при реализации речевых актов побуждения в диалогическом дискурсе : автореф. ... канд. филол. наук / Е.К. Теплякова. – Тамбов, 1998. – 23 с.
6. Пугач, В.С. Уклонение от прямого ответа на вопрос как тип речевого реагирования : автореф. ... канд. филол. наук / В.С. Пугач. – Белгород, 2002. – 23 с.
7. Ленерт, У. Проблемы вопросно-ответного диалога / У. Ленерт // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. – М. : Прогресс, 1998. – Вып. 23. – С. 258–280.
8. Зарецкая, Е.В. Вопросно-вопросные диалогические единства в речевой коммуникации / Е.В. Зарецкая // Стратегия коммуникативного поведения : материалы докл. Междунар. науч. конф. : в 3 ч. – Минск : МГЛУ, 2001. – Ч. 2. – С. 31–35.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- Mgr – Mager, H. *Freitags zwischen drei und sechs* / H. Mager. – Berlin : Verl. Neues Leben, 1964. – 327 S.
- R – *Remarque, E.-M. Die Nacht von Lissabon* / E.-M. Remarque. – Berlin; Weimar : Aufbauverl, 1976. – 304 S.
- Ksb – *Kusenber, K. Lesebuch für die 7. Klasse* / K. Kusenberg. – Darmstadt : Winklers, 1982. – 336 S.
- Kr – *Kehr, Chr. Deutsch 2 für Ausländer* / Chr. Kehr, M. Meyerhoff. – Hamburg : Rowohlt, 1991. – 326 S.
- Sm1 – *Schumacher, S. Kurzhörspiele 1. Szenen zum Nachspielen und Diskutieren* / S. Schumacher. – Bonn : Internationes, 1999. – 63 S.

This article analyses question-answer utterances in which the reply/answer does not correspond to the intention of the person who is asking.

The article describes various combinations of syntactic structures of question-answer utterances as well as the reasons for intentional contradictions.

Поступила в редакцию 22.04.13

А.Е. Крючкова

ТИПЫ ЗНАЧЕНИЯ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО КАК ИНДИВИДУАЛИЗИРУЮЩЕГО ЗНАКА

(на материале исторических, литературных, мифологических
и библейских имен во французском языке)

В статье выявлены компоненты денотативно-сигнификативной структуры имен исторических личностей, известных литературных, мифологических и библейских персонажей и определен тип их значения на основе ведущей составляющей (*когнитивной* или *прагматической*). В ходе анализа установлены: нерелевантность прагматической составляющей для исторических имен, образная сущность литературных, а также многоаспектность проявления значений денотативного компонента мифологических и библейских имен, предопределяющая развитие их сигнификативного компонента.

Двойственная природа словесного знака проявляется, с одной стороны, в отражении механизмов обобщения как ступеней абстрагированного *познания* окружающего мира, с другой – в формировании мысли и субъективного отношения говорящего/слушающего к означаемому факту [1, с. 202]. Данное положение соответствует типологии значений, предложенной М.В. Никитиным, который выделяет в семантике слова *когнитивное* (объективное знание об окружающем мире) и *прагматическое* (субъективное знание окружающего мира) значения [2, с. 19]. В зависимости от ведущего значения лингвист делит слова на два семантических типа: слова с преобладающим когнитивным компонентом и слова, в которых доминирует прагматический [Там же, с. 58]. Онтологически исходным значением любого имени остается когнитивный компонент.

В этом аспекте значение имени нарицательного как результат высшей ступени познавательного процесса отражает *общее* понятие о классе объектов, что позволяет избежать «бесчисленности» наименований, потенциально возможных в каждом отдельном случае. Имена нарицательные – это номинативные знаки с обобщающим/лексическим значением: они обобщают, обозначают, сообщают [1, с. 202–203].

В отличие от нарицательных, *имена собственные* не отражают понятие и не обозначают класс: «le nom propre n'a aucun pouvoir généralisant» [3, p. 315]. Имя *собственное* лица выделяет конкретного человека из класса ему подобных: «En associant à un particulier une image acoustique qui lui sera «propre», on pourra le séparer et le désigner parmi ses semblables sans avoir à définir chaque fois les propriétés spécifiques qui le distinguent des autres membres de la catégorie» [4, p. 16]. Поэтому связь актуального имени собственного с виртуальным настолько тесная («la soudure est si étroite»), что они формируют единое целое («qu'ils forment un même bloc») [5, p. 289]. С этих позиций форма имени собственного, как утверждает А.А. Уфимцева, «непосред-

ственно соотносится с денотатом, минуя понятие, а через денотат и с обозначаемым лицом» [1, с. 158–159]. Иначе говоря, имя собственное «ограничивается одной лишь функцией обозначения», что и позволяет опознавать называемое им лицо «без указания на качественную, содержательную характеристику данного индивидуума» [Там же, с. 157].

Таким образом, «характеризующий» знак, т.е. нарицательное имя, «через денотат (типизированное представление о предмете как целом) – называет понятие, “включая” в название сумму признаков, отличительных от другого класса и общих для предметов, подпадающих под данное понятие». Имя же собственное представляет собой *индивидуализирующий знак*. Его значение формируется через *индивидуализирующий* (в отличие от обобщающего) процесс первичной ступени объективного познания (когнитивный компонент), в чем и усматривается специфика этого знака по отношению к имени нарицательному.

Анализ 50 исторических имен знаменитых личностей Франции, отобранных из энциклопедического словаря «Le Petit Larousse», позволил выделить и систематизировать их значение. Общим для всех исторических имен является когнитивный компонент, семантику которого формируют *пучки дескрипций* о закономерных и непрерывных изменениях во времени сведений о носителе имени – его *причинной цепочки*, или *цепочки событий, соотносящихся с референтом*. Каждый пучок дескрипций формирует отдельное *временное (или постоянное) проявление лица*. Фиксация *временного проявления лица* как потенциально меняющейся во времени социальной роли личности сопровождается переходом обиходного (*знакомый*) имени в актуальное (*известный*). Постоянное проявление лица закрепляется за именем личности при получении или наследовании ею титула.

Самое значимое в обществе проявление лица становится *узловым компонентом* исторического имени. При этом, в зависимости от активности личности в социуме, когнитивная составляющая его имени включает один или несколько узловых компонентов.

Например, в дефиниции *Abellio, Georges Soulès, dit Raymond (Toulouse 1907 – Nice 1986)* ‘Абеллио, Жорж Сулес, известный под именем *Раймон* (Тулуза 1907 – Ницца 1986)’ выделяются дескрипции: *il est dégrisé dès 1942 et prend contact avec la Résistance. Après la guerre, il renonce à la politique et, «initié» par Pierre de Combas, se lance dans une réflexion ésotérique ‘с 1942 года, будучи отстраненным от управления национальным революционным фронтом, он входит в контакт с движением Сопротивления. После войны Жорж Сулес Абеллио прекращает политическую деятельность и, следуя за Пьером де Комба, обращается к философии эзотеризма’*. Эти дескрипции дифференцируют два узловых компонента, открывающие дефиницию имени *Abellio, Georges Soulès – écrivain et homme politique français* ‘писатель и политический деятель Франции’.

Субъективных сведений о знаменитых референтах в денотативно-сигнификативной структуре их имен не обнаружено: значение исторических имен следует квалифицировать как *когнитивно-индивидуализирующее* (рис.1):

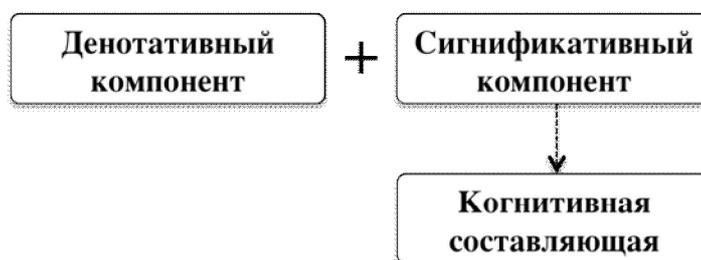

Рис. 1. Денотативно-сигнификативная структура когнитивно-индивидуализирующего значения исторического имени

Когнитивная составляющая литературного имени теряет свое доминирующее положение, оказываясь значимой лишь для уточнения происхождения персонажа или просто названия прецедентного источника (текста): *Don Juan – (personnage) d’origine espagnole* ‘Дон Жуан – (персонаж) испанского происхождения’ [6, p. 1293]; *Madame Bovary – (personnage) du roman de G. Flaubert «Madame Bovary»* ‘Госпожа Бовари – (персонаж) из романа Г. Флобера «Госпожа Бовари»’ [6, p. 1504]; *Harpagon – (personnage) de l’Avare de Molière* ‘Гарпагон – (персонаж) из комедии «Скупой» Мольера’ [6, p. 1397]; *Gavroche – (personnage) des Misérables de V. Hugo* ‘Гаврош – (персонаж) из романа В. Гюго «Отверженные»’ [6, p. 1361]; *Quasimodo – (personnage) de Notre-Dame de Paris de Victor Hugo* ‘Квазимодо – (персонаж) из романа Виктора Гюго «Собор Парижской богородицы»’ [6, p. 1633]; *Tartuffe – comédie de Molière en cinq actes et en vers* ‘«Тартюф» – комедия в стихах в пяти действиях’ [6, p. 1727].

Прагматическая же составляющая создается авторским индивидуальным образом, который как узловой определяет значение литературного имени: *Don Juan – séducteur impie et cruel* ‘Дон Жуан – нечестивец и жестокий соблазнитель’; *Madame Bovary – femme romanesque et sentimentale* ‘Госпожа Бовари – романтическая и сентиментальная женщина’; *Harpagon – avare* ‘Гарпагон – скупой’; *Gavroche – gamin de Paris, railleur* ‘Гаврош – парижский мальчишка, насмешник’; *Quasimodo – le sonneur de cloches, dont l’extrême difformité et l’apparente méchanceté cachent la plus sublime délicatesse de sentiment* ‘Квазимодо – звонарь, за внешним крайне уродливым видом и злостью которого скрываются самые возвышенные и нежные чувства’; *Tartuffe – faux dévot, démasqué, hypocrite* ‘Тартюф – лживый набожник, разоблаченный, лицемер’.

Как видим, сигнификативный компонент литературных имен формируется онтологически исходной когнитивной составляющей и индивидуализи-

зирующей прагматической как образной (субъективно-авторской). С этих позиций тип значения литературных имен определяется как *образно-индивидуализирующий* (рис. 2):

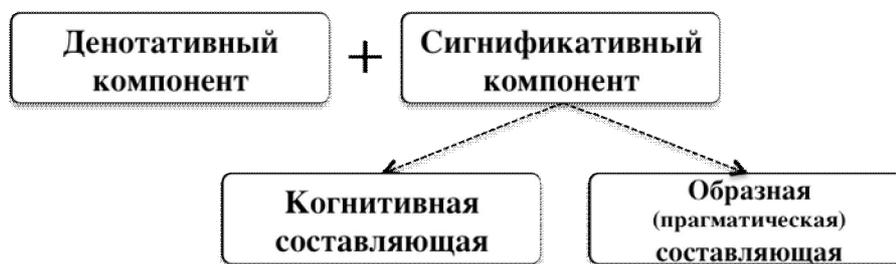

Рис. 2. Денотативно-сигнификативная структура образно-индивидуализирующего значения литературного имени

Анализ 100 мифологических имен, отобранных из энциклопедического словаря «Le Petit Larousse» методом случайной выборки (не более 10 имен римской или греческой мифологии на каждую букву алфавита), выявил четыре допустимых значения денотативного компонента *personnage mythique* ‘мифический персонаж’:

1) *être immatériel – dieu/déesse* ‘существо нематериальное – бог/богиня’: *Adonis* ‘Адонис’, *Bacchus* ‘Бахус’, *Dionysos* ‘Дионис’, *Héra* ‘Гера’, *Vénus* ‘Венера’, *Zeus* ‘Зевс’ и др.;

2) *être supérieur à l’homme* ‘существо, превосходящее человека’: *Atlas* ‘Атлас’, *Hercule* ‘Геркулес’, *Médée* ‘Медея’ и др.;

3) *être d’espèce humaine* ‘существо, подобное человеку’: *Achille* ‘Ахилл’, *Dédale* ‘Дедал’, *Mentor* ‘Ментор’, *Phèdre* ‘Федра’, *Sisyphé* ‘Сизиф’ и др.;

4) *être fantastique* ‘фантастическое существо’: *Argus* ‘Аргус’, *Gorgones* ‘Горгоны’, *Méduse* ‘Медуза’ и др.

Денотативный компонент мифологического имени предопределяет развитие его сигнификативного компонента:

А. Когнитивная составляющая имени первой группы основана на дескрипции проявления божества в сфере вселенной или категории чувств: *Hadès – Pluton – (dieu) des enfers*; ‘*Аид – Плутон – (бог) подземного царства*’; *Apollon – Phébus – (dieu) de la lumière, de la musique et de la poésie, il est le plus beau des dieux* ‘*Аполлон – Феб – (бог) света, музыки и поэзии, самый красивый из богов*’; *Athéna – Minerve – (déesse) de l’intelligence et de la sagesse* ‘*Афина – Минерва – (богиня) ума и мудрости*’; *Poséidon – Neptune – (dieu) de la mer* ‘*Посейдон – Нептун – (бог) морей*’; *Aphrodite – Vénus – (déesse) de l’amour, du mariage et de la fécondité* ‘*Афродита – Венера – (богиня) любви, семьи и изобилия*’; *Arès – Mars – (dieu) de la guerre* ‘*Арес – Марс – (бог) войны*’ и др. В отдельных дефинициях указывается на происхождение божества: *Zeus – fils de Cronos et de Rhéa* ‘*Зевс – сын Крона и Реи*’ [6, с. 1794] или *Aphrodite – déesse grecque de la Beauté et de l’Amour, née dans un tourbillon marin* ‘*Афродита – греческая богиня красоты и любви, рожденная из*

морской пены' [6, с. 1139]. Прагматическая составляющая выявляется в денотативном компоненте *бог/богиня*, семантика которого включает субъективный признак 'adoré' 'почитаемый' (*adorer – rendre un culte à une divinité* [7, p. 18] 'почи-тать – поклоняться божеству'): *dieu – dans les religions polythéistes, être surhumain adoré* [7, p. 472] 'бог – в политеистических религиях – почитаемое верховное существо'.

В. Когнитивная составляющая значения имен второй группы основана на дескрипции проявления существа, отличающего его от человека: *Atlas soutient sur ses épaules la voûte du ciel* 'Атлас поддерживает небесный свод на плечах' [6, p. 1152]; *Circé – magicienne* 'Цирцея – волшебница' [Там же, p. 1250]; *Héraclès – personnification de la Force* 'Геракл – персонификация силы' [Там же, p. 1403]; *Phaéton – fils du Soleil* 'Фаэтон – сын Солнца' [Там же, p. 1607] и др. Для некоторых имен отмечается происхождение: *Castor et Pollux – fils jumeaux de Zeus et de Léda* 'Кастор и Поллукс – близнецы Зевса и Леды' [Там же, p. 1227]. Прагматическая составляющая формируется, как у имен первой группы, денотативным компонентом (*превосходящий*) и/или узловым образом: *Héraclès – la Force* 'Геракл – сила'.

С. Наиболее разноплановой представляется когнитивная составляющая имен третьей группы, включающая дескрипции звеньев происхождения и родства, некоторое ключевое событие (или ключевые события) из жизни существа, подобного человеку. В отдельных дефинициях отмечается причина гибели персонажа. В этом плане самыми наглядными представляются дескрипции когнитивной составляющей имени *Phèdre – fille de Minos et de Pasiphaé, sœur d'Ariane et femme de Thésée. Amoureuse de son beau-fils Hippolyte, qui repoussa ses avances, elle l'accusa d'avoir voulu lui faire violence. Hippolyte exécuté, Phèdre se pendit. L'histoire de Phèdre a notamment inspiré Sophocle, Euripide, Racine, Pradon* 'Федра – дочь Миноса и Пасифаи, сестра Арианы и жена Тесея. Влюбленная и отвергнутая своим пасынком Ипполитом, Федра обвинила юношу в насилии. Ипполит был убит, а Федра повесилась. История этого персонажа вдохновила Софокла, Еврипида, Расина и Прадона' [6, p. 1608]. Прагматическая составляющая, заложена, как и у имен второй группы, в денотативном компоненте (*подобный*) и/или в узловом образе: *Narcisse – (jeune homme) d'une grande beauté* [7, p. 1098] 'Нарцисс – (молодой человек) необычайной красоты'.

Д. В основе значения мифологических имен с денотативным компонентом *фантастическое существо* – дескрипции устрашающего внешнего вида их носителей: *Minotaure – monstre à corps d'homme et tête de taureau* 'Минотавр – чудовище с телом человека и головой быка' [6, p. 1539] и т. д., необычность которого неизбежно вызывает отвращение, изначально формирующее прагматическую составляющую мифологического имени. Когнитивная составляющая имен этой группы, как правило, включает сведения о гибели персонажей, указывая тем самым на закономерный конец фантастического существа: *Argus – il fut tué par Hermès et Héra* 'Аргус – убит Гермесом и Герой' [Там же, p. 1144]; *Méduse – Persée trancha sa tête* 'Медуза – Персей отрубил ей голову' [Там же, p. 1526] и *Minotaure – Thésée réussit à tuer le monstre* 'Минотавр – Тесею удалось убить чудовище' [Там же, p. 1539].

Релевантность когнитивной и прагматической составляющих в семантике мифологических имен¹ позволяет определить тип их значения как *прагмаиндивидуализирующий* (рис. 3):

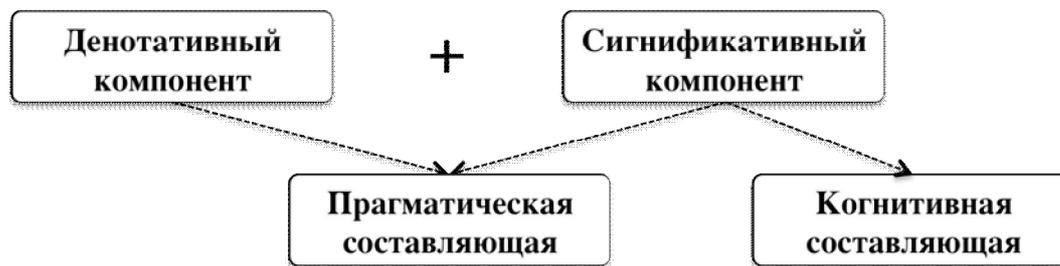

Рис. 3. Денотативно-сигнификативная структура прагмаиндивидуализирующего значения мифологического имени

Анализ 100 библейских имен, отобранных из энциклопедического словаря «Le Petit Larousse» методом случайной выборки (не более 10 библейских имен на каждую букву алфавита), выявил два значения денотативного компонента *personnage biblique* ‘библейский персонаж’:

1) *être d'espèce humaine pensé réel* ‘человек, воспринимаемый реальным’: *Abel* ‘Авель’, *Dalila* ‘Далила’, *Hérode Antipas* ‘Ирод Антипас’, *Job* ‘Иов’, *saint Nicodème* ‘св. Никодим’, *Zachée* ‘Закхей’ и др.; а также апостолы – *saint André* ‘св. Андрей’, *saint Pierre* ‘св. Петр’ и др.; *saint Thomas* ‘св. Фома’; пророки – *Amos* ‘Амос’, *Débora* ‘Девора’, *Élie* ‘Илия’ и др.;

2) *être spirituel* ‘духовное существо’: *Gabriel* ‘Архангел Гавриил’, *Michel* ‘Архангел Михаил’.

Денотативный компонент библейского имени предопределяет развитие его сигнификативного компонента:

А. Для всех имен группы с денотативным компонентом *человек, воспринимаемый реальным* когнитивная составляющая представляет собой дескрипции, включающие сведения о происхождении и семейном положении персонажа: *Abel* – *deuxième fils d'Adam et Ève, berger nomade* ‘Авель – второй сын Адама и Евы, кочевой пастух’. Для имен, носители которых имеют высокий социальный статус, характерно выделение узлового компонента как наиболее значимого проявления личности: *Samuel* – *juge* ‘Самуил – судья’; *Esdras* – *prêtre* ‘Ездра – священник’; *saint Paul* – *apôtre* ‘св. Павел – апостол’ и др. Ср. также: *Abraham* (XIX s. av. J.-C.) – *patriarche biblique. Originaire d'Our, il s'établit avec son clan en Palestine. Ancêtre des peuples juif et arabe par ses fils Isaac et Ismaël, il est aussi revendiqué par chrétiens, qui se considèrent comme ses héritiers spirituels* ‘Авраам (XIX в. до н.э.) – библейский патриарх. Выходец Ура, Авраам обосновывается со своей семьей в Палестине.

¹ Прагматический потенциал мифологических имен как символов активно разрабатывается отечественным лингвистом А.А. Романовской.

Родоначальник еврейского и арабского народов через своих сыновей Исаака и Измаила, он также рассматривается христианами его духовными наследниками' [6, p. 1106].

В. Дефиниция имени *Gabriel* 'Архангел Гавриил' включает дескрипции звеньев причинной цепочки, предопределяющих последующее развитие событий всего библейского текста: *Gabriel* – ange messenger de Dieu, qui explique à Daniel le sens de ses visions, annonce à Zacharie la naissance de Jean-Baptiste et à Marie la naissance de Jésus 'Архангел Гавриил – посланник Бога, который объясняет Даниилу смысл его видений, приносит весть Захарии о рождении Иоанна Крестителя, Марии – о рождении Иисуса' [Там же, p. 1355]. Дефиниция *Michel* 'Архангел Михаил' этой же группы имеет менее объемное содержание и включает сведения о роли его носителя как главы ангелов: le plus grand des anges, appelé dans la tradition «prince des anges» ou archange. Son nom n'apparaît qu'au II s. avant J.-C. dans le livre de Daniel, puis dans la littérature apocalyptique 'главный архангел, традиционно также именуемый «принц ангелов». Его имя появляется только во II веке до н.э. в книге Даниила, затем в апокалиптической литературе' [Там же, p. 1535].

Прагматическая составляющая в денотативно-сигнификативной структуре библейских имен отсутствует, поскольку все действия человека, воспринимаемого реальным, так же и воспринимаются, а отсюда – *когнитивно-индивидуализирующее* значение этих имен (рис. 4):

Рис. 4. Денотативно-сигнификативная структура когнитивно-индивидуализирующего значения библейского имени

Таким образом, историческому и библейскому именам свойственно когнитивно-индивидуализирующее значение; литературному – образно-индивидуализирующее; мифологическому – прагмаиндивидуализирующее. Значение исторических и библейских имен формируется индивидуализацией объективных событий. В литературном имени индивидуализирующий процесс имеет в своей основе субъективный авторский образ. Наиболее активно индивидуализирующий процесс проявляется в значении мифологических имен: в нем дифференцируются оба компонента – денотативный и сигнификативный.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уфимцева, А.А. Типы словесных знаков / А.А. Уфимцева. – М. : Наука, 1974. – 206 с.
2. Никитин, М.В. Основы лингвистической теории значения : учеб. пособие / М.В. Никитин. – М. : Высш. шк., 1988. – 168 с.
3. Kleiber, G. Problèmes de référence: descriptions définies et noms propres / G. Kleiber. – Metz : Centre d'Analyse Syntaxique, 1981.
4. Jonasson, K. Le nom propre: constructions et interprétations / K. Jonasson. – Gembloux : Duculot, 1994. – 256 p.
5. Guillaume, G. Le problème de l'article et sa solution dans la langue française / G. Guillaume. – Paris : Hachette, 1919. – 318 p.
6. Le petit Larousse. – Paris : Larousse, 2002. – 1818 p.
7. Dictionnaire Hachette encyclopédique / réd. en chef J.-P. Mevel. – Paris : Hachette Livre, 2001. – 1858 p.

The article is devoted to the analysis of proper names meaning components. Based on the material of four different proper names classes the author proves the irrelevance of the pragmatic component for historical and biblical names as well as its presence in the meaning of literary and mythological names.

Поступила в редакцию 15.04.13

С.А. Могилевцев

РАЗГОВОРНОСТЬ В БРИТАНСКОМ НОВОСТНОМ ТЕЛЕВИЗИОННОМ ДИСКУРСЕ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье анализируются лексические экспрессивные особенности современного британского телевизионного дискурса. Подробно рассматривается класс сниженных лексических единиц, функционирующих в подготовленной и спонтанной речи британских телевизионных новостных каналов (на примере канала «Sky News»). Данные лексические единицы придают телевизионному дискурсу разговорное начало.

В течение двух последних десятилетий *телевизионный дискурс* (или телевизионная речь) является объектом пристального внимания исследователей в контексте изучения медиадискурса в целом.

Телевизионная речь возникла на основе газетного текста и на протяжении определенного периода представляла собой «озвученный вариант письменной речи практически без учета специфики устной речи в ее естественном проявлении» [1, с. 78]. По мере развития телевизионных разговорных жанров теледискурс стал рассматриваться в качестве «особой функционально-стилистической среды», охватывающей «повседневную-бытовую и литературно-письменную речь» [2, с. 37]. Несмотря на взаимодействие

и взаимопроникновение в данный дискурс различных стилей, в целом он сохранял свою стилистическую нейтральность, поскольку экспрессия и стандарт в телевизионной речи уравнивали друг друга. Сегодня, как подчеркивают исследователи, одной из отличительных черт медиадискурса является *экспрессивность* [3, с. 194–195]. В применении к телевизионному дискурсу *экспрессивность* проявляется в усилении в нем разговорного начала. Так, по мнению Е.Г. Лариной, одной из характеристик современной телевизионной речи является ее разговорность, наряду со спонтанностью и отступлением от литературной нормы [4, с. 9–10]. Вслед за В.Д. Девкиным мы понимаем разговорность как «весьма условное и собирательное название того, что противопоставлено идеально правильному, ... образцово-показательному» [5, с. 12], т.е. норме – совокупности «правил выбора и употребления языковых средств (в данном обществе в данную эпоху)» [6, с. 39]. При этом разговорность существует «в противопоставлении нейтральному» и только с опорой на него [5, с. 12–13].

Значительное расширение разговорного начала в телевизионной речи объясняется проявлением ряда социолингвистических факторов, основными из которых являются:

- распространение образования на широкие слои населения и превращение литературного языка в главное средство языкового общения. Это привело к расширению социальной базы литературного языка, демократизации литературной нормы и проникновению в литературный язык стилистически сниженной лексики [7; 8];
- открытость лексической системы медиадискурса, ведущая к ее активному взаимодействию с элементами устной речи и расширению ее лексических границ [7, с. 11];
- стремление теледискурса максимально приблизиться к тому варианту языка, на котором разговаривают в социуме для решения задач информирования и воздействия. Следствием этого является возрастание нормотворческой роли языка СМИ [Там же, с. 22].

Составной частью телевизионного дискурса является новостной дискурс, под которым мы понимаем «многоуровневый гипертекстуальный медиaproдукт», который является результатом «творческой деятельности журналистов, вступающих в коммуникацию с многомиллиардной аудиторией» [9, с. 3].

Новостной англоязычный телевизионный дискурс представляет интерес как для лингвистов, так и преподавателей иностранного языка. Это объясняется тем, что изучение языка современного телевидения «позволяет представить своего рода *речевой портрет эпохи* – речь общества в ее социальных, возрастных, профессиональных, территориальных и культурных характеристиках» [4, с. 9–10]. Кроме того, новостные телевизионные тексты являются материалом, на основе которого осуществляется развитие устно-речевых иноязычных умений, формирование социокультурных навыков, изучение лингвистических особенностей языка телевидения в целом.

В настоящей статье анализируется лексическая составляющая разговорности телевизионного британского новостного дискурса. Материалом для анализа послужили записи выпусков новостей, вышедших в эфир на британском новостном канале «Sky News». Это единственный англоязычный телеканал, нацеленный на британскую аудиторию, прием которого возможен на территории нашей страны. Лингвистическому анализу были подвергнуты записи ежедневных утренних выпусков новостей «Sunrise» (эфир с 8.00 до 8.25, наблюдение проводилось с 1999 по 2009 годы), а также выпуски вечерних новостей «Live at Five» (эфир с 19.00 до 19.45, наблюдение осуществлялось с 2009 по 2012 годы, время трансляции указано минское). Материалы прямого эфира фиксировались на магнитный носитель, а начиная с 2008 года – на цифровой носитель информации.

Как показал анализ, разговорность присутствует во всех телевизионных жанрах, характерных для канала «Sky News». В меньшей степени она представлена в подготовленном дискурсе (репортаж) и в большей – в неподготовленной, т.е. в устных «транспозиционных формах речи» [4, с. 11], к которым относятся прямое включение либо репортаж с места события, беседа или интервью, обзор прессы, дискуссия.

– *It's a sticky¹ situation* (Sky News, 17.10. 2010, комментарий журналиста).

– *You're used to pretty rugged countryside but this has been tough this week* (Sky News, 19.10. 2012, беседа ведущего выпуска новостей с репортером).

Разговорность является неотъемлемой особенностью названных жанров, поскольку журналист лишь руководствуется заранее подготовленным текстом, а не строго следует ему. Основная задача репортера состоит в том, чтобы установить контакт с телеаудиторией, привлечь и удержать ее внимание, вызвать познавательный интерес зрителя.

Взяв за основу классификацию сниженной лексики (words below the neutral stratum), предложенную Ю.М. Скребневым, к группе лексических единиц (ЛЕ), придающих оттенок разговорности телевизионной речи, мы относим следующие подклассы ЛЕ:

- разговорные слова,
- сленговые единицы,
- вульгаризмы [10, с. 65].

Под *коллоквиализмом* мы понимаем «слово или выражение, свойственное разговорному языку» [11, с. 200], или слова, «являющиеся сниженными по отношению к нейтральной лексике» [10, с. 65].

The days of the kinky² carrot, topsy turvey³ turnip and pot belly parsnip are back. And it's down to the credit crunch (Sky News, 16.11.2008, репортаж).

¹ 'Трудный, затруднительный, неприятный, опасный' (разг.).

² 'Изогнутый, извращенный'.

³ 'Вверх дном, шиворот-навыворот'.

Сленговые единицы – это «элементы разговорного варианта ... социальной группы, которые, проникая в литературный язык или ... в речь людей, не имеющих прямого отношения к данной группе лиц, приобретают в этих разновидностях языка особую эмоционально-экспрессивную окраску [11, с. 419]. Более точное определение данного термина приводит В.В. Химик – «ненормативные лексико-фразеологические единицы разговорно-просторечного языка», предназначение которых состоит в выражении «усиленной экспрессии и особой оценочной окраски (обычно негативной)» [12, с. 14]. А.Д. Швейцер полагает, что в английской лексикографической традиции субстандартная разговорная речь, лишенная территориально-диалектной окраски, традиционно относится к категории сленга [13, с. 29]. Телевизионный дискурс, следуя нормам устной речи, активно использует рассматриваемые единицы:

*Despite the **glitzy**¹ image the general attitude was seemingly hostile* (Sky News, 12.10.1999, репортаж).

Ниже – пример употребления сленговой единицы *bonkers* ‘безумный, чокнутый’ ведущим выпуска новостей, прокомментировавшего в ходе обзора прессы статью о невысоких доходах «человек с леденцом» (*lolly-pop lady*)².

– *That's crazy. Does he want to change the pavement? It's just ... > bonkers hostile* (Sky News, 11.11.2012).

Вследствие достаточно активного использования сленговых единиц в печатном и звучащем дискурсе многие из них утрачивают характеристики сленга и переходят в разряд коллоквиализмов. Подобные ЛЕ мы включаем в вышеприведенную классификацию разговорных единиц в качестве четвертого подкласса – ЛЕ, рассматривавшихся ранее как сленг (*to ditch, think tank, fag, yob*) и другие.

*EU laws which sparked years of tabloid headlines in the 1980s have been **ditched** to try to help consumers through the recession* (Sky News, 13.02.2010, репортаж).

– *Still dying for **a fag**?* (Sky News, 25.12.1998, репортаж о социальной рекламе, направленной на борьбу с курением).

*T. Blair has launched a new war on **yob** culture. The Prime Minister announced a new scheme called Community Payback which will force young criminals, who wreck neighbourhoods, to repair the damage* (Sky News, 03.04.2001, репортаж).

Слово *yob* ‘хулиган, асоциальная личность’ появилось в английском языке в XVIII столетии. Оно использовалось в отношении подростков, имеющих низкое социальное происхождение, асоциальных типов, связанных с криминальной средой, терроризирующих законопослушных граждан и наносящих ущерб частной и коммунальной собственности. Как отмечается в онлайн-словаре сленга (urbandictionary.com), понятие *yob* следует рассмат-

¹ ‘Нарочитый, кричащий, безвкусный’ (сленг).

² Специальный дежурный, регулирующий движение транспорта у школ.

ривать как антипод слову *boy*. В одном из выпусков расширенного обзора прессы приглашенный в студию журналист, комментируя состояние преступности в стране, употребил слово *tearaway* как синоним понятия *yob*. На русский язык его можно передать коллоквиализмом *вырвус* [14].

Как показывают наши наблюдения, в группе коллоквиализмов и сленговых единиц, функционирующих в британском новостном теледискурсе, представлены американизмы (*buck, cheesy, pesky*):

*If they are doing this it's a **cheesy**¹ day* (Sky News, 13.10.1999, комментарий журналиста).

По мнению Е.А. Чернявской, составляющие основу разговорного вокабуляра «коллоквиализмы, сленговые единицы и *вульгаризмы*, стремятся к общеупотребительности без каких-либо ограничений социального или профессионального порядка» в английском языке [6, с. 150]. Проиллюстрируем данное наблюдение примерами.

– *We all know what it's like – you're at **fresher's** week. You **meet up** with a **dodgy**² **bloke**³ and do things that you regret. Isn't it true he's been **led astray** by the Tories...* (Sky News, 13.04.2011, репортаж о выступлении министра образования теневого кабинета, критикующего решение коалиционного правительства увеличить плату за обучение в университете).

– *Why on earth do we allow this **bunch** of incompetent lord **snooties**⁴ to be in positions of authority over our country?* (Sky News, 22.10.2012, репортаж о ежегодной конференции Национальной партии Шотландии. Выступая на конференции, Первый министр Шотландии саркастически отозвался о ряде министров коалиционного правительства от консервативной партии, которые оказались вовлеченными в серию скандалов).

Тенденция к использованию журналистами коллоквиализмов в теледискурсе настолько сильна, что зачастую данные ЛЕ заменяют терминологические единицы. Например в репортаже о сямских близнецах, родившихся в Великобритании осенью 2012 года, журналист сообщил следующее: *The twins were joined at the **tummy** and the **belly button*** (Sky News, 12.10.2012).

Вульгаризмы не характерны для новостного британского теледискурса. Однако их можно обнаружить в интервью, взятых у лиц, не имеющих отношения к процессу создания медиапродукта (*bloody, hog, butts, boobs, moron*):

– *Move your **butts**!* (обращение губернатора одного из южных штатов США, объявляющего о введении режима чрезвычайного положения в штате в связи с приближающимся ураганом. Sky News, 20.08.2010, видеозаметка).

– *That's from the script, is it? That's Ian Flemming talking. Don't forget Ian Flemming was **an old fart*** (Sky News, 05.10.2012, фрагмент интервью с биографом группы «Биттлз» Хантером Дейвисом).

¹ 'Дрянной, никуда не годный' (амер. сленг).

² 'Хитрый, нечестный' (разг.).

³ 'Парень, малый' (сленг).

⁴ 'Презрительный, высокомерный' (разг.).

Далее остановимся на классификации коллоквиальных ЛЕ, исходя из словообразовательных моделей, в соответствии с которыми они были образованы. Обнаруживаемые в теледискурсе разговорные единицы образованы с помощью *аффиксации, сокращения, словосложения и конверсии* [6, с. 150–151].

А ф ф и к с а ц и я представлена преимущественно суффиксами -у и -ism:
ageism – дискриминация по возрастному принципу при найме на работу
cronism – кумовство

cushy job – теплое местечко

juicy staff – пикантные подробности/выгодное дело

edgy guy – раздраженный пацан

lippy person – болтливый/наглый человек

nully carrots – невзрачная морковь

phony dispute – пустой спор

sexism – дискриминация по половому признаку.

Приведем пример употребления ряда коллоквиальных лексических единиц в репортаже, рассказывающем о смягчении требований Европейского союза к нестандартным размерам овощей и фруктов, продаваемых в странах-участниках этой организации:

*But until now all fruit and vegetables were not equal. In the EU there was a form of **vegy** apartheid, but no more. <...>*

*And this little **caulli** would have been an outlaw to. Because it's too small. <...>*

– *So you assume if these **nully** ones are cheaper you'd buy those, would you?* (Sky News, 16.11.2008, название репортажа *Mis-Shapen Veg* содержит два коллоквиализма).

Префиксация в теледискурсе представлена двухкомпонентными именами существительными или глаголами, образованными от фразовых глаголов. При этом префиксом выступает второй компонент глагола – предлог либо наречие: *outwalk* (n; v); *outcry* (n); *downturn* (n); *offset* (v); *upgrade* (n; v); *uplift* (n); *upsurge* (v):

*Such as partners Any Jones and Adam Luice **outwalking** with their two year old daughter Amilia May* (Sky News, 21.10.2012, репортаж).

Большое распространение в теледискурсе получили разговорные слова, образованные с помощью отрицательных префиксов *mis-, dis- un-*: *misfortunate, misshapen; misspeak; disprove; undo* и другие.

Достаточно широко распространены в британском новостном теледискурсе коллоквиализмы, образованные путем *с о к р а щ е н и я*: *advert, ad* (*advertisement*); *para* (*paratrooper*); *perk* (*perquisite* ‘дополнительный заработок’); *prep* (*preparation*), *to prep*. В словосочетаниях могут сокращаться:

- одно слово и часть второй лексической единицы: *the Met* (*Metropolitan police; Meteorological Office*); *a detox* (*detoxication*) *clinic*; *a rehab* (*rehabilitation*) *clinic*; *sickie* (*sick leave*);

- второе слово: *cash-point* (*machine*); *unleaded* (*petrol*).

*A huge **ad** campaign also gets underway today to persuade us all not to panic* (Sky News, 17.07.2001, репортаж);

– *He has had a few days behind closed doors **prepping** for this debate* (Sky News, 23.10.2012, ведущий выпуска новостей);

• слово в трех- и двухкомпонентных словосочетаниях с сохранением окончания множественного числа *-s*: *mid-terms (mid-term elections); preliminaries (preliminary exams); hereditaries (hereditary peers); heavies (heavy papers); pops (popular papers)*);

*Four-star will go up 4,25p and **unleaded** – 3,75p a litre* (Sky News, 09.03.1999, ведущий выпуска новостей);

*Time to flick through the morning papers. I've got three **heavies** here* (Sky News, 04.07.1999, ведущий выпуска новостей);

• слова в словосочетании до начальных букв составляющих их слов, образуя акроним либо аббревиатуру: *GP (general practitioner); BAFTA (The British Academy of Film and Television Awards); CAP (The Common Agricultural Policy); RUC (The Royal Ulster Constabulary)*);

*The government has performed a climb down on **ID** cards* (Sky News, 04.07.2006, репортер, прямое включение).

Словосложение может осуществляться сложением двух сокращенных основ *satnav (satellite navigation); the LibDems (the Liberal Democrats)* либо двух слов и более: *to criss-cross, to chit-chat, hit and run (accident); hell-bent; nitty-gritty; manhunt; mind-boggling, flat-footed, to stop-gap; stop and search (policy)*.

– *From his point of view and the point of view of his government it is a clearly to be talking about **nitty-gritty**¹ of issues like crime and punishment and prison policy* (Sky News, 22.10.2012, репортер, прямое включение).

К о н в е р с и я в телевизионном дискурсе представлена существительными, переходящими в устной речи в глаголы (*to bus; to helicopter; to captain; to winter*), используемыми в качестве существительных фразовыми глаголами (*black out; check up; climbdown; crackdown; follow up; lead up; pull out; slip up; turnout; upsurge*), а также прилагательными (*weight-in competition; kiss-in contest; sit-in protest*):

– *It's another great **screw-up** of this government²* (Sky News, 04.06.2006, интервью).

*Cashing in on a solar **black-out** – this company in Northumpshire is taking on extra staff to cope with the demand* (Sky News, 07.01.1999, репортаж).

Одной из отличительных черт разговорной лексики является ее эмоциональность. Как полагает Е.А. Чернявская, «разговорной лексике свойственна индивидуализирующая номинация», а «основным содержанием подобных единиц является понятийная общность, соответствующая сфере бытовых

¹ 'Сложная, неинтересная сторона проблемы'.

² 'Это правительство снова село в лужу'.

отношений, обязательным компонентом значения единиц разговорной лексики является дополнительная к предметно-логическому значению окраска, ... которая служит языковым выражением неофициальных, непринужденных взаимоотношений коммуникантов» [6, с. 151]. Исходя из этого, в пласте разговорных ЛЕ, обнаруживаемых в теледискурсе, представлены практически все части речи – *существительные, прилагательные, глаголы, наречия*.

Разговорные существительные представляют собой, как правило, одно- и двусложные слова: *chump* ‘болван/башка’; *grand* ‘кусок’; *kicks* ‘мода, сильное увлечение чем-либо/удовольствие, приятное возбуждение’; (in) *dribs and drabs* ‘в незначительном количестве’: *grand* ‘«кусок» долларов/фунтов’; *slog* ‘утомительная работа’.

Normal diplomatic niceties seemingly put aside for the time being (Sky News, 24.08.2004, комментарий репортера, прямое включение).

Ряд существительных в разговорном языке используется в качестве прилагательных, например, *freak event*; *door-to-door mail deliveries*.

Разговорные прилагательные представлены, в основном, единицами, образованными с использованием суффикса -y: *brassy* ‘бесстыдный, претенциозный’; *cagey* ‘уклончивый’; *fuzzy* ‘неясный, неопределенный’; *racy* ‘яркий, живой/пикантный, непристойный’; *smelly* ‘зловонный’.

He has trendy Ghotier and wacky¹ shirts (Sky News, 27.09.2007, репортаж).

Группа коллоквиальных глаголов включает односложные глаголы (*to bust, to down, to nip, to ply*) и фразовые глаголы. Наиболее распространенными послелоговыми фразовыми глаголами являются предлоги *up, down, out, through*, которые указывают на

а) завершенность действия, процесса либо его усиление (*to dream up, to snap up, to top up, to tighten up*);

б) сокращение, завершение (*to scale down, to whittle down*);

в) распространение (*to spell out, to thrash out, to lose out*);

г) течение процесса (*to filter through, to live through, to put through*) и другие явления (*off, in on, around, forward, away*);

Rupert Murdoch tried to dampen down the bubble against Mr Brown (Sky News, 14.08.2008, репортаж);

It will do Cameron a lot more good that waffling² on about the staff he normally waffles on about (Sky News, 20.02.2012, репортер).

Наречия представлены, в основном, словами-усилителями (*absolutely, altogether, fairly, a bit, completely, indeed, quite, really, well*):

– *The danger for the government is looking a bit accident prone* (Sky News 19.05.2012, беседа ведущего выпуска новостей с репортером).

¹ ‘Ненормальный’.

² ‘Болтать, трепаться попусту’.

Этой же цели служат *прилагательные и местоимения*: *odd, pretty, single, whatsoever, that, all too much* и другие:

– *There's an awful lot of head scratching and an awful lot of agonizing within Downing Street among those people* (Sky News, 21.10.2012, комментарий репортера, прямое включение).

Важной характеристикой коллоквиального пласта лексики является широкое использование в нем *идиом и разговорных выражений* (*to have guts; to be in the woods; to be in scrapes; to bust one's gut; by the looks of it; to feel in the groove; to crush a bottle of wine; to have something in a go; to come by – if any thing to come by; gut feeling, to shoot oneself in the foot*) и ряда других, передающих эмоции и чувства говорящего:

The council is not prepared to stay in the dark about why he is back behind bars (Sky News 29.06.2011, комментарий репортера, прямое включение).

Таким образом, разговорное начало в современном англоязычном телевизионном дискурсе представлено обширным пластом единиц различных подклассов. Данные ЛЕ обнаруживаются, в основном, в телевизионных жанрах, где функционирует неподготовленная речь. Это явление, вслед за русскоязычным новостным телевизионным дискурсом, следует рассматривать в качестве нормы и для британского новостного теледискурса, поскольку для реализации телевидением функции информирования и воздействия телевизионная речь стремится максимально сблизиться с литературно-разговорным вариантом языка, что влечет за собой использование в ней значительного количества коллоквиальных единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомолова, М.А. Социальная психология печати, радио и телевидения / М.А. Богомолова. – М. : МГУ, 1991. – 127 с.
2. Мастерство эфирного выступления / Б.Д. Гаймакова [и др.] ; под общ. ред. Б.Д. Гаймаковой. – М. : Ин-т повышения квалификации работников телевидения и радиовещания, 1994. – 166 с.
3. Костомаров, В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики / В.Г. Костомаров – М. : Гардарика, 2005. – 287 с.
4. Ларина, Е.Г. Лингвопрагматические особенности ток-шоу как жанра телевизионного дискурса : На материале американских телевизионных программ : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.Г. Ларина ; ВолГУ. – Волгоград, 2004. – 21 с.
5. Девкин, В.Д. Немецкая разговорная речь (синтаксис и лексика) / В.Д. Девкин. – М. : Междунар. отношения, 1979. – 254 с.
6. Беликов, В.И. Социоллингвистика : учеб. пособие для вузов / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М. : Рос. гуман. ун-т, 2001. – 439 с.
7. Скороходова, Е.Ю. Динамика речевых норм в современных текстах массовой информации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Е.Ю. Скороходова ; Воен. ун-т МО РФ. – М., 2008. – 29 с.

8. *Чернявская, Е.А.* Эволюция английской разговорной лексики в XX веке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.А. Чернявская ; КПИЯ. – Киев, 1984. – 22 с.
9. *Искандарова, Н.Р.* Критерии отбора и редактирования материалов для информационных выпусков «Первого канала» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Н.Р. Искандарова ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2010. – 18 с.
10. *Скребнев, Ю.М.* Основы стилистики английского языка : учеб. пособие для вузов / Ю.М. Скребнев. – М. : Астрель, 2003. – 221 с.
11. *Ахманова, О.С.* Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова – М. : Книж. дом «Либроком». – 2010. – 576 с.
12. *Химик, В.В.* Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен / В.В. Химик. – СПб. : Филол. фак-т СПбГУ, 2000. – 272 с.
13. *Швейцер, А.Д.* Взаимодействие литературного языка с субстандартной разговорной лексикой в современном английском языке / А.Д. Швейцер // Устные формы литературного языка. История и современность : сб. науч. ст. под ред. В.Я. Порхомовского и Н.Н. Семенюк. – М. : Эдиториал Урсе, 1999. – С. 29–46.
14. Urban Dictionary [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access : <http://www.urbandictionary.com/define.php?term>. – Date of access : 12.11.2012.

The paper deals with the lexical aspect of English news television channels discourse. It analyses the colloquial lexical units that can be found in such a discourse, both a prepared and a spontaneous one. The author puts forward an idea that these lexical units give television discourse a colloquial colouring which should be regarded today as a norm.

Поступила в редакцию 15.04.13

Е.Н. Радецкий

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается языковая репрезентация категории *интенсивности* в древнеанглийском языке. Методом сплошной выборки из словарей отобраны лексические единицы, выступающие в роли интенсификаторов в древнеанглийском языке. На основе компонентного анализа и выделенных семантических признаков интенсификаторы объединяются в восемь лексико-семантических групп (сила, полнота, размер, избыток, пространство, удивление, положительная оценка, отрицательная оценка), представленных тремя концептуальными сферами (параметрические величины, эмотивность и оценка). Наиболее репрезентативной сферой выступает сфера параметрических величин. В статье анализируются интенсификаторы в каждой лексико-семантической группе и выявляются закономерности развития значения усиления.

Языковая репрезентация категории *интенсивности* весьма разнообразна и включает в себя различные средства, выполняющие функцию усиления на всех уровнях языка (от фонологического до уровня текста), однако ключевое место среди них занимают лексические единицы, именуемые в лингвистике *интенсификаторами*. Современные лингвисты по-разному подходят к самому определению *интенсификаторов* и соответственно относят к ним разные единицы.

В данной статье под интенсификаторами понимаются лексические единицы в самом узком значении: класс слов (наречия меры и степени), основной функцией которых является интенсификация признака или признака признака.

В результате проведенного исследования методом сплошной выборки из словаря «A New English Dictionary on Historical Principles» [1], а также электронной версии словаря «Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary» были отобраны следующие лексические единицы, выступающие в качестве интенсификаторов в древнеанглийском языке: *borlīce, ealles, inlīce, inweardlīce, ful, micel, oferlīce, ormdēte, ormdētlīce, þearle, swa, swīþe, tela, tō, ungefoge, ungemete, ungemetlīce, ungecyndelīce, wel, wundrum, wundorlīce*.

Основным критерием отбора интенсификаторов в древнеанглийском языке выступает, помимо функции усиления признака или признака признака, наличие в словарной дефиниции архисемы интенсивности, выраженной словами *very, to a great (high) degree (extent)*, напр., *swīþe* ‘very, much, exceedingly’, *ful* ‘full, perfectly, very, well’, *tela* ‘very, to a great extent’ [BTASD] и др.

Анализ семантики интенсификаторов в древнеанглийском языке опирается на следующие методологические принципы:

1. Изучение семантики наречий-интенсификаторов в древнеанглийском языке, на наш взгляд, не представляется возможным без учета семантики их производящих формантов (имен прилагательных, существительных, причастий, глаголов).

2. Большинство производных древнеанглийских наречий образовано именно от прилагательных при помощи суффикса *-e* или суффикса *-līce* [2, с. 72]. Более того, большинство наречий-интенсификаторов в современном английском языке можно «без ущерба для общего смысла» [3, с. 19] с помощью трансформации привести к следующей модели:

$Adv_{int} + Adj / Adv \rightarrow Adj / Adv + to a Adj_{int} degree$
tremendously happy \rightarrow *happy to a tremendous degree*.

3. Анализ семантической структуры производящих формантов интенсификаторов осуществляется с помощью метода компонентного анализа.

4. Значение форманта берется в его исходной первичной номинации.

5. В случаях отсутствия либо невозможности определения производящего форманта рассматривается значение наречия-интенсификатора в его первичной номинации.

6. На основе компонентного анализа выявляются дифференциальные семы в значении интенсификаторов или их производящих формантов.

7. На основе общих семантических признаков интенсификаторы объединяются в лексико-семантические группы, которые в своей совокупности и составляют лексико-семантическое поле интенсивности в древнеанглийском языке.

Опора на эти принципы позволит создать семантико-этимологическую классификацию интенсификаторов. Попытки составить подобную классификацию уже предпринимались В.А. Мальцевым [3], однако его классификация имеет ряд недостатков и ограничивается интенсификаторами современного английского языка. Существенным преимуществом семантико-этимологической классификации над другими классификациями является возможность более точно выделить исходные семантические признаки, на основе которых у лексических единиц развивается значение усиления. К примеру, во фразе *tremendously happy* наречие-интенсификатор *tremendously* является дериватом имени прилагательного *tremendous*, исходное значение которого, с точки зрения современного английского языка, регистрируется словарем как ‘very great in amount, scale, or intensity’ [4]. Согласно семантической классификации, в данной номинации можно выделить исходные семы ‘размер’ (great in amount, scale) и ‘сила’ (great in intensity). Исходя же из принципа семантико-этимологической классификации, исконным значением прилагательного *tremendous* выступает ‘awful, dreadful, terrible’ (от лат. *tremere* ‘tremble’) [5], где исходной является сема ‘ужас’. Соответственно, наречие *tremendously* будет принадлежать к лексико-семантической группе интенсификаторов, образованных на основе общего семантического признака ‘относящийся к ужасу’, а не ‘большой по размеру, количеству’. Лексико-семантическая модель развития усиления у наречия *tremendously*, таким образом, включает три ступени ‘ужасный → огромный → высокая степень признака’, а не две ‘огромный → высокая степень признака’, как если бы мы рассматривали их только с точки зрения современной семантики данного слова. Принцип построения семантико-этимологической классификации позволяет глубже и более последовательно проследить процесс развития интенсификаторов в английском языке.

В результате проведенного компонентного анализа древнеанглийских интенсификаторов и их производящих формантов были выявлены следующие дифференциальные семы: ‘сила’, ‘полнота’, ‘размер’, ‘избыток’, ‘пространство’, ‘удивление’, ‘положительная оценка’, ‘отрицательная оценка’. Данные семы объединены в три концептуальные сферы: параметрические величины, эмотивность и оценка (таблица).

Таблица

Семы исходных значений интенсификаторов и их формантов

Формант	Интенсификатор	Параметрическая величина					Эмотив- ность	Оценка	
		сила	полнота	избыток	размер	пространство	удивление	положительная	отрицательная
-	<i>borlīce</i>	-	-	-	-	-	-	+	-
<i>eall</i>	<i>ealles</i>	-	+	-	-	-	-	-	-
<i>ful</i>	<i>ful</i>	-	+	-	-	-	-	-	-
<i>inlīc</i>	<i>inlīce</i>	-	-	-	-	+	-	-	-
<i>inweardlīc</i>	<i>inweardlīce</i>	-	-	-	-	+	-	-	-
<i>ofer</i>	<i>oferlīce</i>	-	-	+	-	-	-	-	-
<i>micel</i>	<i>micel</i>	-	-	-	+	-	-	-	-
<i>ormāete</i>	<i>ormāete</i>	-	-	-	+	-	-	-	-
	<i>ormāetlīce</i>	-	-	-	+	-	-	-	-
-	<i>swa</i>	-	-	+	-	-	-	-	-
<i>swīþ</i>	<i>swīþe</i>	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>til</i>	<i>tela</i>	-	-	-	-	-	-	+	-
-	<i>tō</i>	-	-	+	-	-	-	-	-
<i>þearl</i>	<i>þearle</i>	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>ungecyndlīc</i>	<i>ungecyndlīce</i>	-	-	-	-	-	-	-	+
<i>ungefog</i>	<i>ungefoge</i>	-	-	-	+	-	-	-	-
<i>ungemet</i>	<i>ungemete</i>	-	-	-	+	-	-	-	-
	<i>ungemetlīce</i>	-	-	-	+	-	-	-	-
-	<i>wel</i>	-	-	-	-	-	-	+	-
<i>wundor</i>	<i>wundrum</i>	-	-	-	-	-	+	-	-
	<i>wundorlīce</i>	-	-	-	-	-	+	-	-
Репрезентативность, %		8,3	8,3	21	25	8,3	8,3	12,5	8,3

Как видно из таблицы, наиболее частотными семами, участвующими в формировании значения усиления, являются семы 'размер' (25 %) и 'избыток' (21 %). Наиболее продуктивной концептуальной сферой выступает сфера параметрических величин, представленная 71 % от общего числа сем, в то время как на сферу эмотивности и сферу оценки приходится по 8 и 21 % соответственно.

На основании выделенных сем производящих формантов (в большинстве своем качественных прилагательных), ставших толчком для семантических трансформаций и развития значения усиления у производных наречий-интенсификаторов, определены следующие лексико-семантические группы.

1. Лексико-семантическая группа интенсификаторов, сформированных на основе общего семантического признака ‘полнота’, в древнеанглийском языке представлена наречиями-интенсификаторами *ful* и *ealles*. Наречие *ful*, которое полностью совпадает по своей форме с производящим прилагательным, этимологически восходит в свою очередь к глаголу *fyllan* ‘наполнять’. Сема ‘полнота’ присутствует в исходном значении производящего прилагательного *ful* ‘full, filled, complete, entire’. На основе этого значения у однокоренного древнеанглийского наречия *ful* развивается признак показателя высокой степени или меры ‘fully, perfectly, very, well’. Интенсификатор *ful* выполняет функцию усиления как качественного признака (*ful æþele* ‘очень благородный’, *ful welige* ‘очень богатый’, *ful unrote* ‘очень печальный’ [BTASD]), так и количественного признака (*ful litel* ‘очень мало’, *ful monu* ‘очень многие’ [BTASD]), а также активно интенсифицирует признак признака (*ful baldlice* ‘очень отважно’, *ful oft* ‘очень часто’ [BTASD]). Подобно *ful*, интенсификатор *ealles* является производным от прилагательного *eall* в значении ‘весь, целый, полный’.

2. Интенсификаторы *inlice* и *inweardlice* образуют лексико-семантическую группу, где общим семантическим признаком выступает ‘пространство’. Данные наречия происходят от прилагательных *inlic* и *inweardlic* соответственно, с исходным значением ‘inner, internal, inward’. Производные от данных прилагательных наречия приобрели дополнительное значение ‘thoroughly, heartily’: *for inlice gōd þing* ‘очень всецело хорошая вещь’, *for inweardlice riht rasi* ‘очень всецело правильное объяснение’ [BTASD].

3. Лексико-семантическая группа интенсификаторов, сформированных на основе семантического признака ‘сила’, в древнеанглийском языке включает две лексические единицы *swīþe* и *þearle*. Семантически интенсификатор *swīþe* восходит к качественному прилагательному *swīþ* ‘strong’, который изначально употребляется по отношению к человеку и описанию его физической силы. Данное прилагательное, однако, вскоре приобретает переносное значение ‘producing a powerful effect’. У его однокоренного наречия *swīþe* при определении прилагательных и наречий формируется сема показателя высокой степени признака ‘очень’ (*very, much, exceedingly*), причем качественное значение зачастую нейтрализуется: *swīþe geong* ‘очень молодой’, *swīþe néah* ‘очень близко’, *swīþe raðe* ‘очень быстро’ [BTASD].

Семантический признак ‘сила’ также присутствует в значении форманта интенсификатора *þearle*. В своей первичной номинации значение исходного прилагательного *þearl* – ‘severe, strict’. Во вторичной номинации значение трансформируется, приобретая уже функцию усиления ‘utter, excessive’: *þearle niht* ‘ночь очень темная’. Подобную трансформацию значения можно наблюдать и у производного наречия *þearle*, которое с самого начала намного чаще употребляется в качестве наречия степени и меры, чем образа действия. Однако как указывает словарная статья, при определении признака, выражающего идею боли, усилия и т.п., *þearle* по-прежнему выступает в

качестве наречия образа действия: *þearle gerǣhte* ‘сильно раненый’, в то время как теряет это значение (‘сурово, больно, тяжело’) в тех случаях, когда коннотация боли отсутствует: *þearle gōd* ‘очень хороший’, *þearle eáwfaest* ‘очень религиозный’ [BTASD], интенсифицируя таким образом признак, выражаемый определяемым словом.

Примечательно, что данная лексико-семантическая модель формирования наречий-интенсификаторов, базирующаяся на семантическом признаке ‘сила’, является универсальной и для группы славянских языков [6, с. 11]: рус. *сильно интересный*; укр. *дуже смішно*; бел. *моцна закаханы*; пол. *okrutnie grzeczna*; чеш. *ukrutně rád*; а также и для других языков индоевропейской семьи, например, лат. *valde* ‘сильно, очень, весьма, крайне’ происходит от прилагательного *validus* ‘сильный, крепкий’.

4. Следующую группу древнеанглийских интенсификаторов образуют лексические единицы, имеющие общий семантический признак ‘размер’: *ormǣte*, *ormǣtlīce*, *ungemete*, *ungemetlīce*, *ungefoge*. Все интенсификаторы данной группы образованы от исходных прилагательных со значением ‘immense, excessive, without measure’ ‘огромный по размеру (количеству), безмерный’. Внутри самого значения ‘огромный по размеру (количеству), безмерный’ изначально заложена потенция к интенсификации, что и послужило толчком к развитию у данных лексических единиц значения наречия высокой степени: *ormǣte brad* ‘чрезмерно широкий’, *ormǣtlīce deóp and wīd* ‘чрезмерно глубокий и широкий’; *ungefoge dýre* ‘безмерно дорогой’; *ungemete wel* ‘безмерно хорошо’, *ungemete neáh* ‘чрезмерно близко’, *ungemetlīce ceald* ‘безмерно холодно’, *ungemetlīce swīðe* ‘безмерно сильно’ [BTASD].

Интенсификатор *micel* употребляется адвербиально в косвенных падежах и совпадает по своей форме с производящим прилагательным со значением ‘огромный по размеру или количеству’. Этимологически *micel* восходит к протогерманскому корню **mekilaz*, который, в свою очередь, связан с протоиндоевропейской формой **meg-* ‘великий’ [5]. Постепенно прилагательное *micel* начинает употребляться метафорически, а затем в косвенных падежах приобретает функцию усиления, особенно в сочетании с еще одним интенсификатором *to*: *micles tó beald* ‘очень смелый’, *micles tó feala* ‘очень многие’ [BTASD]. Данный интенсификатор с этим же корнем встречается и в других германских языках: в современных датском и письменном норвежском языках – *meget*, в шведском – *mycket*. По схожему сценарию происходило формирование интенсификаторов, относящихся к семантическому признаку ‘размер’, и в языках романской группы, где исходным формантом послужило латинское прилагательное *multus* ‘многочисленный’: итальянский *molto*, испанский *mucho*, португальский *muito*. Наречия, которые развили значение усиления на базе общего семантического признака ‘размер’, характерны и для славянских языков: бел. *вельмі*, пол. *wielce*, *ogromnie*, чеш. *velmi* [6, с. 11].

5. Еще одна лексико-семантическая группа интенсификаторов представлена общим семантическим признаком ‘избыток’ и включает лексические единицы *oferlīce*, *swa* и *to*. Древнеанглийское наречие *tó* формируется как интенсификатор на базе значения ‘слишком; в степени, превосходящей желаемую норму’, отсюда и функция усиления признака, выражаемого прилагательным, и признака признака, выражаемого другим наречием: *tó strang* ‘слишком сильный’, *tó fæst* ‘слишком крепкий’, *tó lytel* ‘слишком мало’, *tó fela* ‘слишком многие’, *tó foremihtig* ‘слишком могущественный’ [BTASD] и др. Интенсификатор *oferlīce* является производным от наречия *ofer*, обозначающим ‘более высокую степень, более чем’. Отсюда его значение ‘избыточно, чрезмерно’: *oferlīce swýðe* ‘чрезмерно сильно’ [BTASD]. Древнеанглийская лексическая единица *swa* демонстрирует функцию усиления прилагательных и наречий в значении ‘так, до такой степени’: *swa micel* ‘так много’ [BTASD].

6. Лексические единицы *tela*, *wel* и *borlīce* образуют группу интенсификаторов, развивших в своей семантической структуре количественное значение на базе качественного значения прилагательных с общим семантическим признаком ‘положительная оценка’. Исконно интенсификатор *tela* восходит к прилагательному *til* ‘способный, хороший, добрый, подходящий’. Значение производного наречия образа действия *tela* ‘хорошо, правильно, тщательно’ постепенно начинает ассоциироваться со значением высокой степени ‘очень’: *tela micel* ‘очень много’, *tela līciendlīc* ‘очень приятный’ [BTASD].

Этимологически интенсификатор *wel* связан с протоиндоевропейским корнем **wel-*, **wol-* ‘воля’ [5] и употребляется в своем первичном значении наречия образа действия ‘хорошо, благополучно, тщательно, должным образом’. Подобно *tela*, *wel* получает и вторичную номинацию ‘очень’ и начинает выступать в роли интенсификатора. Синтаксическая дистрибуция интенсификатора *wel* достаточно обширна. Данная лексическая единица выступает в качестве модификатора как качественных, так и количественных прилагательных, наречий и даже числительных: *wel micel* ‘очень много’, *wel manige* ‘очень многие’, *wel clāne* ‘очень чисто’, *wel twá geár* ‘целых два года’, *wel neáh* ‘очень близко’, *wel wīde* ‘очень широко’ [BTASD].

Этимология еще одного интенсификатора данной группы *borlīce* ‘величественно, отлично, хорошо’ не такая прозрачная. Некоторые связывают семантику *borlīce* с существительным *bur* ‘жилище, внутренняя комната, хранилище’, отсюда значение ‘годный для посещения женских апартаментов’. Другие же видят семантическую связь данного слова с древневерхненемецким глаголом *burjan* ‘поднимать, возвышать’ и производным прилагательным *burlih* ‘высоко поднятый, возвышенный’ [Там же]. Англосаксонский словарь приводит лишь один пример, в котором *borlīce* демонстрирует функцию усиления: *Hyt gerīst borlīce wel* ‘исключительно подходящий’ [BTASD]. Семантическое значение ‘положительный признак’ послужило базой для развития значения интенсификатора не только в древ-

неанглийском языке. Аналогичную лексико-семантическую трансформацию можно наблюдать и в других языках: к примеру, в литовском языке – наречие *labai*, образованное от качественного прилагательного *labas* ‘хороший, добрый’; в финском языке – наречие *hyvin* от прилагательного *hyvä* ‘хороший, добрый’; в норвежском – *dugelig* ‘очень, чрезвычайно, весьма’ от значения прилагательного ‘годный, хороший, способный’.

7. Семантический признак ‘удивление’ лежит в основе лексико-семантической группы интенсификаторов *wundrum* и *wundorlīce*. На базе их первичной номинации ‘чудесный, удивительный’ формируется значение интенсивности у данных наречий. Интенсификаторы *wundrum* и *wundorlīce* восходят к существительному *wundor* ‘чудо, обстоятельство, вызывающее восхищение’. На основе этой семы у них развивается значение ‘в удивительной степени’, а их исходное лексическое значение заметно ослабевает, позволяя им сочетаться со словами не только положительной, но и отрицательной семантики: *wundrum fæger* ‘удивительно красивый’; *wundrum þrymlīc* ‘необыкновенно величественный’; *wundrum freórig* ‘необыкновенно холодный’; *wundrum heard* ‘необыкновенно прочный’; *wundrum wælgrim* ‘необыкновенно жестокий’. *Wundrum* и *wundorlīce* также определяют прилагательные и наречия, выражающие количество: *wundrum monigo* ‘необыкновенно многие’; *wundrum lytel* ‘удивительно мало’; *wundorlīce micel* ‘удивительно много’ [BTASD].

8. Интенсификатор *ungecyndelīce* образует лексико-семантическую группу с исходным признаком ‘отрицательная оценка’. Его производящее прилагательное *ungecyndelīc* ‘неестественный’ семантически связано с формой *ungecynde* ‘не королевского рода’. *Ungecyndelīce* выступает интенсификатором лишь в одном случае, приводимым словарем: *ungecyndelīce swīþe* ‘неестественно сильно’ [BTASD].

Таким образом, лексико-семантическое поле интенсивности в древнеанглийском языке представлено восемью лексико-семантическими группами интенсификаторов, сформированных на базе общих семантических признаков ‘сила’, ‘полнота’, ‘избыток’, ‘размер’, ‘пространство’, ‘удивление’, ‘положительная оценка’ и ‘отрицательная оценка’. Данные признаки образуют три концептуальные сферы (параметрические величины, эмотивность и оценка), из которых сфера параметрических величин выступает наиболее репрезентативной.

ЛИТЕРАТУРА

1. A New English Dictionary on Historical Principles : in 10 vol. / W.A. Craigie, Henry Bradley, C.T. Onions. – Oxford : Clarendon Press, 1928. – Vol. 10. – Pt. 2. – 1205 p.
2. Аракин, В.Д. История английского языка : учеб. пособие / В.Д. Аракин. – 2-е изд. – М. : ФИЗМАТЛИТ, 2003. – 272 с.

3. *Мальцев, В.А.* Английские эмоционально-усилительные наречия : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В.А. Мальцев ; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. – Л., 1964. – 24 с.
4. Oxford English Dictionary [Electronic resource]. – 2013. – Mode of access : <http://oxforddictionaries.com/definition/english/very?q=very> – Date of access : 25.03.2013.
5. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. – 2001. – Mode of access : <http://www.etymonline.com/index.php> – Date of access : 20.03.2013.
6. *Хмелевский, М.С.* Формирование разряда наречий-интенсификаторов в славянских языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.03 / М.С. Хмелевский ; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2003. – 18 с.

ИСТОЧНИК ПРИМЕРОВ

BTASD – Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access : <http://bosworth.ff.cuni.cz/> – Date of access : 20.03.2013.

The article is devoted to the analysis of intensifiers in Old English. The results of the analysis reveal that Old English intensifiers form eight lexico-semantic groups, each of which has its own features and patterns of intensification.

Поступила в редакцию 05.06.13

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

В.А. Арцёмава

АГУЛЬНАЕ І НАЦЫЯНАЛЬНА-СПЕЦЫФІЧНАЕ Ё РЭПРЭЗЕНТАЦЫІ
КАТЭГОРЫІ ПРАСТОРА Ё БЕЛАРУСКАЙ І АНГЛІЙСКАЙ ФРАЗЕАЛОГІІ

Артыкул прысвечаны параўнальна-супастаўляльнаму аналізу беларускіх і англійскіх фразеалагізмаў з прасторавай семантыкай. У праведзеным даследаванні ўстаноўлены семантычныя, структурныя і функцыянальна-стылёвыя характарыстыкі прасторавых беларускіх і англійскіх фразеалагізмаў. Выяўлена агульнае і нацыянальна-спецыфічнае ў іх значэннях і функцыянаванні, раскрыта іх ідэаэтычная маркіраванасць у перцептыўным, аксіялагічным, лінгвакультурным і сацыякультурным аспектах.

Катэгорыя прасторы як фундаментальная катэгорыя быцця не раз станавілася аб'ектам лінгвістычнага апісання [1; 2; 3; 4; 5]. Асаблівую значнасць сярод такіх даследаванняў набывае супастаўляльнае вывучэнне фразеафондаў неблізкароднасных моў [6; 7; 8]. Аб'ектам нашага даследавання сталі 588 беларускіх і 787 англійскіх прасторавых фразеалагічных адзінак (ФА), абраных метадам суцэльнай выбаркі з лексікаграфічных крыніц [БАРФС; МРБСППФ; НАРС; НБАРС; РАС; РАФС; СФ 1; СФ 2; ФС; ФСМТЯК; АН; ВНС; CALD; CCDI; CDAI; CDEI; CID; DAIPV; LDCE; LDEI; OALD; ODCIE 2] і размеркаваных па 4 мікрапалях: *перамяшчэнне, месцазнаходжанне, метрыка і тапалогія*.

Мікрапалі перамяшчэння ў беларускай і англійскай фразеасістэмах уключаюць наступныя семантычныя параметры: *фазавасць, напрамак, асяроддзе, сродак, характар і хуткасць перамяшчэння*. *Фазавасць* маніфестуецца фразеасемантычнымі падгрупамі *пачатак перамяшчэння, канец перамяшчэння, прыход/прыезд/з'яўленне, адыход/ад'езд/знікненне*. У параўнанні з пачаткам (6 беларускіх і 6 англійскіх ФА) параметр *канец перамяшчэння* характарызуецца значнай рэпрэзентатыўнасцю (42 беларускія і 51 англійская ФА). Канец перамяшчэння ўспрымаецца негатыўна і можа быць абумоўлены: 1) моцнымі эмоцыямі, стрэсам – *як прычараваны* [ФСМТЯК], *as though entranced* [НБАРС]; 2) падзеннем – *з капытоў далоў* [СФ 1], *be swept off one's feet* [DAIPV]; 3) абмежаванасцю рэсурсаў арганізма – *на нагах не трымацца* [СФ 2], *be ready to drop* 'не магчы хадзіць, рухацца ад стомленасці, слабасці, хваробы' [LDEI]; 4) неспрыяльнымі знешнімі абставінамі для руху – *ні туды ні сюды* [СФ 2], *stick fast* [НБАРС]; 5) адсутнасцю перамяшчэння – *ні кроку* [СФ1], *not budge an inch* 'быць у тым жа самым становішчы' [LDCE]; 6) уладкаваннем на пастаяннае месца жыхарства – *кідаць якар* [СФ 1], *cast anchor* [CDEI].

Аналіз беларускіх і англійскіх ФА фразеасемантычнай падгрупы прыход/прыезд/з'яўленне паказаў, што прыход, прыезд, з'яўленне суб'екта без папярэджання ў беларускай і англійскай лінгвакультурах – непажаданы. Пра гэта сведчаць лексемы з семантыкай 1) адмоўных міфалагічных феноменаў *вецер, ліха, халера* ў структуры беларускіх ФА – *ліха нясе* [СФ 1]; 2) хрысціянскіх антыподаў Бога ў структуры беларускіх і англійскіх ФА – *нялёгкая, нячыстая сіла; нячысцік; нялёгкая нясе* [СФ 2]; *deuce, dickens, devil* ‘чорт, д’ябал’, *what the deuce brings* ‘які чорт нясе’ [РАФС]; 3) цёмнага колеру ў структуры англійскіх ФА – *darken somebody's door*, дзе *darken* ‘зацямяць’ [LDEI]. Адыход і ад’езд звязаны з інстынктам самазахавання – *падмазваць пяткі* [СФ 2], *take to one's heels* [CID]), а *знікненне* – з немагчымасцю назіраць аб’ект зрокам – *знікаць з вачэй* [СФ 1], *get out of sight* [DAIPV], яго разбурэннем ці знішчэннем – *ісці дымам* [СФ 1], *go up in smoke* [LDEI].

Устаноўлена, што на прамак перамяшчэння ў беларускай і англійскай фразеасістэмах мае тры тыпы: *адкуль* – з *усіх бакоў* [СФ 1], *from all sides* [LDEI], *куды* – *куды вочы нясуць* [СФ 1], *follow one's nose* [LDEI] і *адкуль/куды* – *то туды то сюды* [СФ 2], *hither and thither* [ODCIE 2]. Зыходны пункт *адкуль* і канечны *куды* – месцы, што характарызуюцца аддаленасцю і неакрэсленасцю – *к чорту на рогі* [СФ 2], *to the middle of nowhere* ‘у вельмі аддаленае месца’ [CALD]. Выяўленая колькасная асіметрыя зыходнага (9 беларускіх і 9 англійскіх ФА) і канечнага пунктаў (48 беларускіх і 51 англійская ФА) абумоўлена накіраванасцю органаў зрокавай перцепцыі чалавека наперад і большай камунікатыўнай значнасцю канечнага пункта як мэты перамяшчэння.

Перамяшчэнне *адкуль/куды* можа ажыццяўляцца ў межах адкрытай, кантынуальнай: *туды і сюды* [СФ 2], *hither and thither* [ODCIE 2] або абмежаванай, закрытай прасторы ў гарызантальнай: *з краю да краю* [СФ 1], *from end to end* [АН] – ці гарызантальна-вертыкальнай плоскасці: *уздоўж і ўпоперак* [СФ 2], *the length and breadth of something* [ODCIE 2]. Разам з семантыкай ‘напрамак руху’ ў беларускіх і англійскіх ФА рэпрэзентуюцца: а) табуяваныя сферы жыцця чалавека – *куды і каралі няшком ходзяць* [СФ 1], *take a leak* [CID]; *за краты* [СФ 1], *behind bars* [LDEI]; б) шляхі сацыялізацыі чалавека ў грамадстве (*навылятаць з гнязда* [СФ 2], *fly the nest* [CCDI]).

Беларуская і англійская прасторавыя фразеасістэмы характарызуюцца антрапацэнтрычнасцю, паколькі асноўным суб'ектам руху выступае чалавек, які перамяшчаецца ў прыдатным для яго асяроддзі – зямной паверхні, пры дапамозе сродка перамяшчэння – пешшу: *біць ногі* [СФ 1], *walk one's feet/legs off* [DAIPV].

Характар перамяшчэння – гэта рух, пры якім застаецца ўражанне аб лёгкасці ці грузнасці, грацыёзнасці ці нязграбнасці. У беларускай і англійскай фразеасістэмах маніфестуецца перамяшчэнне на пальцах ног: *на дыбачках* [СФ 1], *on one's tiptoe* [LDCE], на руках і нагах адначасова:

на карачках [СФ 2], *on all fours* ‘на чацьвярэнках’ [CDAI], у стане алкагольнага ап’янення: *на вушах* [СФ 1], *under the influence* [LDEI], нязграбна: *як мядзведзь* [ФСМТЯК], *like a bull in a china shop* [ODCIE 2]. Нязграбнасць руху вобразна звязана са звычкамі жывёл і птушак: для беларусаў – гэта *слон* і *мядзведзь*, для англічан – *бык*.

Аб’екты перамяшчаюцца ў прасторы з пэўнай хуткасцю. Устаноўлена, што *х у т к а с ц ь* – самая значная кінетычная характарыстыка, пра што сведчыць колькасная напаўняльнасць гэтай фразеасемантычнай групы: 89 беларускіх (15,1 %) і 123 англійскія ФА (15,6 %). Аб’екты могуць перамяшчацца *хутка*, *павольна* ці, калі іх два або больш, з *аднолькавай хуткасцю*. *Х у т к а е* перамяшчэнне мае агульную станоўчую канатацыю і вобразна звязана 1) з аўтаномнымі рухамі частак цела чалавека: *як вокам згледзець* [СФ 1], *in the twinkling of an eye* [LDEI]); 2) з максімальнымі фізічнымі магчымасцямі: *што ёсць сілы* [СФ 2], *with all one’s might* [LDEI]; 3) з афектным псіхічным станам: *як апантаны* [ФС], *like a man possessed* [CID]; 4) з сіламі і з’явамі прыроды: з *ветрыкам* [СФ 1], *like the wind* [ODCIE 2]; 5) з транспартнымі сродкамі: *на ўсіх парусах* [СФ 2], *under full sail* [CDEI]; 6) з міфалагічнымі ўяўленнямі і адмоўнымі хрысціянскімі феноменамі: *без душы* [СФ 1], *like the devil* [DAIPV]; 7) з вельмі кароткімі прамежкамі часу, якія цяжка фіксуюцца свядомасцю чалавека: *у адзін момант* [СФ 2], *in a moment* [CDAI].

Перамяшчэнне *п а в о л ь н а*, наадварот, ацэньваецца негатыўна, паколькі выклікана стомленасцю, слабасцю, хваробай: *ледзь ногі цягаць* [СФ 2], *scarcely drag one foot after the other* [НБАРС], з ляготай, нежаданнем, незацікаўленасцю моўцы ў перамяшчэнні: *нага за нагу* [СФ 2], *hardly put one foot in front of the other* [DAIPV], адсутнасцю прычын для спешкі: *не на пажар* [СФ 2], *where’s the fire?* [DAIPV]. Нерэпрэзентатыўнасць падгрупы з *аднолькавай хуткасцю* (6 беларускіх і 3 англійскія ФА) сведчыць пра адлюстраванне ў даследаваных фразеасістэмах максімальнай ці мінімальнай хуткасці перамяшчэння.

Мікрапалі *м е с ц а з н а х о д ж а н н я* аб’ядноўваюць беларускія і англійскія фразеалагізмы, што рэпрэзентуюць арыентацыйныя прасторавыя ўласцівасці з пазначэннем блізкасці/аддаленасці (*блізка/недалёка, далёка, высока*) і без пазначэння блізкасці/аддаленасці (*знаходжанне ў адным месцы, знаходжанне ў розных месцах, знаходжанне нідзе*).

Лакалізацыя аб’екта з пазначэннем блізкасці/аддаленасці апісваецца трохкампанентнай гарызантальнай прасторавай мадэллю *блізка – недалёка – далёка*. Значная колькасць беларускіх і англійскіх ФА з семантыкай ‘блізка’, іх ужыванне з актуальнымі прэдыкатамі *высіцца, чарнець* і пад., наяўнасць у іх структуры саматызмаў: *вока ў вока* [СФ 1], *eyeball to eyeball* [CID], вобразная сувязь з прадметамі і з’явамі жыцця чалавека: *плот у плот* [МРБСППФ], *right next door* [LDEI] сведчаць пра самата-антрапацэнтрычны характар блізкай прасторы. ФА са значэннем ‘недалёка’ эксплікуюць

месцазнаходжанне аб'екта па-за межамі тактыльнай перцэптыўнай прасторы назіральніка, але не выключаюць магчымасці гэты аб'ект убачыць ці дайсці да яго за невялікі прамежак часу: у *трох кроках* [ФСМТЯК], *within two steps* [НАРС]. Фразаалагізмы з семантыкай 'далёка', звязаныя з вобразамі краю, мяжы (*на краі свету* [СФ 1], *at the end of the earth* [НАРС]), пазначаюць месцазнаходжанне аб'екта па-за межамі перцэптыўных магчымасцей назіральніка, пра што сведчаць адсутнасць саматызмаў у структуры ФА гэтай падгрупы і іх ужыванне з неактуальнымі прэдыкатамі *быць, жыць* і пад. [9, с. 52]: *Я ў чорта на кулічках жыўу. Праводзіць мяне не трэба* (А. Асіпенка); *Jack isn't happy about the idea of living in the middle of nowhere* 'Джэк не ў захапленні ад ідэі *жыць у чорта на кулічках*' (Е. Cody Kimmel).

Як паказала даследаванне, беларусам уласцівы выкарыстанне дзесяткова-дзсятковай сістэмы вылічэння (*за трыдзець зямель* [СФ 1], *за дзясятай гарой* [Тамсама]) і зрокавага аналізатара пры ўстанаўленні адлегласці ад аб'екта (*за вачамі* [Тамсама]). Носьбіты англійскай мовы вызначаюць аддаленую лакалізацыю аб'екта пры дапамозе слыху (*out of hail* 'далёка' [НАРС]). Яркія вобразы беларускай міфалогіі і фальклору *воран, камар* у фразеалагізмах *воран касцей не занясе* [ФС], *дзе камар козы пасе* [МРБСППФ]: дэтэрмінуюць іх экспрэсіўнасць, адмоўную канатацыю і канстатуюць міфалагізаванае ўспрыманне беларусамі далёкага месцазнаходжання.

Англійскія ФА з пазначэннем аддаленасці вобразна звязаны з задняй часткай аб'екта (*at the back of beyond*, дзе *back* 'спіна' [LDEI]), пазбаўлены канатацыі, з'яўляюцца нейтральнымі і рэпрэзентуюць культурна-маркіраваную структуру міжасобаснай прасторы чалавека (*keep someone or something at arm's length* 'захоўваць ступень фізічнай або сацыяльнай аддаленасці ад каго-небудзь ці чаго-небудзь' [LDEI]). Вертыкальнае вымярэнне *высока* (з *вышыні птушынага палёту* [СФ 1], *a bird's eye view* [ODCIE 2]) у беларускай і англійскай фразеалогіі прадстаўлена нязначна: 2 беларускія і 2 англійскія ФА.

Месцазнаходжанне без пазначэння блізкасці / аддаленасці ўключае наступныя фразеасемантычныя падгрупы: *знаходжанне ў адным месцы, знаходжанне ў розных месцах, знаходжанне нідзе*.

Знаходжанне ў адным месцы рэалізуецца ў беларускай і англійскай фразеасістэмах праз трохкампанентную вертыкальную прасторавую мадэль *добрае/роднае/вядомае месца – канкрэтнае месцазнаходжанне – дрэннае, чужое, невядомае месца*. Беларускія і англійскія ФА фразеасемантычнай падгрупы *добрае/роднае/вядомае месца*, асацыятыўна звязаныя з постміфалагічнымі феноменамі *Бог, нябеснае царства*, маюць адабральную канатацыю і сведчаць пра асэнсаванне асвоенай, вядомай і бяспечнай прасторы ў хрысціянскай культурнай традыцыі: *царства нябеснае* [СФ 2], *the kingdom of heaven* [НБАРС].

Канстытуенты фразеасемантычнай падгрупы канкрэтнае месца знаходжанне рэпрэзентуюць каардынатна-арыентаваную лакалізацыю аб'екта ў полі зроку: *на віду* [СФ 1], *in full view* [НБАРС], на адкрытай прасторы: *на свежым наветры* [СФ 2], *in the open air* [ВНС], справа: *на правую руку* [СФ 2], *at the right hand side* [РАС] ці злева: *на левую руку* [СФ 2], *at the left hand side* [НАРС]). Яны з'яўляюцца нейтральнымі і характарызуюцца адсутнасцю ў іх структуры лексемтапонімаў. Разам з тым англійскія ФА змяшчаюць культурна-гістарычную інфармацыю пра сацыяльную структуру англамоўнага грамадства. Так, у ФА *sit above the salt* [НАРС] і *sit below the salt* [Тамсама] адлюстравана даўняя традыцыя: у час прыёму ежы шляхетных гасцей саджалі бліжэй да сальніцы (*above the salt*), а бязродных гасцей, бедных сваякоў і слуг – далей ад сальніцы (*below the salt*).

Беларускія і англійскія ФА падгрупы дрэннае/чужое/невядомае месца пазначаюць лакалізацыю аб'екта на мяжы альбо па-за межамі зрокавага, слыхавога ці нюхальнага ўспрымання на максімальнай адлегласці ад назіральніка. Вобразная сувязь беларускіх ФА гэтай падгрупы з дахрысціянскімі феноменамі *агонь, вятры, грывоты, кадук, ліха, пярун, халера* абумоўлівае іх негатыўную канатацыю, прыналежнасць да прастамоўнага рэгістра і сведчыць пра міфалагічнае асэнсаванне беларусамі невядомай лакалізацыі: *кадук яго ведае дзе* [СФ 1]. Англійскім ФА са значэннем 'дрэннае, чужое, невядомае месца' не ўласціва падобная разнастайнасць фальклорных феноменаў. Тут вобразнай асновай выступаюць суцэльныя прасторавыя локусы, што знаходзяцца ўнізе па вертыкалі (*the lower world* – літаральна 'ніжні свет' – 'пекла' [НБАРС]) ці на супрацьлеглым баку па гарызанталі (*on the wrong side of the tracks* – літаральна 'з таго боку чыгуначнага шляху' – 'з непрэстыжнай часткі горада' [LDEI]). Яны характарызуюцца нейтральнасцю ў плане эмоцый. Побач з міфалагічнымі персанажамі ў беларускіх ФА і цэльнымі локусамі ў англійскіх ФА са значэннем 'дрэннае, чужое, невядомае месца' прысутнічаюць феномены постміфалагічных канцэпцый свету – хрысціянства і мусульманства: *Бог, Алах, God, devil: Бог ведае дзе* [СФ 1], *God knows where* [ВНС]. Постміфалагічныя феномены і фальклорныя істоты ёсць найвышэйшыя нададрасаты, таму беларускія і англійскія ФА гэтай падгрупы можна лічыць эвідэнцыяльнымі сродкамі з экспліцытным указаннем на крыніцу паведамлення.

Беларускія і англійскія ФА фразеасемантычнай падгрупы знаходжанне ў розных месцах рэпрэзентуюць лакалізацыю, абмежаваную магчымасцямі зрокавай перцэпцыі назіральніка. Яна можа быць пастаяннай: *там і тут* [СФ 2], *here and there* [ODCIE 2], перыядычнай: *то там то сям*, [СФ 2], *now here now there* [LDEI] і ажыццяўляецца гарызантальна. Семантыка лакалізацыі такога тыпу ў беларускіх і англійскіх ФА эксплікуецца дэйктычнымі займеннікамі *тут, там, here, there, hither, thither* і лексемамі-інтэнсіфікатарамі *кожны, every*. Апрача гэтага, англійскія

ФА гэтай падгрупы нярэдка ўключаюць лексемы-тапонімы тыпу *China* і дэлімітатыўныя прыназоўнікі *from* і *to*: *from China to Peru* [ODCIE 2]. Прасторавая лакалізацыя ў розных месцах, пазначаная беларускімі ФА, дэтэрмінуецца пераважна полем зроку назіральніка ў гарызантальнай плоскасці: *куды ні кінеш вокам* [ФСМТЯК]. У англійскай фразеасістэме знаходжанне аб'екта ў розных месцах можа быць не толькі гарызантальным, але і вертыкальным: *high and low* – літаральна 'уверсе і ўнізе' – 'паўсюль' [ODCIE 2].

Нерэпрэзентатыўнасць тыпу лакалізацыі – з н а х о д ж а н н е н і д з е: *ні тут ні там* [ФСМТЯК], *neither here nor there* [РАС] – адлюстроўвае рэчыўную мадэль прасторы ў беларускай і англійскай фразеасістэмах.

Мікрапалі м е т р ы к і аб'ядноўваюць беларускія і англійскія фразеалагізмы, што пазначаюць памеравыя прасторавыя ўласцівасці, прадстаўленыя наступнымі фразеасемантычнымі групамі і падгрупамі: п а м е р (*вялікі, малы, аднолькавага памеру*), д а ў ж ы н ы а (*кароткі*), г л ы б і н ы (*неглыбокі*) і к а н т ы н у а л ь н а с ц ь (*працягласць, абмежаванасць*). Як паказаў аналіз беларускага і англійскага фактаграфічнага матэрыялу, аб'екты могуць быць *вялікімі, малымі*, а таксама *аднолькавага памеру*. *Вялікімі* бываюць: чалавек – *вярста каломенская* [СФ 1], *a long drink of water* [DAIPV], дрэвы і расліны – *гамоніць з небам* [СФ 1], *high as the sky* [DAIPV]. Разам з семай 'велічыня' актуалізуюцца дадатковыя семы 'дужы': *хоць у плуг запрагай* [СФ 2], *built like a tank* 'магутнага складу, дужы' [CID] і 'ганарлівы': *не бачыць ног за пузам* [ФСМТЯК], *a fat cat* 'таўстапузы, багаты, ганарлівы' [DAIPV].

Значэнне 'малы' ствараецца пры дапамозе зааморфнай метафары на аснове параўнання з жывёламі маленькага памеру. Для беларусаў – гэта *верабей*: *з вераб'іны нос* [СФ 2]), *жаба*: *жабе па калена* [Тамсама], *варона*: *варона ў дзюбе панесці можа* [Тамсама]; для носьбітаў англійскай мовы – *duck* (*knee-high to a duck* [НАРС], *grasshopper*: *knee-high to a grasshopper* [НАРС], *jackrabbit*: *knee-high to a jackrabbit* [Тамсама]. Нерэпрэзентатыўнасць беларускіх і англійскіх ФА падгрупы *аднолькавага памеру* (5 беларускіх і 1 англійская ФА) – *адзін над адзін* [СФ 1], *two of a kind* [DAIPV] сведчыць пра адлюстраванне ў даследаваных фразеасістэмах неэталонных якасцей аб'ектаў, што ўспрымаюцца беларусамі і англічанамі як адхіленні ад нарматыўных паказчыкаў і суправаджаюцца неадабральнай або іранічнай канатацыяй. Характарыстыкі *кароткі* і *неглыбокі* прадстаўлены 2 беларускімі ФА і 2 англійскімі ФА: *на жабін скок* [СФ 2], *no distance at all* [НАРС], *жабе па калена* [СФ 2], *up to one's knees* [DAIPV].

Выяўлена, што беларускія і англійскія ФА з метрычнай семантыкай адлюстроўваюць гэндарныя стэрэатыпы. Эталоны мужнасці – гэта шырокія плечы, высокі рост: *касы сажань у плячах* [СФ 2], *built like a brick outhouse* [CID]. Высмейваюцца адвіслы живот, лішняя вага (як *кадзь*, *as big around as a molasses barrel* 'поўны, тоўсты'): *Сам ён тоўсценькі*

як кадзь, // І нізкі, і кругленькі (Я. Колас) ; *He ate till he was as big around as a molasses barrel* ‘Ён еў, пакуль не стаў тоўстым як кадзь’ [DAIPV].

Нацыянальна-спецыфічныя рысы рэпрэзентацыі параметрычных характарыстык праяўляюцца ў несупадзенні 1) аб’ектаў для вымярэння: *нос* у беларускай фразеасістэме (*на дваіх нос ды аднаму дастаўся* [СФ 2]) – і *ягадзіцы* ў англійскай (*broad in the beam* ‘таўстазады’, дзе *beam* ‘самая шырокая частка карабля’ [LDEI]); 2) стрыжнёвых кампанентаў, звязаных з нацыянальна-культурнымі рэаліямі (*як плаха*, дзе *плаха* – ‘кавалак расколатага ўздоўж бярвяна’ [ФСМТЯК]; *as fat as an alderman*, дзе *alderman* ‘член савета раёна’ [НАРС]); 3) метрычных прататыпаў (*варона, верабей, жаба, сабака і duck, grasshopper, jackrabbit, cat*).

Кантынуальнасць прасторы вызначаецца магчымасцямі чалавека ахапіць межы аб’екта зрокам (*не згледзець канца-краю* [СФ 2], *as far as the eye can see* [НАРС]) і тыпам дамінантнага прыроднага ландшафту. Працягласць у прасторы асацыіруецца са свабодай і атрымлівае станоўчую канатацыю. Прасторавая *абмежаванасць* звязана ў беларусаў з недахопам зямельных рэсурсаў для гаспадаркі: *як старой бабе сесці* [СФ 2]. У англійскай лінгвакультуры яна дэтэрмінавана межамі асобаснай прасторы назіральніка, парушэнне якой ацэньваецца негатыўна: *sit on the thin edge of nothing* – літаральна ‘сядзець на вузкім краі нічога’ – ‘з цяжкасцю змяшчацца’ [БАРФС].

Тапалогія рэалізуецца праз форму. Англійскія ФА рэпрэзентуюць параметры ‘круглы’ (*as round as a ball* ‘круглы як шар’ [BNC]), ‘плоскі’ (*flat as a board* ‘плоскі як дошка’ [DAIPV]), ‘прамы’ (*as straight as a ramrod* ‘прамы як шомпал’ [ODCIE 2]), а таксама характарызуюць аб’екты спецыфічнай формы (*like a sack of potatoes* ‘як мяшок з бульбай’ [Тамсама]). У беларускай фразеасістэме была выяўлена 1 ФА са значэннем ‘форма’ (*над гаршчок надстрыгаць* [СФ 1]). Значнае колькаснае перавышэнне ФА з метрычнай семантыкай над ФА са значэннем ‘форма’ фіксуе канцэптуалізацыю аб’екта пераважна метрычным спосабам, а рэпрэзентатывнасць дзеяслоўных і прыслоўных ФА сведчыць пра працэсуальна-акалічнасны характар прасторавай мадэлі ў беларускай і англійскай фразеасістэмах.

Такім чынам, агульнымі характарыстыкамі фразеалагічнай рэпрэзентацыі катэгорыі прасторы ў беларускай і англійскай мовах з’яўляецца яе *антрапацэнтрычнасць, непарывнасць з часам, акалічнасна-працэсуальны характар*. Нацыянальна-спецыфічныя асаблівасці праяўляюцца ў наступных аспектах: *перцэптыўным* (эксплікацыя беларускімі фразеалагізмамі ўспрымання прасторы пераважна зрокам, фіксацыя англійскімі ідыёмамі магчымасці яе слыхавой перцэпцыі); *аксіялагічным* (значная ступень эматыўнасці беларускіх фразеалагізмаў, нейтральнасць ў плане эмоцый англійскіх ідыём); *лінгвакультурным* (сувязь унутранай формы беларускіх фразеалагізмаў з міфалогіяй і фальклорам, сувязь унутранай формы англійскіх адзінак з хрысціянскай традыцыяй); *сацыякультурным* (рэпрэзентацыя англійскімі ідыёмамі сацыяльнага структуравання англамоўнага

грамадства, маніфестацыя беларускімі фразеалагізмамі дапушчэння меншай адлегласці між удзельнікамі камунікацыі).

ЛІТАРАТУРА

1. *Богуславская, О.Ю.* Динамика и статика в семантике пространственных прилагательных / О.Ю. Богуславская // Логический анализ языка. Языки пространств : сб. ст. / Ин-т языкознания РАН ; отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М. : Языки рус. культуры, 2000. – С. 20–29.
2. *Гак, В.Г.* Функционально-семантическое поле предикатов локализации / В.Г. Гак // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / А.В. Бондарко [и др.] ; Ин-т лингв. исслед. РАН. – М., 1996. – С. 6–26.
3. *Кодзасов, С.В.* Фонетическая символика пространства (семантика долготы и краткости) / С.В. Кодзасов // Логический анализ языка. Языки пространств : сб. ст. / Ин-т языкознания РАН; отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М. : Языки рус. культуры, 2000. – С. 227–238.
4. *Засорина, Л.Н.* Грамматика локативных сочетаний русского языка: проблема синонимии предлогов и наречий : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Л.А. Засорина ; Ин-т рус. яз. АН СССР. – М., 1977. – 44 с.
5. *Мазур, Л.Я.* Катэгорыя прасторы як аб’ект лінгвістычнага вывучэння / А.Я. Мазур // Беларуская лінгвістыка / Ин-т мовы і літ. НАН Беларусі ; рэдкал. : А.А. Лукашанец (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2005. – Вып. 55. – С. 62–68.
6. *Игнатьева, М.Э.* Отражение времени и пространства во фразеологии русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Э.М. Игнатьева. – Казань, 2004. – 176 л.
7. *Кузьмич, И.Н.* Референция к пространству и времени как элемент языковой картины мира : На материале североамериканского варианта английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И.Н. Кузьмич. – Минск, 2004. – 164 л.
8. *Лаврищева, Е.В.* Способы репрезентации пространственных отношений: на примере соматических фразеологизмов в русском и немецком языках / Е.В. Лаврищева // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. – 2008. – № 2. – С. 57–59.
9. *Булыгина, Т.В.* Языковая концептуализация мира / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М. : Языки рус. культуры, 1997. – 576 с.

КРЫНІЦЫ ПРЫКЛАДАЎ

- БАРФС – *Кунин, А.В.* Большой англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. – М. : Рус. яз., 2005.
- МРБСППФ – *Санько, З.* Малы расейска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем / З. Санько. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991.
- НАРС – Новый англо-русский словарь / В.К. Мюллер [и др.]. – М. : Рус. яз., 1995.

НБАРС– Новый большой англо-русский словарь : в 3 т. / ред. Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова. – М. : Рус. яз., 1993–1994 [Электронный ресурс] / Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова. – Режим доступа : <http://www.classes.ru/dictionary-english-russian-Apresyan-term-110511.html>. – Дата доступа : 10.09.2011.

РАС – *Смирницкий, А.И.* Русско-английский словарь / А.И. Смирницкий. – М. : Рус. яз., 1995.

РАФС – *Квеселевич, Д.И.* Русско-английский фразеологический словарь / Д.И. Квеселевич. – М. : Рус. яз., 1998.

СФ 1 – *Лепешаў, І.Я.* Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І.Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2008. – Т.1. А–Л.

СФ 2 – *Лепешаў, І.Я.* Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2008. – Т.2. М–Я.

ФС – *Янкоўскі, Ф.М.* Фразеалагічны слоўнік / Ф.М. Янкоўскі. – Мінск : Нар. асвета, 1973.

ФСМТЯК – *Аксамітаў, А.С.* Фразеалагічны слоўнік мовы твораў Я. Коласа / А.С. Аксамітаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993.

АН – *Ammer, C.* The American Heritage / C. Ammer // Dictionary of Idioms [Electronic resource]. – 2000. – Mode of access : <http://idioms.thefreedictionary.com>. – Date of access : 14.10.2011.

BNC – The British National Corpus [Electronic resource]. – Oxford, 2010–2012. – Mode of access : <http://www.natcorp.ox.ac.uk>. – Date of access : 14.05.2010.

CALD – Cambridge Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access : <http://www.cambridge.org/dictionary/british>. – Date of access : 05.05.2010.

CCDI – *Sinclair, J.* Collins Cobuild Dictionary of Idioms / J. Sinclair. – London : Collins Publ., 1995.

CDAI – Cambridge Dictionary of American Idioms [Electronic resource]. – Mode of access : <http://idioms.thefreedictionary.com>. – Date of access : 03.04.2010.

CDEI – *Freeman, W.* Concise Dictionary of English Idioms / W. Freeman. – London : Hodder a. Stoughton, 1982.

CID – Cambridge Idioms Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <http://idioms.thefreedictionary.com>. – Date of access : 12.04.2010.

DAIPV – *Spears, R.* McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs / R. Spears [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access : <http://www.idioms.thefreedictionary.com>. – Date of access : 03.03.2010.

LDCE– *Long, Th.H.* Longman Dictionary of English idioms / Th.H. Long. – London : Longman, 1987.

LDEI – *Long, Th.H.* Longman Dictionary of English Idioms / Th.H. Long. – London : Longman, 1987.

OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. – Electronic text data and program (10 Mb). – Oxford : Oxford Univ. Press, 2000. – 1 electronic optical disk (CD-ROM).

The article is devoted to the comparative analysis of the Belarusian and English idioms with spatial semantics. The semantic, structural and functional-stylistic features of the spatial Belarusian and English phraseological units have been revealed. The universal characteristics and national peculiarities in their semantics and functions have been defined.

Поступила в редакцию 30.04.13

Т.Ю. Васильева

ОБЪЕМ И СТРУКТУРА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ» В ОЙКОНИМИИ БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ

В статье на материале ойконимов Белорусского Поозерья определяется объем и структура семантического поля «Местонахождение», отражающего один из магистральных способов восприятия места поселения носителями топонимической системы; выявляются семантические модели, входящие в состав выделенного поля; устанавливается, что доминирующим в данном семантическом поле является способ восприятия места поселения как «вмещаемого», т.е. как объекта, включенного в определенное пространство, характеризующееся наличием известных географических объектов-ориентиров.

В современной лингвистике большое внимание уделяется проблеме реконструирования языковой *картины мира*, которая решается в рамках когнитивной лингвистики, этнолингвистики, лингвокультурологии в работах Е.Л. Березович, В.В. Воробьева, Е.С. Кубряковой, В.А. Масловой, Ю.Д. Апресяна, Ю.Н. Караулова, В.И. Постоваловой, М.Э. Рут, Б.А. Серебренникова, Ю.С. Степанова и др. Как известно, составляющими картины мира являются ментальные концепты и ментальные образы, которые структурируются на основе выделения семантических полей, отражающих способы языковой концептуализации окружающей действительности.

Поскольку имена собственные обладают значительным историко-культурным информационным потенциалом, вполне закономерным представляется обращение к исследованию топонимического материала как ценнейшего источника информации о специфических чертах картины мира, присущей определенному этносу. Так, выделение и описание семантических полей топонимов для моделирования определенного фрагмента языковой картины мира проводится в работах российских исследователей Е.Л. Березович, С.П. Васильевой, Е.Ф. Ковлакас.

Материалом данного исследования послужили названия населенных пунктов Белорусского Поозерья, в результате анализа которых были выделены семантические поля «Местожителство» и «Местонахождение»,

отражающие магистральные способы восприятия места поселения носителями топонимической системы региона.

Целью данной статьи является определение объема и структуры семантического поля «Местонахождение», установление семантических моделей, входящих в состав данного поля.

В семантическом поле «Местонахождение» фиксируются два способа восприятия места поселения. *Первый способ* базируется на восприятии места поселения как «вмещаемого», объекта, включенного в определенное пространство, характеризующееся наличием различных географических реалий, относительно которых развивается топонимация. *Второй способ* характеризует место поселения как отдельный участок, «вместилище» определенного объекта. Выделение данных способов восприятия места поселения позволило разделить ойконимы, входящие в состав семантического поля «Местонахождение», на две группы:

1. Ойконимы, реализующие модель «место – “вмещаемое”», насчитывают 1140 единиц (22,7 % от общего количества ойконимов региона).

В основах топонимов данной модели содержится указание на географический объект-ориентир, относительно которого развивается топонимическая номинация. В качестве ориентирующих объектов могут восприниматься географические реалии естественного и искусственного происхождения.

Самыми древними среди названий, реализующих модель «место – “вмещаемое”», являются отгидронимные ойконимы, представляющие собой «наиболее устойчивый и самый древний пласт в топонимической системе любого региона» [1, с. 8]. М.А. Ююкин, занимающийся изучением древнерусской ойконимии IX–XIII вв., отмечает, что наименования поселений, мотивированные гидронимами, составляют около половины от общего количества древнейших названий населенных пунктов Полоцкой земли [2, с. 194]. К наиболее древним отгидронимным образованиям исследователи относят ойконимы с суффиксом *-ск* [3, с. 92], маркирующим отношение к месту: *Витебск* ‘город на р. *Витьба*’, *Полоцк* ‘город на р. *Полота*’ и др.

На раннем этапе освоение пространства происходило путем обозначения природных географических объектов, важнейшими из них являлись реки и озера, по берегам которых, как свидетельствуют древние источники, в первую очередь расселялось земледельческое население Беларуси. Названия рек и озер служили ориентирами на местности и формировали центр топонимической системы, вокруг которого развивалась топонимация. Использование гидронимов в качестве названий населенных пунктов имело целью фиксацию места расположения поселения на берегу реки или озера, что позволяло вписать населенный пункт в топонимический ландшафт, привязать к уже обозначенному естественному объекту-ориентирu: оз. *Вымно* – д. *Вымно*, оз. *Иказнь* – д. *Иказнь*, оз. *Лисно* – д. *Лисно*, оз. *Оконо* – д. *Оконо*, оз. *Опса* – д. *Опса*, оз. *Орля* – д. *Орля*, оз. *Освея* – г.п. *Освея*, оз. *Плино* – д. *Плино*, оз. *Усая* – д. *Усая*, оз. *Усвея* – д. *Усвея*, оз. *Черя* – д. *Черя* и др.; р. *Бикложя* – д. *Бикложя*, р. *Выдрея* – п. *Выдрея*, р. *Полота* –

д. *Полота* и др. В период возникновения приведенные ойконимы представляли собой описательные обороты, содержащие указание на расположение поселения вблизи соответствующего гидрографического объекта. На данный факт указывает В.А. Никонов, описывая процесс образования названия города *Москва* из описательного оборота «город (т.е. крепость) на *Москва-реке*» [4, с. 19].

На исследуемой территории отмечены отгидронимные образования, указывающие на жителей определенной местности: *Бужаны* < *бужане*, *бужаны* ‘те, кто живет на оз. *Буже*’, *Важаны* < *важане*, *важаны* ‘те, кто живет на оз. *Важса*’, *Каспяны* < *каспяне*, *каспяны* ‘те, кто живет на р. *Каспля*, приток *Зап. Двины*’, *Рычаны* < *рычане*, *рычаны* ‘те, кто живет на оз. *Ричи*’, *Сосняны* < *сосняне*, *сосняны* ‘те, кто живет на оз. *Сосна*’, *Усяны* < *усяне*, *усяны* ‘те, кто живет на р. *Уса*’. Отгидронимными по происхождению являются ойконимы *Вязьмичи*, *Клевцы*, *Кубличи*, *Пневичи*, *Чернявцы*, возникшие по аналогии с древними апеллятивными названиями жителей по реке, на которой они жили [3, с. 133]: *Вязьмичи* < *вязьмичи* ‘те, кто живет по реке *Вязьма*’, *Клевцы* < *клевы* ‘те, кто живет по реке *Клева*’, *Кубличи* < *кубличи* ‘те, кто живет по реке *Кубля*’, *Пневичи* < *пневичи* ‘те, кто живет по реке *Пнёвка*’, *Чернявцы* < *чернявцы* ‘те, кто живет по реке *Чернява*’. Особенность приведенных отгидронимных образований заключается в том, что подобные названия не только характеризуют место поселения как местоительство коллектива людей, но и включают его в определенное пространство, характеризующееся наличием гидрографического объекта. Следовательно, подобные ойконимы располагаются на пересечении семантических полей «Местоительство» и «Местонахождение». Данное наблюдение согласуется с положением Е.Л. Березович о том, что семантические поля, структурирующие ономастическое пространство, могут пересекаться; семантическое пространство «характеризуется плавностью переходов от одной смысловой зоны к другой» [5, с. 292].

Длительным периодом функционирования характеризуются ойконимы, мотивированные названиями естественных объектов, в основах которых фиксируются локативы со значением ‘неограниченное пространство’. «Основной семантический признак таких локативов – значение открытой поверхности, площади, места, свободно распределенного в пространстве и только условно ограниченного (равнина, лесостепь, взгорье и др.)» [6, л. 79].

На стадии возникновения названия населенных пунктов, сформированные на базе локативов со значением ‘неограниченное пространство’, представляли собой описательные конструкции, характеризующие местоположение поселения относительно естественного географического объекта-ориентира. Изучение ойконимии региона позволило установить, что основными объектными приоритетами, относительно которых развивается топонимация, являются *лес*, *болото*, *гора*, *озеро*, *река*: *Залесье* (16), *Мижлесье*; *Заболотье* (18), *Забелье* (3), *Замошье*; *Загорное*, *Загорье* (4),

Загрядье и др. Полученные результаты частично коррелируют с данными Т.Н. Олиферчик, выделившей в качестве объектных приоритетов в топонимии Западного Полесья три ландшафтных объекта – *лес, болото, водоем (река, озеро)* [6]. Специфика выбора основных объектов, которые являются центром ориентации, в ойконимии Белорусского Поозерья проявляется в выделении *горы* как открытого возвышенного пространства, что обуславливается географическими особенностями региона, типичной чертой рельефа которого является чередование возвышенностей с низинными заболоченными равнинами. В таких условиях возвышенные формы рельефа, в отличие от заболоченных низин, воспринимались не только как природный ориентир на местности, но и как участки пригодной для обработки земли.

Самыми популярными наименованиями модели «место – “вмещающее”» являются ойконимы, мотивированные названиями населенных пунктов. Если на начальном этапе освоения пространства главная роль отводилась названиям природных объектов, то с развитием материальной культуры топонимические приоритеты человека изменялись и главными объектами-ориентирами на местности становились населенные пункты. Изменение ориентационных приоритетов оказало влияние на развитие ойконимной системы исследуемого региона: названия поселений стали использоваться для образования других ойконимов. Дублирование исходного названия (или его основы) при образовании онимов на уровне ойконимии имеет целью привязку нового поселения к пространству, центром которого является уже существующий населенный пункт. Данное положение подтверждается тем фактом, что мотивирующий и мотивированный ойконимы функционируют в пределах одного района: *Забайкал < Байкал, Подлеоновичи < Леоновичи, Подолехнишки < Олехнишки, Пересловка < Переслово, Ратюнки < Ратюны,; Гуры Дроздовы < Дрозды, Двор Бабча < Бабча, Двор Вороновщина < Вороновщина, Двор Гомель < Гомель, Двор Жары < Жары, Заверские Хуторы < Заверье, Застенок Милюны < Милюны, Застенок-Речные < Речные, Курчевская Усвейка < Курчи, Луцк Козловский < Козловщина, Осада Дедина (Дедино) < Дедино, Разъезд Замошье < Замошье, Улино Подкорчемное < Корчи, Хутор Дедино < Дедино* и др.

Небольшую в количественном отношении группу (25 единиц, или 0,5 % от общего количества ойконимов региона) составляют ойконимы, мотивированные названиями путей сообщения. Если в древности главными транспортными путями служили реки, то с возникновением постоянных поселений появляются «первые признаки предшественников современных дорог» [7, с. 7]. Первые фиксированные пути были примитивными, однако «роль их была велика не только в экономической, но и военной жизни. Поэтому наиболее важные объекты – броды, гати, мосты – должны были охраняться» [7, с. 17]. Расположение поселения около дороги или наиболее важного объекта транспортного пути служило характерной приметой поселения и способствовало закреплению транспортного термина в основе

ойконима: *Брод, Бродок, Зимник, Летники, Мосты, Мостище* (4), *Наволока, Перебродье, Перевоз* (3), *Проходы* и др. В процессе присвоения названия населенный пункт включался в определенный культурный ландшафт, характеризующийся наличием важных транспортных объектов.

2. Ойконимы, реализующие модель «место – «вместилище»», насчитывают 236 единиц (5 % от общего количества наименований поселений региона) и мотивируются названиями земельных участков: *Ляды* (3), *Новинка, Новь, Старина* (6), *Старь* (3) и др.; хозяйственных построек: *Заборные Гумны, Мельница* (3), *Млын, Пунице* (3), *Ферма* (2) и др.; мест промыслов и производства *Буда, Поташня, Рум, Румище, Щеперня* и др.; типов поселений *Городец* (5), *Дворец* (5), *Селец* (3), *Слобода* (33), *Слободка* (15) и др. Основанием для выделения подобных наименований как единиц, реализующих модель восприятия места поселения как «вместилища», послужила фиксация в основах таких ойконимов локативов со значением ‘территория’ (названия земельных участков, типов поселений) и ‘сооружения’ (названия хозяйственных построек, мест промыслов и производства). В семантике подобных локативов содержится дифференциальный компонент ‘ограниченное пространство’, что свидетельствует о том, что населенный пункт не может восприниматься как включенный в пространство объекта, названного в основе наименования, наоборот, сам объект определяется как находящийся на территории поселения и являющийся характерным признаком, на основе которого данный населенный пункт отличается от других и тем самым выделяется в окружающем пространстве.

Появление ойконимов, реализующих модель «место – «вместилище»», обуславливается изменением ориентационных приоритетов человека в процессе развития материальной культуры. Освоение окружающего пространства в процессе хозяйственной деятельности человека, включающей «изменение природного ландшафта и создание его рукотворных форм (пахотных земель, пастбищ, садов, огородов, искусственных водоемов, дорог, мостов, строений и т.д.)» [8, с. 306], влечет за собой изменение представлений о пространстве. Как пишет А.Я. Гуревич, «определенной ступени развития производства, общественных отношений, выделенности человека из природного окружения соответствуют свои способы переживания мира» [9, с. 35]. Так, если на начальном этапе развития топонимической системы, когда человек еще не видел себя отдельно от природы, населенный пункт воспринимался как часть природного пространства, то с развитием материальной культуры из природного окружения выделяются рукотворные объекты как центры ориентации, что способствует закреплению их названий в основах ойконимов.

Таким образом, в семантическом поле «Местонахождение» фиксируются две семантические модели, отражающие различные способы восприятия места поселения: как объекта, включенного в определенное пространство («вмещаемое») и как отдельного участка, вмещающего

определенный объект («вместилище»). В количественном отношении преобладают ойконимы, реализующие модель «место – “вмещаемое”», поскольку содержащееся в их основах указание на объект-ориентир естественного или искусственного происхождения не только позволяет вписать населенный пункт в топонимический ландшафт местности, но и достаточно точно локализовать его в пространстве.

В ойконимах семантического поля «Местонахождение» репрезентируется информация об ориентационных предпочтениях человека в различные исторические периоды, о способах взаимодействия человека и природы в процессе хозяйственной деятельности, об особенностях восприятия и осмысления окружающей действительности носителями топонимической системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жиленкова, И.И.* Ойконимы Белгородской области: Семантика и словообразование в синхронном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И.И. Жиленкова ; Белгород. пед. ун-т. – Белгород, 1996. – 15 с.
2. *Ююкин, М.А.* Древнерусская ойконимия IX–XIII вв. [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М.А. Ююкин. – Воронеж, 2002. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com>. – Дата доступа : 12.05.2011.
3. *Лемцюгова, В.П.* Беларуска айканімія : Лінгвістычны аналіз назваў населеных пунктаў Мінскай вобласці / В.П. Лемцюгова. – Мінск : Навука і тэхніка, 1970. – 156 с.
4. *Никонов, В.А.* Введение в топонимику / В.А. Никонов. – 2-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2011. – 184 с.
5. *Березович, Е.Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте / Е.Л. Березович. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 532 с.
6. *Аліферчык, Т.М.* Тапанімія Заходняга Палесся ў этналінгвістычным аспекце : дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / Т.М. Аліферчык ; Ін-т мовы і літаратуры імя Я. Коласа і Я. Купалы НАН Беларусі. – Мінск, 2010. – 179 л.
7. *Жучкевич, В.А.* Дороги и водные пути Белоруссии : историко-географические очерки / В.А. Жучкевич. – Минск : Изд-во БГУ, 1977. – 143 с.
8. *Левкиевская, Е.Е.* Пространство / Е.Е. Левкиевская // Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. / редкол.: Н.И. Толстой (отв. ред.) [и др.]. – М. : Междунар. отношения, 1995. – Т. 4 : П (Переправа через воду) – С (Сито) / Т.А. Агапкина [и др.]. – 2009. – С. 304–308.
9. *Гуревич, А.Я.* Избранные труды. Средневековый мир / А.Я. Гуревич. – СПб. : СПбУ, 2007. – 560 с.

In the article the amount and structure of the semantic field «Location» composed of two semantic models reflecting different ways of perceiving the place of settlement by the bearers of the toponymic system are defined on the material of Belarussian Poozerje oykonims. The dominative one is the way of perception of the place of settlement as «content» that means the object included in a certain space characterized by existing geographical landmarks currently in use.

Поступила в редакцию 17.04.13

ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Yu.S. Hetsevich, A.M. Skopinava

TRANSFORMING QUANTITATIVE EXPRESSIONS
WITH MEASUREMENT UNITS INTO ORTHOGRAPHICAL WORDS
FOR TEXT-TO-SPEECH SYNTHESIS

У артыкуле абмяркоўваюцца праблемы апрацоўкі – ідэнтыфікацыі, аналізу, класіфікацыі і генеравання – колькасных выразаў з адзінкамі вымярэння ў прыкладанні да сінтэзу маўлення па тэксце для беларускай і рускай моў на матэрыяле спецыяльна распрацаваных навукова-тэхнічных тэкставых карпусоў з выкарыстаннем лінгвістычнага працэсара Нудж (NooJ¹). Аўтары адзначаюць складанасці, якія ўзнікаюць падчас аналізу колькасных выразаў з адзінкамі вымярэння, падкрэсліваюць мэтазгоднасць выкарыстання менавіта канчатковых аўтаматаў у выглядзе візуальных граф у параўнанні з рэгулярнымі выразамі. Апісаная і алгарытмічная прадстаўленая адасобленая марфалагічная і сінтаксічная кампанента для апрацоўкі колькасных выразаў з улікам варыятыўных спосабаў запісу іх складнікаў: лічбавых дэскрыптараў, а таксама непасрэдна адзінак вымярэння. Для атрыманых практычных вынікаў акрэсленыя магчымыя вобласці прымянення.

After the Belarusian (Be) and Russian (Ru) NooJ [1] modules were obtained, it became possible to check and update experimental solutions to different linguistic tasks in application to text-to-speech synthesis [2; 3]. Synthesizers which use orthographic texts cope well with voicing orthographic words [4], but abbreviations, acronyms, numbers, symbols etc. demand preprocessing into real words before they can be voiced. The main **purpose** of the article is to describe approaches to transformation of quantitative expressions (QE) with measurement units (MU) into correct orthographic words on the materials of Be and Ru scientific-technical text corpora. When dealing with QE with MU, many **difficulties** arise. They are conditioned by a great variety of numeral quantifiers and names of units, both in writing and formation. Creating localization rules for all cases is practically impossible (that is why regular expressions are not the best tool). For simplification of the process it is extremely important to use tools which allow rules to be added and modified at any time. This is necessary, e.g., for proper treatment of expressions with units of length, written in various ways: *1 м* ‘1 m’, *31 метр* ‘31 meters’, *25 метраў* ‘25 meters’, *44 метры* ‘44 meters’ [5]. Moreover, Be and Ru numerals are declinable and can influence subsequent words (in our case MU), unlike in English (En), where a preposition before a numeral does not change anything in the voicing of MU. For the present we deal with generating QE in the Nominative. To give an example, Be sequences like *123 мА* ‘123 mA’ and *120 мА* ‘120 mA’ have to be transformed by the synthesizers into sequences of words with complicated agreement: *сто дваццаць тры міліампера* and *сто дваццаць міліампер*. The international program **NooJ**

¹ <http://www.nooj4nlp.net/pages/nooj.html>

allows implementing sophisticated search algorithms in the form of visual executable graphs. Also QE with MU are language-dependent: in En *meter* and *mile* are abbreviated as *m*, while in Be and Ru as *м*; even within largely similar Ru and Be, names of MU differ in spelling – *гадзіна, час* ‘hour’. Therefore, it is essential to make accurate provisions for each language. Significant results have been achieved by European researchers and developers of the Quantalyze semantic annotation and search service¹, and Numeric Property Searching service in Derwent World Patents Index on STN². However, language orientation is the reason why theoretical or practical results can not be fully reusable for Be or Ru.

On the basis of Be and Ru scientific-technical text corpora (fig. 1) (in the format

NooJ) the variety of written forms of digital descriptors was studied. For that purpose a special formula in the form of a regular expression was created (fig. 2). As the right and left contexts were analyzed, the formula was constantly updated.

Table 1 demonstrates what happens when the formula is applied to the corpora.

File Name	
Kosmas_1_bel	Кампаніяй DigitalGlobe эксплуатаеца КА высокага разрашэння QuickBird-2, які быў выведзены на арбіту вышынёй 450 км у 2001 г. Забяспечвае атрыманне панхраматычных малюнкаў з разрашэннем 0,64 м і мультыспектральных з разрашэннем 2,44 м у паласе захопу 16,6 км. Час актыўнага функцыянавання – 7 гадоў.
Kosmas_2_bel	
Kosmas_3_bel	
Kosmas_4_bel	
Kosmas_5_bel	

(a)

File Name	
БИОЛОГИЯ	эксперимента единственный выживший на глубине 2 см экземпляр имел 6 мм в длину и 3 - в ширину, тогда как самые крупные из 50 особей, выживших на глубине 20 см, достигали лишь 1.3 мм в длину и 0.77 мм в ширину. Следует отметить, что в каждой рамке находилось более тысячи семян.
БИОТЕХНОЛОГИЯ	
БИОФИЗИКА	
БИОХИМИЯ	
БОТАНИКА	
ВУЛКАНОЛОГИЯ	
ГЕНЕТИКА	

(b)

Fig. 1. Fragments of (a) Be and (b) Ru scientific-technical text corpora

```
(от <NB> до <NB>)(от <NB> до <NB><NB>)(от <NB><NB> до <NB>)(от <NB>,<NB> до <NB>,<NB>)|
(от <NB>,<NB> до <NB>)(от <NB>.<NB> до <NB>.<NB>)(от <NB> до <NB>,<NB>)|
(от <NB><NB> до <NB><NB>)(от <NB>*<NB>.<NB> до <NB>*<NB>.<NB>)|
(от <NB>*<NB>.<NB> до <NB>*<NB>.<NB>)(от <NB> до почти <NB>)(<WF>"~" "="<NB>(<NB><NB>)|
<NB><NB><NB><NB><NB>)|<NB><NB><NB><NB>)|<NB><NB><NB>)|<NB>*<NB>)|<NB>,<NB>)|
<NB><NB>)|<NB>—<NB>)|<NB>.<NB>)|<NB>.<NB>.<NB>.<NB>)|<NB>.<NB>)|<NB><NB>,<NB>)|
<NB>.<NB>.<NB>)|<NB>,<NB>.<NB>,<NB>)|<NB>,<NB>.<NB>)|<NB>,<NB>.<NB>)|<NB><NB>,<NB>)|
<NB>"/"<NB>)|<NB>:"<NB>)|<NB>:"<NB>.<NB>)|<NB>:"<NB>:"<NB>)|<NB>,<NB>*<NB>.<NB>)|
<NB>*<NB>.<NB>)|<NB>.<NB>)|<NB>,<NB>.<NB>,<NB>)|<NB>.<NB>,<NB>)|<NB>.<NB>)|
<NB>,<NB>.<NB>.<NB>)|<NB>.<NB>*<NB>)|<NB>.<NB>.<NB>)|<NB>.<NB>.<NB>.<NB>)|
<NB>.<NB>.<NB>)|<NB>,<NB>.<NB>)|<NB>.<NB>.<NB>)|<NB>.<NB>)|<NB>.<NB>)|
<NB>(<NB><NB>)|<NB>,<NB>)|<NB><NB>)|<NB>—<NB>)|<NB>.<NB>)|<NB>.<NB>)|
<NB>,<NB>.<NB>,<NB>)|<NB>,<NB>.<NB>)|<NB>.<NB>,<NB>)|<NB>:"<NB>)|
<NB>,<NB>*<NB>.<NB>)|<NB>,<NB>.<NB>)|<NB>.<NB>.<NB>)|<NB>x<NB>)|<NB>x<NB>)|
<NB>x<NB>x<NB>)|<NB>.<NB>x<NB>.<NB>)|<NB>,<NB>x<NB>)|<NB>,<NB>x<NB>)|
```

Fig. 2. The regular expression for finding QE with MU

¹ <https://www.quantalyze.com/en/>

² http://www.stn-international.com/numeric_property_searching.html

Excerpts: variety of QE, revealed with the help of the obtained formula

Formula's constituents	Examples of QE, found by a certain constituent
$(\langle \text{NB} \rangle, \langle \text{NB} \rangle \times \langle \text{NB} \rangle)$	объем одного моля ($6,02 \times 10^{23}$ молекул) любого газа
$(\langle \text{WF} \rangle \sim "=") (\langle \text{NB} \rangle \bullet \langle \text{NB} \rangle - \langle \text{NB} \rangle)$	Ртутрию - составляет величину $\sim 1 \cdot 10^{-2}$, а отношения
$(\langle \text{WF} \rangle \sim "=") (\langle \text{NB} \rangle' \langle \text{NB} \rangle)$	которого имел плотность мощности $5' 10^{13}$ Вт/см ² в
$(\langle \text{WF} \rangle \sim "=") (\langle \text{NB} \rangle, \langle \text{NB} \rangle' \langle \text{NB} \rangle, \langle \text{NB} \rangle)$	иметь форму прямоугольника размером 0,12'0,13 мм. По
$(\langle \text{NB} \rangle. \langle \text{NB} \rangle \times \langle \text{NB} \rangle. \langle \text{NB} \rangle)$	участка на снимке - $2,5 \times 2,5$ км ² . Направление солнечных
$(\langle \text{NB} \rangle ":" \langle \text{NB} \rangle)$	(отношение ширина/высота) 16:9 вместо обычного 4:3. Она
$(\langle \text{WF} \rangle \sim "=") (\langle \text{NB} \rangle \times \langle \text{NB} \rangle)$	снимке показан участок площадью 23×23 км ² , в котором

In the beginning algorithms of **identifying and classifying QE with MU according to the SI** were obtained [5]. According to the main graph (fig. 3) (for Be and Ru the algorithms differ in some language-dependent subgraphs), any text fragment is initially checked in the 1st subgraph (Numeral Quantifier) if it has a compound numerical descriptor (fig. 4), expressed by prime, decimal, fractional numbers or compound numerical combinations with exponential parts and periods.

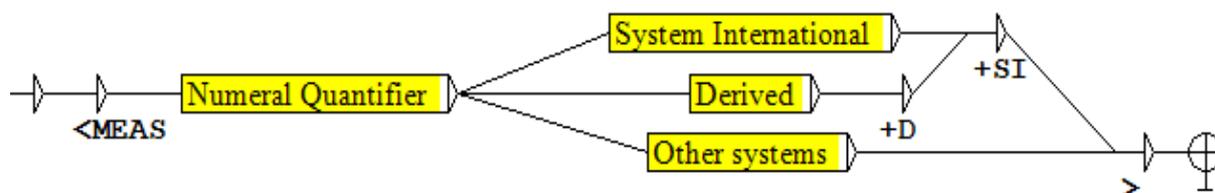

Fig. 3. The main graph of the algorithm for *identification* of QE with MU

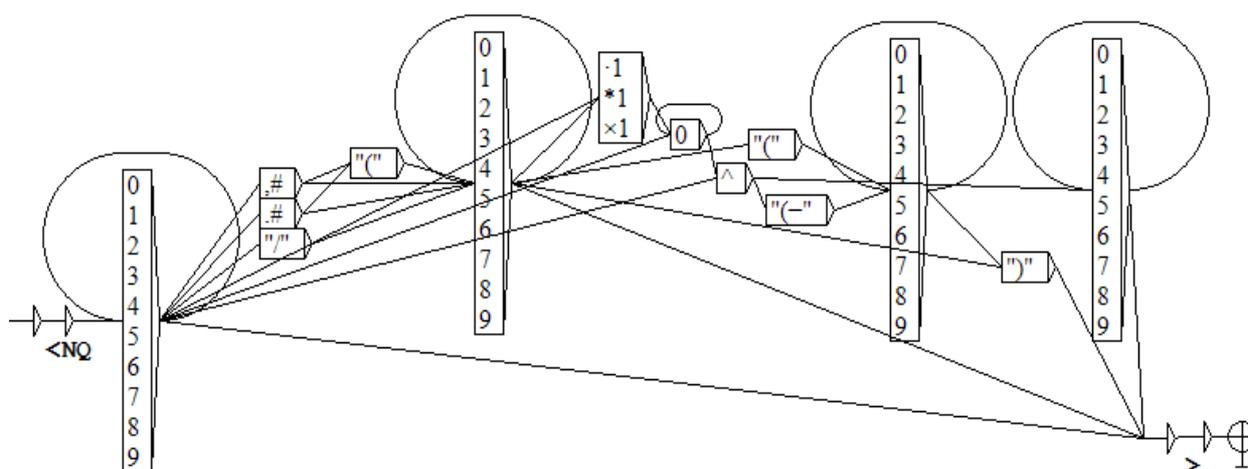

Fig. 4. The subgraph for *identification* of numbers and compound numerical combinations

It should be emphasized that the subgraph is language-independent. Some results of its work can be observed in the form of a concordance in fig. 5.

Before	Seq.	After
місією) ІЕС	60027	ужывае
1 мегабіт =	1000 ²	біт = 10
000 ² біт =	10 ⁶	біт = 10
166666... =	0,1(6)	; 1/7 = 0

(a)

Before	Seq.	After
ралях - не более	110	км/ч, на
двумя осями; · -	18,75	метра д
нем составляет	5·10 ⁽⁻⁵⁾	Тл, а на
е (широта 0°) —	3,1·10 ⁽⁻⁵⁾	Тл. 5. 0
иросимы: около	6·10 ¹³	Дж. Эн

(b)

Before	Seq.	After
is equal to	6.24150974×10 ¹⁸	eV (electronv
is equal to	2.3901×10 ⁽⁻⁴⁾	kcal (thermoc
as exactly	0.0254	m, and the
as exactly	453.59237	g. Also a

(c)

Fig. 5. Results of *identification* of complex numerical expressions for (a) Be, (b) Ru, (c) En

After the first subgraph's processing, the algorithm proceeds to other subgraphs, connected to its output by means of transition lines. The subgraph *System International* identifies units according to the SI, e. g., *кілаграм* 'kilogram'; the subgraph *Derived – SI derivatives*, e. g., *герц* 'hertz'; the subgraph *Other systems* (fig. 6) – frequently used, but non-systemic units, e. g., *час* 'hour'. If any of the three subgraphs works out, the sequence of respective transition lines is indicated by markers: *MEAS*, *MEAS+SI+...*, *MEAS+D+SI+...*. The markers correspond to the subgraphs' predestinations. Three dots can be replaced by special markers within a subgraph that works out. Names of MU (or their word forms) correspond to names of respective physical values (or their word forms). Take the word combination *дадаць 3,3 молі* 'add 3,3 moles' as an example. The algorithm will recognize *3,3 молі* '3,3 moles' and give the marker *MEAS+SI+Amount of substance*. The code *MEAS* means that the expression contains a unit of measurement *молі* 'moles'. The code *+SI* informs that the unit *молі* 'moles' belongs to the SI. The code *+Amount of substance* means that the unit *молі* 'moles' is used for measuring amounts of substances. The component *D* of the marker *MEAS+D+SI+...* requires the existence of the second distinct subgraph in order to separate expressions with MU, derived from the SI basic units. A flexible marking system allows building different search queries, e. g., to find all the QE with MU (fig. 7, with the En translation), etc.

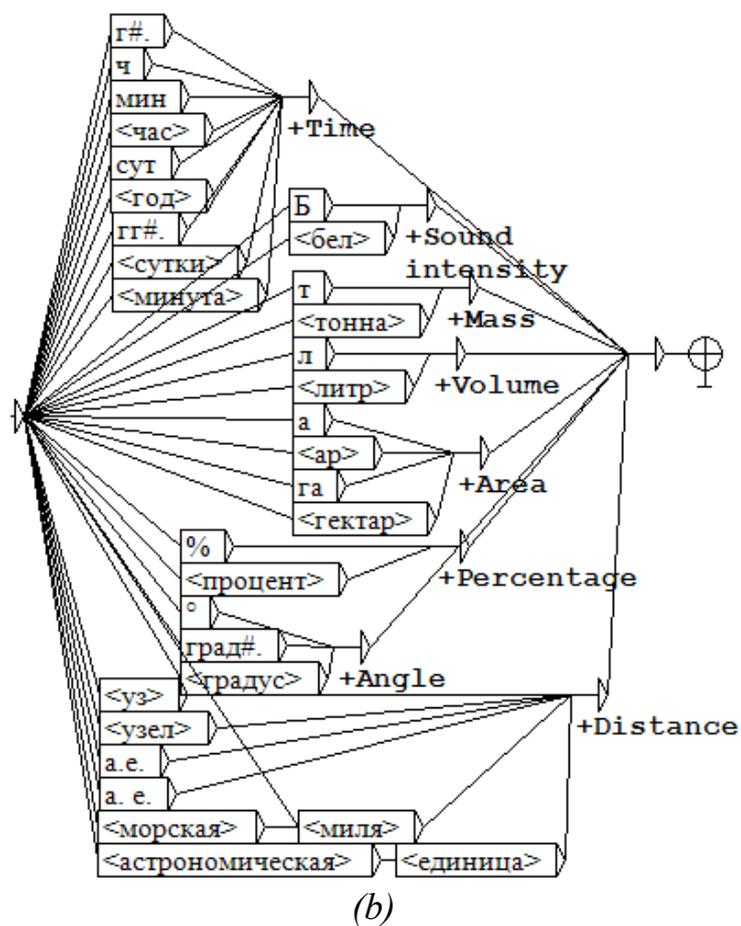
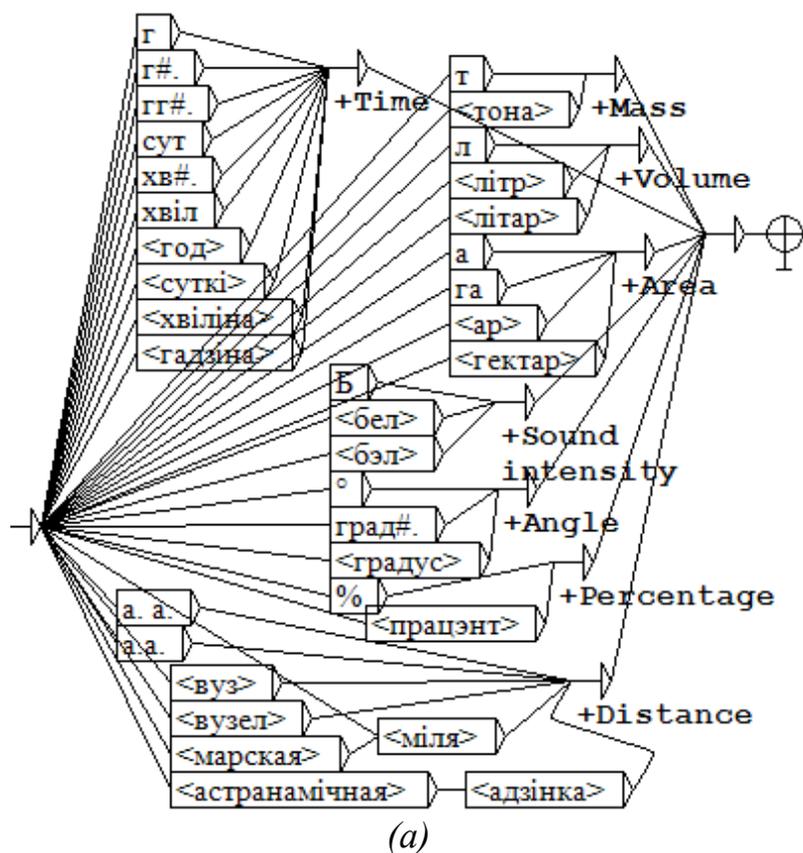

Fig. 6. The subgraphs which identify expressions with (a) Be and (b) Ru non-systemic units

Before	Seq.	After	Before	Seq.	After
шэнне –	1 м/⟨MEAS+Length Distance+SI⟩	(бач.), 5	тэра	109 К/⟨MEAS+Thermodynamic temperature+SI⟩	В это
-30 кэв,	0,1 Гц/⟨MEAS+Frequency+D+SI⟩	-300 кгц	стыю ок.	200 000 л/⟨MEAS+Volume⟩	. Желе
ую масу	8 т/⟨MEAS+Mass⟩	, выведз	а спустя	33 года/⟨MEAS+Time⟩	– и его
Зямлі. У	2005 г./⟨MEAS+Time⟩	Іран здэ	вышло	5°/⟨MEAS+Angle⟩	, а потд
і ўхілам	74 градусы/⟨MEAS+Angle⟩	. Затым	бе вышэ	600° C/⟨MEAS+Temperature in Celsius scale+D+SI⟩	, а халы
	1m <MEAS+Length Distance+SI>			109 K <MEAS+Thermodynamic temperature+SI>	
	0,1 Hz <MEAS+Frequency+D+SI>			200 000 l <MEAS+Volume>	
	8 t <MEAS+Mass>			33 years <MEAS+Time>	
	year 2005 <MEAS+Time>			5° <MEAS+Angle>	
	74 degrees <MEAS+Angle>			600°C <MEAS+Temperature in Celsius scale+D+SI>	

Fig. 7. Results of *identification* of QE with MU in (a) Be and (b) Ru

Another research goal was **to identify MU with metrological prefixes** [6]. First of all, necessary linguistic dictionaries (fig. 8) were created. They contain some basic stems of MU – complete nouns and their abbreviations. Each stem is marked by a respective attribute: either *Base* or *Mbase*. In addition, descriptions of full stems include indicators of inflectional classes. The next step was to develop language-dependent linguistic resources (*Fsubmultiple*, *Fmultiple*, *Ssubmultiple*, *Smultiple*) (fig. 9). For MU formation either multiple or submultiple prefixes, shortened (S-) or full (F-), (fig. 10) can be used.

байт, NOUN+FLX=БАЙТ+s2+UNAMB+Base	байт, NOUN+FLX=АБАЖУР+s2+UNAMB+Base
бекерэль, NOUN+FLX=АВАЛЬ+s6+UNAMB+Base	бит, NOUN+FLX=АБАЖУР+s2+UNAMB+Base
біт, NOUN+FLX=БАЙТ+s2+UNAMB+Base	Б, ABBREVIATION+Mbase
В, ABBREVIATION+Mbase	ватт, NOUN+FLX=АЛТЫН+s2+UNAMB+Base
Вт, ABBREVIATION+Mbase	Вт, ABBREVIATION+Mbase
ват, NOUN+FLX=БАЙТ+s2+UNAMB+Base	вольт, NOUN+FLX=АЛТЫН+s2+UNAMB+Base
вольт, NOUN+FLX=БАЙТ+s2+UNAMB+Base	В, ABBREVIATION+Mbase
г, ABBREVIATION+Mbase	гектар, NOUN+FLX=АБАЖУР+s5+UNAMB+Base

Fig. 8. Dictionary resources of basic MU stems for (a) Be and (b) Ru

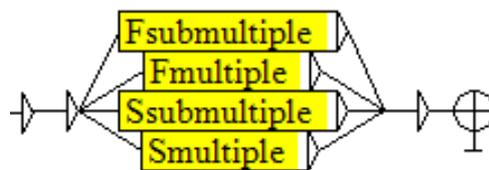

Fig. 9. Classifying metrological prefixes using a NooJ finite-state automaton

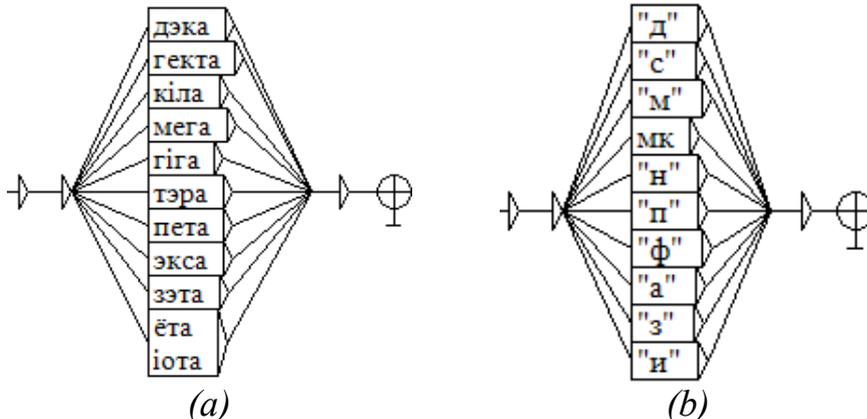

Fig. 10. Graphs for *identification* of (a) Be full-stem multiple and Ru (b) shortened-stem prefixes

The basic principle for the components building became a word-formative classification: MU with full-form stems and without prefixes (*Герц* ‘Hertz’, *Ом* ‘Ohm’); MU with shortened stems and without prefixes (*за* ‘ha’, *Па* ‘Pa’); MU with full-form stems and full-form prefixes (*нанафарады* ‘nanofarads’, *миллиампер* ‘milliampere’); MU with full-form stems and shortened prefixes (*кБайт* ‘Kbyte’); MU with shortened stems and shortened prefixes (*дл* ‘dL’, *гПа* ‘hPa’). Accordingly, 4 morphological grammars M1-M4 were obtained. For example, the morphological grammar M3 identifies abbreviated MU, which are formed with the help of multiple or submultiple abbreviated prefixes (fig. 11, operation examples in fig. 12).

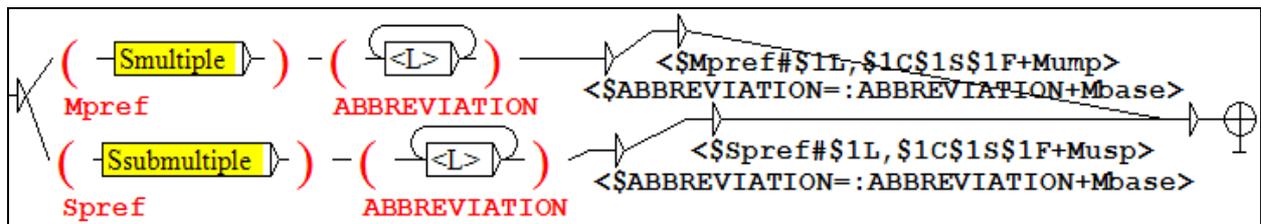

Fig. 11. The morphological grammar M3, which identifies MU with abbreviated stems and prefixes

Before	Seq.	After	Before	Seq.	After
чалавека масай 70 кг		прыкладна роўнае	толщиной стенок 6 см		. Воду просматрив
(Мм), гігаметраў (Гм)		пішучь «тысячы	бывает меньше 10 нс		, время спада
ратных мегаметраў (Мм		^2) пішучь «мільёны	токе пучка 1.5 мкА		и давленияи
Вышыня арбіты 680 км		. Разрашэнне ў	примерно за 1 мкс		создать "сгустки
альны дыяпазон - 40 кэв		-3 МЭВ, 2-200 МЭВ	луч (обычно 0,2–1,0 мрад). Использование
дыяпазон - 40 кэв-3 МЭВ		, 2-200 МЭВ, 2-30 кэв	от 0,6 до 0,7 мкм		(красная); от
Гц-300 кгц, 0-50 кгц		; перыядычнасць абн	льной зоны 700-850 нм		в формате

(a)

(b)

Fig. 12. The resulting concordance of full-stem MU on the specified requests: (a) $\langle ABBREVIATION+Mump \rangle$ for Be and (b) $\langle ABBREVIATION+Musp \rangle$ for Ru

The identified MU receives one of the markers: *Mump* (for MU with multiple prefixes), *Musp* (for MU with submultiple prefixes), *Muhp* (for MU with several prefixes, e.g.: *мікрамегафарад* ‘micromegafarad’). Several prefixes are uncommon, so such words need to be extracted as mistakes. Note that the identified MU with metrological prefixes inherit all characteristics of initial words. E.g., the word forms Be *мегаэлектронвольта* (the Genitive from ‘megaelectronvolts’), and Ru *фемтограммам* (‘femtograms’ in the Dative case) will remain nouns with all the inflectional endings and grammatical features (fig. 13) of the basic stems *электронвольт* ‘electron-volt’ and *грамм* ‘gram’, though the resource dictionary does not contain them.

мегаэлектронвольт, NOUN+Animation=Inanimate+Meaning=Common
+Case=Genitive+Gender=Masculine+s10+Meas=Base+Mump >

(a)

фемтограмм, NOUN+ProperCommon=Common+Case=Dative
+Animation=Inanimate+Gender=Masculine+Number=Plural
+s3+Meas=Base+Musp >

(b)

Fig. 13. The annotated word forms: (a) Be *мегаэлектронвольта* (the Genitive from 'megaelectron-volts'); (b) Ru *фемтограммам* (the Dative from 'femtograms')

Finally, the syntactic grammar (fig. 14) accumulates all the markers, placed by means of the dictionary and grammars *M1-M4*, and adds the marker <MUEXPR>. It gives an opportunity to create final concordances (fig. 15).

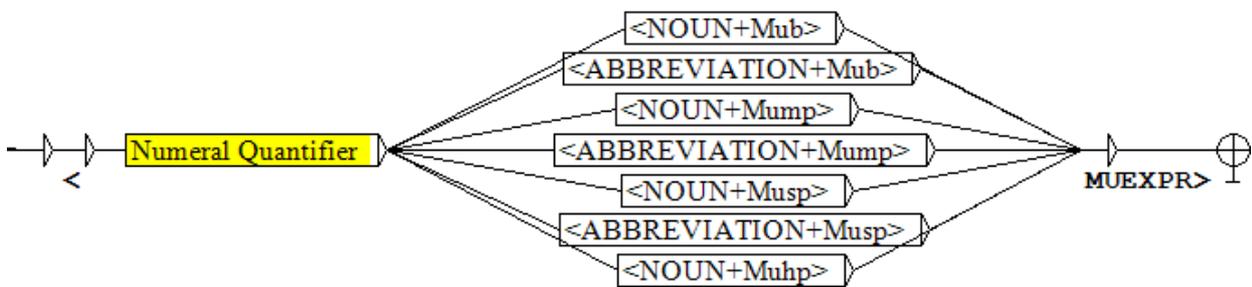

Fig. 13a. The main syntactic component which identifies QE with MU

Before	Seq.	After	Before	Seq.	After
м (0,001 кг).	31 мкТл	(3,1×10 ⁴)	превышал	1 мА	. На человека
ещца зблізку	2,4 мЗв	у год. 1 Н	ть «файл в	100 килобайт	»). При обозн
апору з сілай	9.81 Н	. Прибліж	ной от 1 до	100 МОм	, чтобы проте
дамі (пішущь	60 000 пф	, а не 60 н	теравольт	13 йоттайоктограммов	Каждая стр
з радыусам	1 сантиметр	, змешчан	4 Мбит/с) и	137,4 МГц	(метровый д
проста Мб).	1 мегабіт	= 1000 ^{^2}	д» массой	1383,95 каратов	. Изумруды
вакууме за (1 / 299 792 458) секунды	. Метр бь	юв - около	2.2 мкс	- осложняет
эв-3 МЭВ, 2-	200 МЭВ	, 2-30 кэв	сь равной	22 фемтограммам	(1 фг = 1•10 ⁴
ра - парадку	20 кілаэлектронвольт	. Энэргії к			

(a)

(b)

Fig. 14. The results of processing (a) Be and (b) Ru texts, revealed on the request <MUEXPR>

In text-to-speech synthesis tasks it is important to develop algorithms not only for identification of definite expressions but also for their **generation into orthographical word sequences**. Two ramified algorithmic complexes (for Be and Ru; each one consists of 21 graphs and subgraphs) were obtained. They generate orthographical words from QE with MU. Since a quantitative expression with a metrological unit consists of 2 components, the main graph (fig. 15) contains subgraphs of 2 types. Those, which have names starting with *a_*, generate numbers from 0 to 999 999 999 999. The ones with *b_*, are intended for generation of words which denote MU.

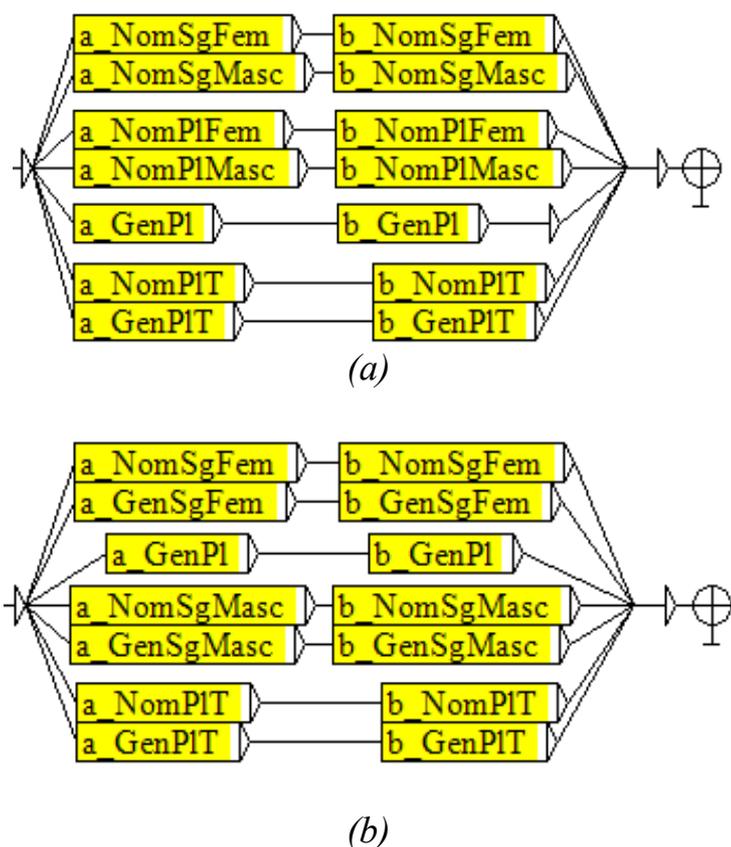

Fig. 15. The graphs of the (a) Be and (b) Ru algorithms which generate orthographical words

A quantitative expression with MU passes from input to output of the graph in accordance with peculiarities of noun inflexion after numerals, in particular:

1. After number 1 (or numbers with final 1) nouns take the Nominative Singular (*NomSg*). QE will proceed to one of the top branches, depending on the gender of nouns, in particular *Mas(c)* or *Fem* for MU.

2. After numbers 2, 3, 4 (or numbers with 2, 3 or 4 as a final digit) nouns take the Nominative plural (*NomPl*) in Be, whereas in Ru these numbers require nouns in the Genitive singular (*GenSg*). Depending on the gender, QE will move to branches 3 or 4, counting from the top.

3. Numbers from 5 to 19 and round numbers (including numbers with them as final digits) require nouns in the Genitive plural (*GenPl*) in both languages. QE will follow the 5th branch.

Let us stop on the first branching, in particular the graph *a_GenPl* (fig. 16). It generates any whole number up to 999 999 999 999, which demands the Genitive plural form. The structure resembles Russian dolls. At first the graph for numbers of the first triad (up to 999) was obtained. It has the inbuilt subgraph *ThMlnMlr* for the class of thousands or numbers with 2 triads. The other one (*MlnMlr*) was placed inside for the class of millions or three-triads numbers; at last goes *Mlr* (fig.17) for the class of billions or numbers with 4 triads. Depending on research goals, the algorithm can be expanded by further triads.

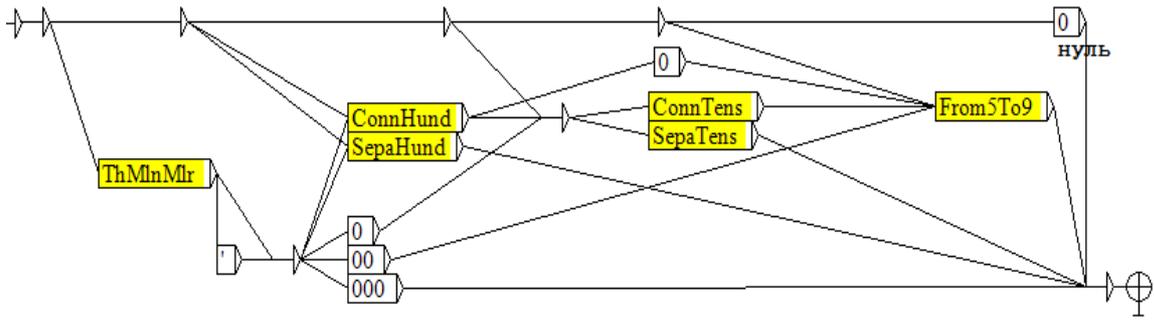

Fig. 16. The subgraph a_GenPl for Be

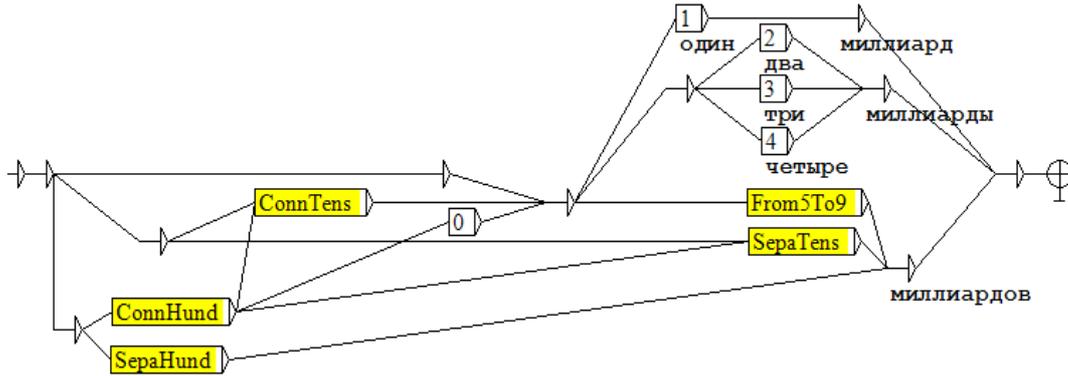
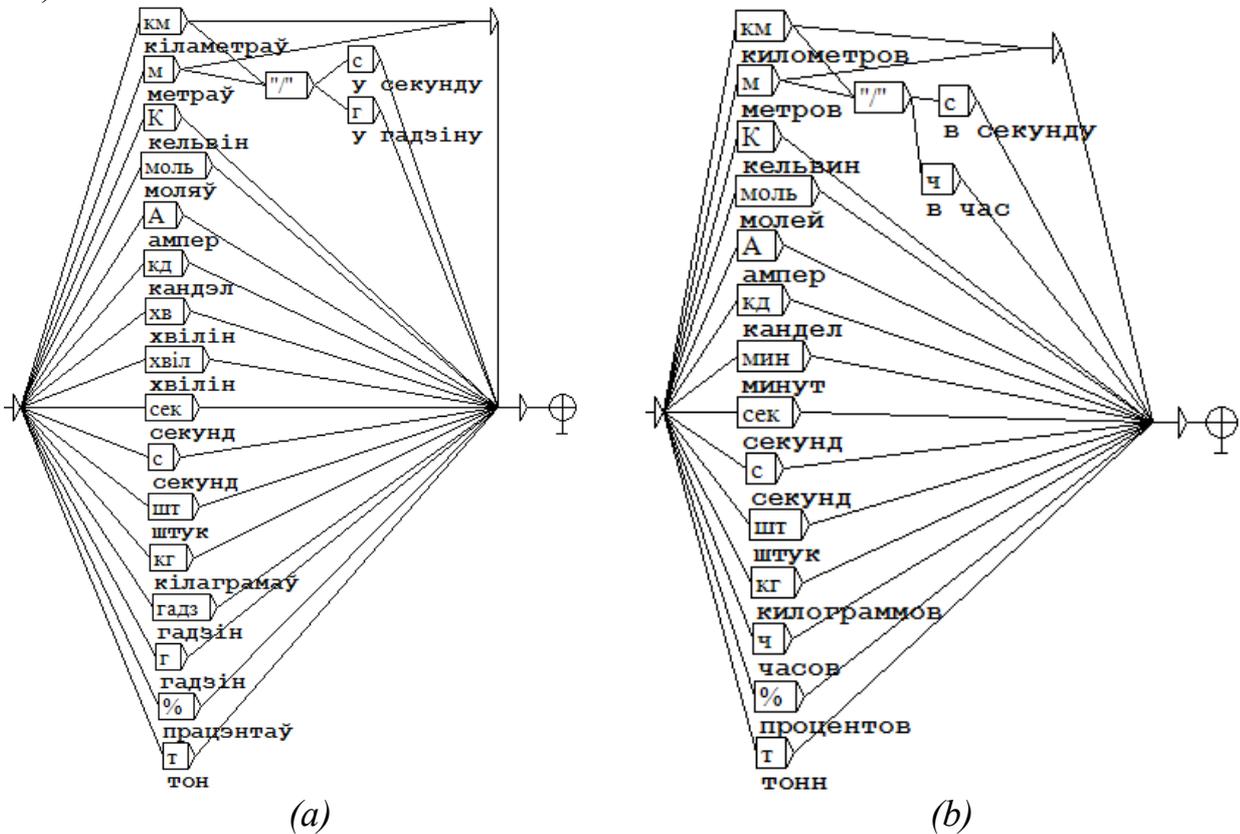

Fig. 17. The subgraph Mlr for Ru

Now the algorithm starts processing nouns which denote MU. Concerning the last branch of the algorithm, it happens with the help of the graph b_GenPl (fig. 18).

(a) (b)
Fig. 18. The subgraph b_GenPl for (a) Be and (b) Ru

For the present, this subgraph can generate basic SI and some frequently used units. Thanks to the visibility of finite-state automata, it can be easily and rapidly improved by adding more MU. In order to do that, three case endings (mind the gender and number) should be added to the respective graphs. Variations of written forms should also be taken into account. For example, for the noun *градус* ‘degree’ (shortened *гр* ‘deg’, ° – three variants), one should add 3 word forms (*градус*, *градусы*, *градусаў* for Be; and *градус*, *градусы*, *градусов* for Ru) for each variant into *b_NomSgMasc*, *b_NomPlMasc*, *b_GenPl* for Be; *b_NomSgMasc*, *b_GenSgMasc*, *b_GenPl* for Ru.

Thus, fig. 19 demonstrates some operation results of generation of orthographic words from QE with MU.

700001г/семсот тысяч адна гадзіна
0 с/нуль секунд
777'700т/семсот семдзесят сем тысяч семсот тон
888'808хв/восемсот восемдзесят восем тысяч восемсот восем хвілін
2220020 хвіл/два мільёны дзвесце дваццаць тысяч дваццаць хвілін
444'014моль/чатырыста сорок чатыры тысячы чатырнаццаць моляў

(a)

6661с/шесть тысяч шестьсот шестьдесят одна секунда
77700 т/семьдесят семь тысяч семьсот тонн
800009кд/восемьсот тысяч девять кандел
120202 мин/сто двадцать тысяч двести две минуты
8600км/ч/восемь тысяч шестьсот километров в час
903 м/с/девятьсот три метра в секунду

(b)

Fig. 19. Generation of orthographic words from QE with MU for (a) Be and (b) Ru

It can be **concluded** that the main goal of this research – to develop appropriate algorithms that *identify* Be and Ru quantitative expressions with various MU and *generate orthographic texts* on the basis of scientific-technical text corpora – has been achieved. The results can be applied in any branches of science connected with information retrieval systems and text-to-speech synthesis. The resulting algorithms are created in the form of finite-state automata through a set of syntactic grammars within the powerful linguistic processor NooJ, which helps to build up formal grammars without requirements for special knowledge of programming. The automata demonstrate how the algorithms work and indicate how they can be further updated in order to improve their accuracy. Future work includes: disambiguation, e. g., in such cases when algorithms “confuse” some units (the same initial letter «г» for «год» (*year*), «грам» (*gram*), «гадзіна» (*hour*)); developing algorithms that will identify numeral quantifiers expressed not only by numbers (mathematical objects), but also by numerals (parts of speech).

REFERENCES

1. *Hetsevich, Yu.* Belarusian module for NooJ / Yu. Hetsevich, S. Hetsevich, B.M. Lobanov, Ya. Yakubovich // NooJ web-site [Electronic resource]. – 2012. Mode of access : <http://www.nooj4nlp.net/pages/belarusian.html>. – Date of access : 16.03.2012.

2. *Hetsevich, Yu.* Overview of Belarusian And Russian dictionaries and their adaptation for NooJ / Yu. Hetsevich, S. Hetsevich // Automatic Processing of Various Levels of Linguistic Phenomena: Selected Papers from the NooJ 2011 Intern. Conf. / eds. Vučković Kristina, Bekavac Božo, Silberstein Max. – Newcastle : Cambridge Scholars Publishing, 2012. – P. 29–40.
3. *Hetsevich, Yu.* Be and Ru linguistic modules processing for the system NooJ as applied to text-to-speech synthesis / Yu.S. Hetsevich, S.A. Hetsevich, V.M. Lobanov // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). Вып. 11 (18) : в 2 т. Т.1: Основная программа конференции. – М. : Изд-во РГГУ, 2012. – С. 198–212.
4. *Лобанов, Б.М.* Компьютерный синтез и клонирование речи / Б.М. Лобанов, Л.И. Цирульник. – Минск : Белорусская наука, 2008. – 344 с.
5. *Гецэвіч, Ю.С.* Ідэнтыфікацыя выразаў з адзінкамі вымярэння ў навукова-тэхнічных і прававых тэкстах на беларускай і рускай мовах / Ю.С. Гецэвіч, А.М. Скопінава // Развитие информатизации и государственной системы научно-технической информации (РИНТИ-2012) : доклады XI Международной конференции (Минск, 15 ноября 2012 г.). – Минск : ОИПИ НАН Беларуси, 2012. – С. 260–265.
6. *Гецэвіч, Ю.С.* Кампаненты ідэнтыфікацыі колькасных выразаў з адзінкамі вымярэння ў тэкстах на беларускай і рускай мовах / Ю.С. Гецэвіч, А.М. Скопінава // Открытые семантические технологии проектирования интеллектуальных систем = Open Semantic Technologies for Intelligent Systems (OSTIS–2013) : материалы III Междунар. науч.-техн. конф. (Минск, 21–23 февраля 2013 г.) / редкол. : В.В. Голенков (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУИР, 2013 г. – С. 319–328.

The article discusses problems of processing quantitative expressions (QE) with measurement units (MU) as applied to Belarusian and Russian text-to-speech synthesis by means of the linguistic processor NooJ. In addition to a general description of algorithms and resources for finding QE, the paper gives an overview with regard to how QE components can be written, i.e. digital descriptors, and MU proper.

Поступила в редакцию 15.05.13

Д.В. Степанова

КОРПУСНЫЙ ПОДХОД К ФОРМАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ ПО ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Статья посвящена проблеме автоматического перевода терминологических словосочетаний. Рассматривается возможность использования корпусного подхода к выделению английских терминологических словосочетаний из научно-технических текстов и их переводу на русский язык на материале предметной области «Вычислительная техника». Приводится детальное описание процесса разработки формальной модели,

и раскрываются основные этапы принципиального алгоритма, которые позволяют автоматически в англо-русском корпусе параллельных текстов по вычислительной технике найти однозначный русский перевод английских словосочетаний. Анализ результатов компьютерной модели показал, что для более 90 % всех исследованных английских терминологических словосочетаний программа предлагает верные варианты перевода.

В последнее время корпусный подход к проведению разноплановых лингвистических исследований в общем и к автоматическому переводу в частности приобретает в мировой практике все большую популярность. Благодаря постоянному совершенствованию компьютерных технологий и обеспечению широкого доступа к персональным компьютерам и сети Интернет специалисты имеют возможность оперативно выполнять различные операции с объемными электронными текстами.

Корпус текстов, под которым понимается определенный массив текстов, представленный в компьютерном виде, является основным понятием корпусной лингвистики – относительно нового направления компьютерной лингвистики, изучающей построение, методологию создания и использования электронных лингвистических корпусов, а также способы автоматической обработки данных в корпусах [1]. Суть этого направления сводится к тому, что достоверные данные о фонетической, морфологической, синтаксической и семантической структуре языка и речи могут быть получены только из достаточно большого массива текстов.

Целесообразность создания и использования корпусов определяется двумя основными предпосылками [2, с. 72]:

1) данные разного типа находятся в корпусе в своей естественной контекстной форме, что предоставляет возможность их всестороннего и объективного изучения;

2) достаточно большой, или репрезентативный, объем корпуса гарантирует типичность данных.

Следует отметить, что отличительной чертой корпусного подхода является «обращение исследователей к реальному употреблению языковых единиц» [3, с. 157].

За последние годы исследователями были разработаны различные классификации корпусов текстов [2, с. 73–74; 4, с. 116–117; 5, с. 40–41].

Одной из разновидностей корпусов текстов являются параллельные тексты, под которыми понимают оригинальные тексты и их переводы на другой язык, обладающие лингвистической и смысловой адекватностью по отношению к оригиналу [6, с. 103].

В настоящее время применение корпусов параллельных текстов для исследования различных языковых явлений и получения новой лингвистической информации широко обсуждается лингвистами многих стран мира. Особое внимание заслуживает использование параллельных текстов для совершенствования автоматического перевода научно-технических текстов. Актуальность данного направления обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, основная масса (60–80 %) современных переводов представляет собой переводы научно-технической информации, которая в значительных объемах поступает из иностранных источников и требует оперативной обработки [7, с. 2].

Во-вторых, сложнейшими задачами для машинного перевода продолжают оставаться передача терминов на язык перевода, разрешение многозначности этих лексических единиц как употребляющихся в различных предметных областях, так и обслуживающих какую-либо одну область [8], а также практически повсеместная невозможность автоматического перевода терминологических словосочетаний. Под терминологическим словосочетанием будем понимать грамматическое единство, образуемое посредством соединения двух или большего числа слов, принадлежащих к знаменательным частям речи, и служащие обозначением единого, но расчлененного научного или технического понятия [9].

В ранних исследованиях, проводимых в этом направлении, применялись два основных подхода: синтаксический и семантический. Синтаксический подход предполагает наличие статистических описаний по текстам определенной предметной области, а семантический подход может быть реализован при условии некоторого предварительно заданного семантического пространства – модели объективной действительности, включая понятия и связи в той или иной области знаний. Большое внимание уделялось выделению и переводу именных словосочетаний: предлагаются вероятностно-статистический подход [10], метод таблицы решений [11], метод морфологического анализа [12], метод определения семантических признаков окружения лексических единиц [13] и метод определения смысловых связей между компонентами словосочетаний наряду с анализом формальной структуры [14].

Лингвисты основываются на положении, что для достижения качественного автоматического перевода при наименьших затратах времени невозможно обойтись без знаний и навыков переводчика-человека. Для нахождения верных эквивалентов в языке перевода лексическим единицам исходного языка необходимо обратиться к уже готовым переводам текстов различной тематики, или параллельным текстам. Корпусы параллельных текстов содержат переводы, при выполнении которых переводчиком-лингвистом проанализированы различные уровни контекста и экстралингвистическая ситуация, установлено, в каких значениях употреблены простые и составные термины, а также проведены структурный и семантический анализы терминологических словосочетаний. В связи с этим можно утверждать, что параллельные тексты обеспечивают весьма существенное продвижение в области автоматического научно-технического перевода и, в частности, в решении задачи устранения семантической неоднозначности в двуязычной ситуации и в определении наиболее предпочтительных для данных текстов терминов из рядов синонимов. Кроме того, такие тексты содержат переводные эквиваленты для терминов, не зафиксированные в словарях.

Важную роль при эффективном использовании параллельных текстов для реализации машинного перевода играет количество и объем самих текстов. Чем больше массив текста, тем больше он содержит переводных эквивалентов для единиц исходного языка. Более того, для систем автоматического перевода нужно стараться накапливать уже отредактированные и правильные переводы, качество которых гарантировано [15].

Следует отметить, что изучение результатов переводческого процесса методом сопоставления как текстов различных переводов с исходными текстами или оригиналами лежит в основе общей и частной теории переводов. Так, например, В.Г. Гак отмечал, что «сопоставление текстов с учетом изменений лексико-грамматических форм, семантических соответствий, логических корреляций и связей и экстралингвистической действительности позволяет исчерпывающим образом вывести закономерности перевода ... которые, в свою очередь, могут послужить орудием объективной оценки ряда существенных аспектов самих переводов» [16, с. 21].

С целью реализации корпусного подхода к созданию алгоритма и компьютерной программы по переводу английских терминологических словосочетаний на русский язык была выбрана терминология предметной области «Вычислительная техника». Выбор этой предметной области объясняется тем, что средства компьютерной техники характеризуются наиболее высокими темпами развития и увеличением масштаба применения, что приводит к расширению сферы употребления терминологии этой области и использованию ее в речи не только специалистами в области информационных технологий, но и широким кругом простых пользователей. Кроме того, аппаратное и программное обеспечение подвержено быстрому моральному износу, что влечет за собой исключение из употребления некоторых терминов или изменение их семантической структуры. В то же время разрабатываются и внедряются новые технологии, требующие номинации. При этом обозначение новых сложных понятий осуществляется, как правило, с помощью терминологических словосочетаний. В результате даже самые современные словари не успевают отразить все изменения и новинки в составе терминологии этой предметной области.

Специфика рассматриваемого метода использования корпуса параллельных текстов для автоматического перевода терминологических словосочетаний связана с тем, что источником их переводных эквивалентов является не некоторая база заранее переведенных словосочетаний, а конкретный перевод некоторого исходного предложения при условии параллельной сегментации исходного текста и его перевода по предложениям [17]. Несомненно, выравнивание текстов по предложениям представляет собой достаточно сложную задачу. Поэтому особый интерес у исследователей вызывает использование таких корпусов текстов, которые сразу создавались как параллельные.

В основу формализации процесса перевода английских терминологических словосочетаний по вычислительной технике на русский язык были положены *следующие предположения*:

1) в текстах параллельного корпуса в каждом английском терминологическом словосочетании можно выделить его опорный компонент, которым является некоторый исходный однословный термин;

2) структурные модели английских терминологических словосочетаний на уровне классов слов, выделенные для текстов определенной предметной области, могут послужить основой для выделения конкретных составных терминов из текста оригинала;

3) в текстах перевода параллельного корпуса в соответствующем предложении можно выделить опорный компонент русского терминологического словосочетания, который является переводным эквивалентом опорного термина английского терминологического словосочетания;

4) структурные модели возможных переводных эквивалентов выделенных английских терминологических словосочетаний могут стать опорой для выделения вариантов переводов из текста перевода параллельного корпуса;

5) при синтаксическом подходе к выделению терминологических словосочетаний в тексте оригинала и их переводу на русский язык важную роль играет количество компонентов, входящих в их состав, поскольку компьютер имеет дело со словоупотреблениями или цепочками знаков, отделенными пробелами.

Рассмотренные предположения послужили основой для создания алгоритма и компьютерной программы для автоматического выделения английских терминологических словосочетаний из научно-технических текстов по вычислительной технике и их перевода на русский язык с использованием корпуса параллельных текстов.

Для достижения поставленной цели необходимо было провести достаточно сложную предварительную работу по созданию лингвистической базы данных системы перевода.

На первом этапе такой работы был создан и выровнен по предложениям англо-русский корпус современных параллельных текстов по выбранной предметной области, состоящий из ста текстов-оригиналов на английском языке и их переводов на русский язык, выполненных профессиональными переводчиками [18].

На втором этапе исследования из созданного корпуса параллельных текстов были формально выделены 138 наиболее употребительных английских однословных терминов и 582 терминологических словосочетания с данными терминами в качестве опорных компонентов. Для выделенных английских словосочетаний из русской части корпуса и из современных специальных словарей были выбраны 905 русских переводных эквивалентов. Выделенные лексические единицы были распределены по группам в зависимости от грамматической принадлежности опорных терминов и от количества компонентов, входящих в состав словосочетаний. Формальная процедура выделения терминов и терминологических словосочетаний из корпуса параллельных текстов подробно рассмотрена в работе [19].

Следует отметить, что сопоставительный анализ терминологической лексики, зафиксированной в современных специальных словарях и используемой в созданном корпусе параллельных текстов, показал, что многие словосочетания остаются неучтенными. Этот факт дает основание рассматривать корпус параллельных текстов по вычислительной технике в качестве одного из источников новых терминов и их вариантов перевода, которые еще не отражены в словарях, но уже широко используются специалистами.

Третий этап заключался в построении структурных моделей выделенных английских терминологических словосочетаний на уровне классов слов. В каждой структурной модели специальным образом, а именно апострофом, был отмечен опорный компонент. Например, структурная модель N1+N' английского терминологического словосочетания *application development* означает, что данное словосочетание представлено двумя компонентами, выраженными именем существительным, а второй компонент является опорным термином.

Построенные структурные модели с указанием опорных компонентов послужили основой для реализации сформулированных ранее *первого и второго предположений*.

На четвертом этапе были построены структурные схемы отобранных ранее русских переводных эквивалентов с учетом их опорных компонентов и установлены типологические соответствия между английскими и русскими терминологическими словосочетаниями на уровне грамматических классов слов. Проведенный сопоставительный анализ показал, что перевод английских терминологических словосочетаний в большинстве случаев не может быть выполнен пословно и, следовательно, требует применения переводческих трансформаций. Например, при передаче словосочетания *network time protocol* (структурная модель N1+N2+N') на русский язык как 'сетевой протокол времени' (структурная схема A+N'+N1) при сохранении количества компонентов имеет место их перестановка и замена одной из частей речи.

Разработанная база структурных соответствий английских терминологических словосочетаний и их русских вариантов перевода позволила реализовать сформулированные ранее *третье и четвертое предположения*.

На последнем этапе подготовительной работы были определены словоформы, которые не влияют на результаты автоматического поиска английских словосочетаний в тексте оригинала и их переводных эквивалентов. Необходимость создания такого списка обусловлена результатами проведенного анализа, которые показали, что в отдельных случаях в составе терминологических словосочетаний встречаются некоторые лексические единицы, например, артикли, указательные и неопределенные местоимения, которые, не изменяя значения термина, влияют на результаты его поиска в тексте. Заданные лексические единицы были положены в основу реализации сформулированного ранее *пятого предположения*.

С опорой на созданную лингвистическую базу данных и на указанные выше условия была разработана формальная модель (алгоритм) использования корпуса параллельных текстов для автоматического выделения английских терминологических словосочетаний из каждого предложения текста оригинала и их перевода на русский язык. Для возможности создания компьютерной программы разработанный алгоритм представлен в словарно-графическом виде и состоит из 134 блоков, которые определяют порядок выполнения операций в процессе решения каждой задачи автоматического выделения терминологических словосочетаний и их перевода.

В этом алгоритме в общем виде можно выделить пять основных задач:

1) опознавание английского опорного однословного термина в переводимом предложении и выделение его в тексте;

2) опознавание английского терминологического словосочетания с найденным опорным термином в переводимом предложении и выделение его из текста;

3) нахождение переводимого словосочетания в английской части корпуса параллельных текстов и выделение предложения, в котором оно употреблено;

4) опознавание квазиосновы опорного термина переводного эквивалента английского терминологического словосочетания в соответствующем предложении русской части корпуса параллельных текстов;

5) нахождение варианта перевода английского терминологического словосочетания в соответствующем предложении русского параллельного текста и печать его на экране.

На основании разработанного детального алгоритма и созданной лингвистической базы данных была написана компьютерная программа на языке программирования С#, экспериментальная проверка которой продемонстрировала возможность применения корпусного подхода для совершенствования качества оперативного перевода английских терминологических словосочетаний по вычислительной технике. Анализ результатов компьютерной модели показал, что для более 90 % всех исследованных английских словосочетаний программа предлагает верные варианты перевода.

Рассмотренный корпусный подход к автоматическому выделению английских терминологических словосочетаний из научно-технических текстов и их переводу на русский язык может быть использован для формализации процесса перевода терминологической лексики других предметных областей, а также может послужить основой для решения других проблем автоматического перевода, например, передачи фразеологизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зубов, А.В.* Корпусная лингвистика: возможности и проблемы / А.В. Зубов // Актуальные проблемы компьютерной лингвистики : сб. науч. ст. / Минский гос. лингвист. ун-т ; редкол. : А.В. Зубов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2005. – С. 68–77.

2. *Захаров, В.П.* Чешский национальный корпус текстов: организация и способы использования / В.П. Захаров // Корпусная лингвистика и лингвистические базы данных : доклады науч. конф., Санкт-Петербург, 5–7 марта 2002 г. / СПбГУ ; редкол. : А.С. Герд (отв. ред.) [и др.]. – СПб. : СПбГУ, 2002. – С. 72–79.
3. *Дикарева, С.С.* Корпусные технологии в режиме диалога «преподаватель – студент-исследователь» // С.С. Дикарева / «Корпусная лингвистика – 2011» : труды междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 27–29 июня 2011 г. ; редкол. : В.П. Захаров (председатель) [и др.]. – СПб. : Санкт-Петербургский гос. университет, филол. факультет, 2011. – С. 157–162.
4. *Баранов, А.Н.* Введение в прикладную лингвистику / А.Н. Баранов. – 2-е изд., испр. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 360 с.
5. *Богуславский, И.М.* Разработка синтаксически размеченного корпуса русского языка / И.М. Богуславский, Н.В. Григорьев, С.А. Григорьева, Л.Л. Иомдин, Л.Г. Крейдлин, Н.Е. Фрид // Корпусная лингвистика и лингвистические базы данных: доклады науч. конф., Санкт-Петербург, 5–7 марта 2002 г. / СПбГУ ; редкол. : А.С. Герд (отв. ред.) [и др.]. – СПб. : СПбГУ, 2002. – С. 40–49.
6. *Пустовайтова, Л.А.* Некоторые результаты исследования переводной неоднозначности английских существительных на материале научно-технических параллельных текстов / Л.А. Пустовайтова // Теория языка и инженерная лингвистика : сб. науч. работ ; науч. ред. В.П. Григорьев. – Л. : ЛГПИ, 1973. – С. 103–112.
7. *Марчук, Ю.Н.* Теория и практика перевода / Ю.Н. Марчук – М. : Тезаурус, 2005. – № 1. – 84 с.
8. *Зайцева, Н.Ю.* История машинного перевода специальных текстов и их терминологии / Н.Ю. Зайцева // Научно-техническая информация. Сер. 2, Информационные процессы и системы. – М., 2002. – № 1. – С. 33–36.
9. *Головин, Б.Н.* О некоторых проблемах изучения терминов / Б.Н. Головин // Научный симпозиум «Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики»: материалы симпозиума, Москва, 1971 г. : в 2 ч. ; редкол. : А.Г. Волков (отв. за выпуск) [и др.]. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. – Ч. 1. – С. 64–67.
10. *Ковалевич, Р.А.* К вопросу перевода именных словосочетаний / Р.А. Ковалевич, Л.А. Славина, В.А. Соркина // Автоматический анализ текстов : сб. науч. ст. / Минский гос. пед. ин-т иностр. яз. ; редкол. : А.В. Зубов [и др.]. – Минск : МГПИИЯ, 1976. – С. 145–158.
11. *Бобков, А.К.* Структура именных групп и формализация правил их распознавания в предложениях реферативного текста / А.К. Бобков // Системные характеристики устной и письменной речи : сб. науч. ст. / Минский гос. пед. ин-т иностр. яз. ; редкол. : А.В. Зубов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГПИИЯ, 1985. – С. 121–128.
12. *Абрамова, Н.Н.* Составление словарей словосочетаний по неформализованным текстам / Н.Н. Абрамова, Е.А. Бевзенко // Вопросы информационной теории и практики : сб. науч. ст. ; – М., 1985. – № 53. – С. 31–37.

13. *Истомин, С.А.* Алгоритм перевода на русский язык французских именных словосочетаний / С. А. Истомин // Романское и германское языкознание : сб. науч. ст. / Минский гос. пед. ин-т иностр. яз. ; редкол. : С.М. Гайдучик [и др.]. – Минск : МГПИИЯ, 1978. – Вып. 1. – С. 171–177.
14. *Славина, Л.А.* Алгоритм перевода на русский язык одного типа английских терминологических словосочетаний / Л.А. Славина, З.М. Каменева // Лингвостатистика и автоматический анализ текстов : сб. теорет. ст. / Минский гос. пед. ин-т иностр. яз. ; редкол. : А.В. Зубов [и др.]. – Минск : МГПИИЯ, 1973. – С. 339–354.
15. *Беляева, Л.Н.* Проблемы анализа корпусов параллельных текстов с различной графикой / Л.Н. Беляева // Корпусная лингвистика и лингвистические базы данных : доклады науч. конф., Санкт-Петербург, 5–7 марта 2002 г. / СПбГУ ; редкол. : А.С. Герд (отв. ред.) [и др.]. – СПб. : СПбГУ, 2002. – С. 27–35.
16. *Гак, В.Г.* Сопоставительные исследования и переводческий анализ / В.Г. Гак // Тетради переводчика ; редкол. : М.Я. Цвиллинг (отв. ред.) [и др.]. – М. : Международные отношения, 1979. – Вып. 16. – С. 11–21.
17. *Михайлов, М.Н.* Стыковка параллельных текстов в автоматическом режиме: иллюзии и перспективы / М.Н. Михайлов // Научно-техническая информация. Сер. 2, Информационные процессы и системы. – М., 2003. – № 10. – С. 18–26.
18. *Степанова, Д.В.* Специфика организации англо-русского корпуса параллельных текстов по вычислительной технике для перевода терминологических словосочетаний / Д.В. Степанова // Вестник МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2009. – № 6 (43). – С. 185–193.
19. *Степанова, Д.В.* Формальное выделение английских терминологических словосочетаний подъязыка «Вычислительная техника» / Д.В. Степанова // Вестник МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2006. – № 22. – С. 196–207.

The article deals with a corpus-based approach to the automatic multi-word term extraction from English texts on computer technology and their translation into Russian. The paper provides the main aspects and stages of computer model developing for the given purpose. The paper discusses the prospects of Memory System Technology and analyses the results of the developed computer model.

Поступила в редакцию 17.04.13

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

И.С. Криштоп

МОТИВ ПУТИ В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
ЭДНЫ МИЛЛЕЙ И КОНСТАНЦИИ БУЙЛО

Статья посвящена исследованию особенностей функционирования мотива пути в поэтических произведениях американского автора Эдны Миллей и белорусского автора Констанции Буйло. Выделяются и описываются основные вариации мотива пути в произведениях поэтесс – полет, прогулка, жизненная дорога. Значительное внимание уделяется сравнительному анализу пространственно-временных характеристик, которые раскрывают уникально-авторское смысловое наполнение мотива пути. Установлено, что мотив пути в произведениях американской и белорусской поэтесс передает и действие, и состояние. Лирические героини поэтесс – это неустанно ищущие путь к постижению как окружающего, так и внутреннего миров женщины.

Творческое становление американской поэтессы Эдны Миллей (1892–1950) и белорусской поэтессы Констанции Буйло (1893–1986) совпало с процессом, когда в национальных литературах наблюдается рост интереса к проблемам жизненного и творческого становления личности по этапам ее внутреннего созревания и самоопределения, соотнесенности духа, души и тела, «рубежности» общественного сознания. Причиной акцентирования данных проблем называют кризис, возникший на рубеже XIX–XX веков в результате слома привычных традиций, изменения ценностных ориентиров, идеалов и норм духовной культуры и ставший основой для трансформации представлений об окружающем мире и человеке, которые нашли выражение в произведениях художественной литературы посредством актуализации мотива пути.

Мотив пути является одним из доминантных в поэтических произведениях Э. Миллей и К. Буйло и, как правило, выражен средствами прямой номинации – дорога, прогулка, путешествие. Однако имеет место и употребление индивидуально-авторских названий: например, у К. Буйло – *пуціна*, *гасцінец*, у Э. Миллей – *gate* ‘проход’, *flow* ‘поток’, *wood-roads* ‘лесные дороги’.

Американская и белорусская поэтессы активно развивают метафорическое значение мотива пути – «жизненной дороги», обозначающей линию поведения лирических героинь и их отношение к явлениям жизни. При этом поэтессы активно совмещают данное значение с идеей поиска, имеющего два направления: поиск собственного жизненного пути и поиск пути развития общества (страны):

*I am so tired, so tired
Of passing pleasant places! All my life,
Following Care along the dusty road...*

Е. Миллей «Journey» [1]

Life is a quest ...

Е. Миллей «Weeds» [1]

*І будзе мне лягчэй пуцінай ісці
крутой,*

Жыць будзе мне лягчэй!

К. Буйло «Мы зноў сустрэліся»

[2, с. 23]

Пойдзем разам жыццёвай дарогай,

*Мо тады чуць не будзем так моцна
цярнёў,*

Што калечаць бялітасна ногі.

К. Буйло «Я шукала...» [3, с. 42]

Обе поэтессы демонстрируют твердую убежденность в правильности осуществления движения, без которого невозможна жизнь (*І хочацца не раз, да болю, усё ў жыцці / Спазнаць, адчуць самой... Ўзяць шчасце сваё з бою...*), однако выражают сомнения в направлении движения, при этом акцент смещается на внутреннее напряжение, эмоциональную взволнованность и не видную постороннему глазу мучительность поиска направления:

How shall I know, unless I go...

Whether or not this blessed spot

Is blest in every way?

Е. Миллей «To the Not Impossible

Him» [1]

Што? – не згадаць ніяк –

к жыццю ці да магіль...

К. Буйло «На крыллі песні» [3, с. 15]

Внешнее движение в поэтических произведениях Э. Миллей (перемещение по местности) сочетается с внутренним (странствие души), т.е. носит синтетический характер. «Дорожные» стихотворения Э. Миллей – иллюстрация процесса пространственного и духовного освоения жизни в поисках нравственного и этического идеала, так как «странствуя», лирическая героиня не только любит объекты окружающей среды (преимущественно природой), а «заброшена» в нее, становится ее мыслящей и чувствующей частью.

В поэтических произведениях К. Буйло компонент дороги, как правило, не выражен. Его заменяет одна из интереснейших вариаций мотива пути, предполагающая передвижение в воздушном пространстве, – полет, сочетающего элементы как внешнего движения, так и внутреннего: *Каб я крыллі лёгкай птушкі – / Салавейкі мела* («Каб я мела...»); *О, як жа з табою ляцець я хацела, / Пакінуць і свет і жыццё* («Ноч позняя») [3, с. 22].

В лирике белорусской поэтессы особую актуальность обретает «окрыленность» души как реализация варианта внутреннего движения (странствования) лирической героини: *Ляціш да нас душой* («Ці помніш ты?») [3, с. 34]. Развитие мотива души-птицы отражает авторскую концепцию индивидуального человеческого бытия, основанную на идее свободы, сопряженной с душевным полетом как способом достижения гармонии: «крылатая» душа в произведениях К. Буйло – это душа свободная, и свобода эта присутствует во всей поэзии белорусской поэтессы раннего периода.

Мотив полета в поэзии К. Буйло выражает не только идею движения (перемещения), но и имеет определенную траекторию. В стихотворении «Каб я мела...» белорусской поэтессой четко определяется конечная цель полета – пути: *Я бы з песняй паляцела / Ё горад той далёкі, / Там ёсць дом – пануры, сумны, / Цёмны і высокі...* [3, с. 13]. Последующее описание тюрьмы и заключенных в ней «острожников» выступает как антитеза мотиву полета, подразумевающего неограниченность, свободу передвижения в воздушном пространстве. Таким образом, на основе антитетичности значений полета и тюрьмы автор интенсифицирует значение идеи свободы, необходимой как человеку и стране, в которой он проживает, так и природе.

Отличительной чертой поэтических произведений К. Буйло является и то, что поэтесса реализует древнее значение «пути», соотносимое со «звуком», выраженным посредством значений, заключенных в словах *стон* и *звон*. Звук является организующим в пространственно-временном измерении и становится символом страдания и боли в стихотворениях «*Не то песня...*», «*Звон*», «*На крыллі песні...*». Автор подчеркивает разнохарактерность звука, тем самым указывая на разнообразие проявления жизненных ситуаций: *А гукі яго дзіўнай нотай дрыжалі / То як бы ў думе, то як бы ў жалі, / І чуўся ў ім гукі прызыў...* («Звон»); *Рэхам гукі гудзеў* («Не то песня...»); *Над званіцай старой / Звон зыклівы раптоўна раздаўся* («Дзень сканаў за гарой») [3, с. 9, 12, 23].

Мотив полета в творчестве К. Буйло развивается и при помощи включения значений различных вариантов передвижения ветра («сціх», «паляцеў», «шуміць», «заенчыш», «гудзіць», «завые»), которые, с одной стороны, выражают боль и страдания народа, взрыв эмоций, бунт в душе самой лирической героини, социальные потрясения, с другой – идея свободы перемещения ветра особенно важна для воплощения идеи свободы перемещения либо существования самого человека: *О вецер! Ты плачаш, ды ты йшчэ шчаслівы, / Свабодны ляціш у прастор... / З табой я лятала б, з табой бы гудзела... / Праз пушчы лясныя, балоты, імиары, / Дзе б толькі забрацца ты мог* («Ноч позняя») [3, с. 22].

Такая характеристика движения как скорость раскрывает уникально-авторское смысловое наполнение мотива «пути» в поэзии К. Буйло: особенно значимыми становятся компоненты значений «ляту», «нясуся», «шалёна», передающие стремительное перемещение. Скорость движения проецируется в лирике К. Буйло и на описания пространства: картины природы динамичны – природа живет, движется, меняется. Стремительность была характерна не только мировосприятию К. Буйло, но и всей белорусской литературе начала XX века. М.А. Тычина в монографии «Карані і крона» отмечает: «Беларуская літаратура спяшалася... паскарэнне выявілася ў хуткасці, з якой яна за адно прадрэвалюцыйнае дзесяцігоддзе прайшла, як дакладна сказаў М. Багдановіч, «усе шляхі ... паэзіі еўрапейскай...» [4, с. 65–66].

Другая вариация мотива пути, более актуальная для творчества американской поэтессы, но и отмеченная в творчестве К. Буйло, – *прогулка* – предполагает замедленное движение, что дает авторам возможность яснее изобразить отдельные стороны путешествия: для прогулки, которая совершается пешком, важна как изменчивость внешних пространств, так и смена эмоций и чувств, вызванных изображением и/или воображением, т.е. передается как действие, так и состояние:

<i>Dim, shady wood-roads, redolent of fern</i>	<i>Тут між іх я люблю так хадзіць і</i>
<i>And bayberry, that through sweet</i>	<i>хадзіць,</i>
<i>bevies thread</i>	<i>Слухаць толькі, што лес гаманіць.</i>
<i>Of round-faced roses, pink and petulant,</i>
<i>Look back and beckon ere they</i>	<i>Тут люблю я глядзець, як дубочак з</i>
<i>dissappear.</i>	<i>сасной</i>
<i>Only my heart, only my heat responds.</i>	<i>Ціха шэпты вядуць між сабой...</i>
E. Millay «Journey» [1]	К. Буйло «У лесе» [3, с. 27]

В поэтических «прогулках» создаются особенно благоприятные условия для анализа пространства, в котором она осуществляется. Э. Миллей и К. Буйло относятся к поэтам с горизонтальным и вертикальным выражением художественного пространства: в их текстах находит реализацию оппозиция «верха» (неба) и «низа» (земли). В стихотворениях К. Буйло «На могілках», «Дзень сканаў за гарой...», «Русалкі» и Э. Миллей «Возрождение», «Похороны» («Burial»), «Ода тишине» («Ode to Silence») оппозиция «верха и низа» дополнена пространством загробного мира.

Небо в системе ключевых природных образов К. Буйло становится индивидуально-авторским функциональным центром многих поэтических произведений («На крыллі песні», «Ноч позняя», «Ляці, душа» и другие). Небо является вечной лазурью, зовущей ввысь, оно бескрайнее, мягкое, широкое: *Гэй, які абшар шырокі* («На крыллі песні») [3, с. 15]. Душа поэтессы тянется к небу как сроднение душ с небесной властью: *Мне добра так, так міла / Ё высі нямой красе; Ляці, душа мая, пакінь зямлю зямлі. / Сама ўзніміся ўвыш, у звёзднай згінь далі... Плыві над светам ты праменьнямі прадвесня...* («Ляці, душа») [2, с. 12]. В основном, небеса у белорусской поэтессы светлые, несущие надежду как лирической героине, так и всему человечеству. В стихотворении «Ноч позняя...» ночное небо в восприятии лирической героини – это место, где можно *пакінуць і свет і жыццё* [3, с. 22]. Небо в поэзии К. Буйло противопоставляется земле (*Там дзесьці, у даліне, – чуць-чуць дагледзіць вока – / Ляжыць яна – зямля... Так нізка, так далёка!* («На крыллі песні»)) [3, с. 15], как может быть противопоставлено идеальное и реальное, при этом, несмотря на желание лирической героини оставаться в небе, находит место выражение идеи стремительного возвращения к реальности с целью ее преобразования: *Мы туманы развеем; / Як у пялёнках, у іх наш родны край ляжыць* («Да працы») [3, с. 14].

Для лирической героини Э. Миллей небо не представляется чем-то безграничным и дарящим надежду: оно, как правило, представлено в качестве пространства, противопоставленного «цветуще-пустынной земле»: *White with daisies and red with sorrel/ And empty, empty under the sky!* – [1].

В поэме «Возрождение» одним из векторов пути является пространство неба, которое разочаровывает лирическую героиню, так как она проявляет способность коснуться его вершины: в результате – небо теряет свою грандиозность и божественность (*So here upon my back I'll lie / And look my fill into the sky. / And so I looked, and, after all, / The sky was not so very tall... The sky, I thought, is not so grand;/ I most could touch it with my hand!*) [1]. Данное знание заставляет лирическую героиню изменить направление пути и продолжить движение в качественно ином пространстве – загробном мире.

В поэме «Возрождение» Э. Миллей представляет опыт пребывания лирической героини в ином мире, который вызывает положительные эмоции. В стихотворении «Раніца» К. Буйло загробный мир описан как «ясный» и полный чудесного:

*Deep in the earth I rested now;
Cool is its hand upon the brow
And soft its breast beneath the head
Of one who is so gladly dead.*

Е. Millay «Renaissance» [1]

*Хадзі, пойдзем, пакінь нуду злую,
Хадзі, пойдзем, далёка са мной;
Завяду цябе ў ясны свет мой
І ўсе чары яго пакажу.*

«Раніца» [2, с. 14]

Несмотря на позитивное представление пространства «иного мира», лирические героини обеих поэтесс стремятся к возвращению в действительность.

Особенностью представления категории пространства в поэтических произведениях поэтесс является то, что оно может утрачивать четко обозначенные границы (*I расплыўся кудысь сярод сумнай цішы, / I паплыў ён удаль... / З імі ўшыр паляцеў...* («То не песня...»)) [3, с. 9], т.е. происходит размывание границ между пространствами, а характеристики топосов начинают приобретать скорее эмпирическое, чем географическое значение.

Важнейшим параметром пути наряду с пространственной является и его временная характеристика, анализ которой в поэтических произведениях Э. Миллей позволяет построить следующую временную парадигму:

Moment – hour – day – month – year – century

‘Момент – час – день – месяц – год – столетие’

Не случайно *момент* как отрезок времени размещен на первом месте. Э. Миллей неоднократно возвращается к отдельным моментам в жизни, тем самым показывая, с одной стороны, ее динамичность и быстротечность, с другой – важность каждого ее эпизода: *The love that stood a moment in your eyes... / The words that lay a moment in your eyes... / Are one with all that in a moment dies...* [5]. В поэтических произведениях К. Буйло момент как отрезок времени («Як пражыты той міг, / Што мільгнуў у жыцці» («Не то песня...»)) [3, с. 9] также является значимым, поскольку определяет

контраст временности и быстротечности человеческой жизни и бесконечности существования природы или Вселенной. Обе поэтессы, фиксируя определенное мгновение из жизни, как правило, психологически напряженное, стремятся проникнуть в глубь человеческой души.

Э. Миллей и К. Буйло рассматривают настоящее, которое представляется им дисгармоничным, разбалансированным, в тесной связи с прошлым, понимая последнее как основу для будущего. Важно отметить, что конечная цель пути лирических героинь обеих поэтесс ориентирована в настоящее, в реально и предметно сущее:

Night falls fast

Today is past

Е. Millay «Interim» [1]

What should I be but a prophet or a liar...

What should I be but just what I am?

Е. Millay [1]

There are a hundred places where I fear / To go...

Е. Millay «Time does not bring relief;

you all have lied» [1]

Што болей не вернеца зноў да мяне

Святляная прошласць мая.

Сягоння... Сягоння таго ўжо няма...

Сягоння хоць смех мой на вуснах дрыжыць...

К. Буйло «Кветкі» [3, с. 20]

Сярод ніў ды палёў хараводаў-кругоў

Мы натворым, успомнім былое...

К. Буйло «Дзень сканаў за гарой»

[3, с. 23]

Путь-дорога в творчестве Э. Миллей и К. Буйло всегда устремлена к некой (заветной, вожделенной, тревожной и т.д.) цели.

Лирическая героиня Э. Миллей отправляется в путь в надежде достичь идеальной красоты и обрести гармонию, углубить свои знания о мире, достичь новой стадии самопонимания, символически выраженной истины, при этом в качестве стимула к осуществлению движения указывается красота (*...else I think / I should not have ventured forth alone / At dusk along this unfrequented road. / I am waylaid by Beauty...* [1]), под которой автор понимает гармоничную жизнь, предоставляющую возможности для самореализации. В характеристике поэтического наследия Э. Миллей отмечается, что она – «королева культа личности», так как гармоничная и цельная личность – идеал, к которому поэтесса «стремилась в жизни и творчестве» [6].

Если лирической героине американской поэтессы известна конечная точка пути, то она отказывается следовать данным путем: *That if you follow where it led / It brought you to the milk-man's door / (That's why I have not travelled more.)* («The Unexplorer») [1], т.е. путь становится самоцелью, и его ценность – в нем самом. Поэтому Э. Миллей, как правило, не семантизирует направление пути: подчеркивается значимость именно движения (*Life must go on / Though good men die* («Lament») [1], что, с одной стороны, может свидетельствовать о готовности к приключению и авантюре, с другой стороны – об уверенности в своих силах и самостоятельности: *Yet there isn't a train I wouldn't take, / No matter where it's going* («Travel») [1]. Представляя итог проделанного героиней пути (*The world stands out on either side /*

No wider than the heart is wide;/ Above the world is stretched the sky, – / No higher than the soul is high) [1], автор акцентирует внимание не на внешних обстоятельствах достижения цели пути, а на возможности дальнейшего исследования мира и человека в нем.

Кризисные моменты в жизни лирической героини Э. Миллей, как правило, отмечены стремлением изменить свое пространственное окружение, жаждой новых – путевых – впечатлений, чтобы избавиться от горечи краха надежд и утраты. При этом лирическая героиня сознательно стремится к переменам, которые связывает с новым этапом, а следовательно, дорога-путь – это своеобразный переходный период, в котором совмещаются пессимистические и оптимистические настроения.

Связь мотива пути с мотивом преодоления кризисной ситуации становится особенно очевидной в поэме Э. Миллей «Возрождение». Осознание ограниченности окружающего «замкнутого» пространства, описание которого имеет много общего с той местностью, где проходило взросление самой поэтессы, приводит к одной из двух смертей, описанных в произведении, и перехода от «горизонтальной» (земной) протяженности к «вертикальной» (загробный и божественный миры) [5, с. 259–260], т.е. происходит освобождение души от рамки физического тела, и душа становится субъектом движения. Результатом самостоятельного движения души становится осознание новых граней индивидуальности. Это знание возвращает лирическую героиню к «земному» пути. Э. Миллей акцентирует значимость перехода от вечности к истории, от запредельно-абстрактных сфер – к обыденному, т.е. от идеала к действительности с целью ее преображения, и способен это сделать высоконравственный и одухотворенный человек. В поэме утверждается, что человек – существо двойственное: в нем сочетается индивидуальное начало личности и начало божественное.

В поэтических тестах американская поэтесса обращается к теме блуждания одинокой души, утратившей первичную гармонию и целостность, т.е. актуализируется идея развоплощения (освобождения духа). Мотив пути в таких лирических текстах можно рассматривать как желание обрести себя, свободу, так как «путь» направлен на самопонимание и понимание других, сопряжен с максимальным раскрытием внутреннего мира, анализом природы человеческой сущности и смысла жизни, т.е. реализуются рефлексивные свойства мотива пути.

Конечная цель пути лирической героини К. Буйло, как правило, реализуется в идее обретения свободы и достижения социального равенства, которое возможно, по мнению поэтессы, как в «небе», так и на «земле» посредством утверждения приоритета внутренних возможностей человека и потребностей нации, с учетом духовно-нравственных и эстетических ценностей человека и народа.

Таким образом, реализация мотива пути (внешнего и внутреннего) определяется особенностями мировосприятия американской и белорусской поэтесс, так как «перемещение в поэтическом пространстве» становится точным отражением процессов, происходивших внутри их «Я». Путь в вос-

приятти Э. Миллей и К. Буйло является средством, способом достижения определенных целей, причем индивидуально-личностные цели доминируют в творчестве американской поэтессы и социально-общественные цели преобладают в творчестве белорусской поэтессы. В некоторых поэтических произведениях авторов вышеобозначенные цели входят в отношения взаимообусловленности. Мотив пути ассоциируется в творчестве поэтесс с необходимостью поиска либо красоты и истины, которая должна спасти человечество (преимущественно в творчестве Э. Миллей) либо личной и национальной свободы (преимущественно в творчестве К. Буйло). Лирические героини поэтесс – это неустанно ищущие путь как к постижению окружающего мира и определению своего места в нем, так и самопознанию, т.е. мотив пути передает и действие, и состояние.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Millay, E. Poems* / E. Millay. – PoemHunter.com – The World’s Poetry Archive [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.poemhunter.com/i/ebooks/pdf/edna_st_vincent_millay_2004_9.pdf. – Date of access : 15.12.2008.
2. *Буйло, К.* Курганная кветка. Вершы, драматычныя паэмы (факсімільнае выданне) / К. Буйло. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1989. – 89 с.
3. *Буйло, К.* Пялёсткі курганнай кветкі / К. Буйло. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2007. – 95 с.
4. *Тычына, М.А.* Карані і крона: Фальклор і літаратура / М.А. Тычына. – 2-е выд. – Мінск : Бел. навука, 2002. – 197 с.
5. *Топоров, В.Н.* Пространство и текст / В.Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – М. : Наука, 1983. – С. 227–284.
6. *Epstein, D.M.* What Lips My Lips Have Kissed / D.M. Epstein [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.arlindo-correia.com/edna_millay.html. – Date of access : 05.12.2008.

The article is devoted to the study of functioning of the motive “way” in E. Millay and K. Bujlo’s poetry. In the article we identify and describe the main variations of the motif “way”. Considerable attention is paid to the analysis of the spatial and temporal characteristics that reveal its unique meanings.

Поступила в редакцию 02.05.13

Е.А. Юрчук

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫХ СТУДИЙ

В статье проанализирована зарубежная научная традиция постколониализма в работах Э. Саида, Г. Бгабги, Г.Ч. Спивак. Установлено, что постколониальная теория характеризуется отсутствием общей теоретической матрицы. В ней присутствует широкий

спектр авторских моделей интерпретации феноменов колониализма, антиколониализма и постколониализма. Постколониальная теория использует широкий спектр методов: постструктурализм, психоанализ, деконструкция, идеи феминистической критики.

В западноевропейском литературоведении, начиная с 60-х годов, актуальным стал вопрос переосмысления культуры народов, которые находились под влиянием империи. Эта проблема впервые была поднята в «Антологии новой негритянской и мальгальской поэзии» (1948 г.), книгах «Черная кожа, белые маски» (1952 г.), «Проклятые люди земли» (1961 г.), «Гонимые и голодные» (1961 г.) и др. В связи с этим в научный оборот вошло понятие *постколониализм*. Изначально целью постколониальных студий было исследование колоний стран Западной Европы, литература которых чаще всего была написана на английском языке и «вызвала интерес у публики и критики гибридной эстетичных форм и значимостью затронутых культурных и политических проблем, доставшихся в наследство от предыдущей эпохи» [1, с. 342].

В начале 80-х годов XX века термин *постколониализм* приобрел новое значение, его начали использовать по отношению к другим поработанным народам. Поиск подобных признаков колонизированных культур обусловил формирование ложных представлений о колониальном единстве, а также критериев, по которым конкретную культуру относили или не относили к колонизированной с соответствующим правом на постколониальное прочтение. Такая ситуация актуализировала необходимость говорить о существовании не одной постколониальной культуры, а разных культур, имеющих собственное национальное лицо и требующих индивидуальных подходов и толкований. Это подчеркивает Арун П. Мукгерджи: «Они забывают, что не существует одной постколониальной литературы, а существует несколько постколониальных литератур» [2, с. 562].

В современных западноевропейских постколониальных студиях бывшие колонии все чаще становятся не только объектом изучения, но и объектом манипуляции. Как отмечает Аяз Ахмад в работе «С точки зрения теории: классы, нации, литературы», восточная культура является полем научной карьеры не только для зарубежных исследователей, но и жителей Востока [3]. Все чаще происходит отождествление явлений, присущих постколониализму и постмодернизму, что приводит к переосмыслению ценностного акцента с возрождения и исследования угнетенных колонизаторским влиянием структур на разрушение традиций.

В контексте постколониального дискурса происходит развитие постколониальной критики. Как отдельная отрасль она утвердилась в 90-х годах XX века с появлением исследований Эдварда Саида («Культура и империализм»), Гоми Бгабга («Нация и нарация»), Гаятри Чакраворти Спивак («В иных мирах»). В своем развитии она преодолела этапы, которые, по мнению Питера Барри, совпадают с этапами развития феминизма: от критики колонизатора к исследованию самого себя [4].

Применив идеи философа-постструктуралиста М. Фуко, Эдвард Саид проанализировал тексты Востока. Западноевропейский ориентализм он понимал как такой, который отражает ошибочные представления западного человека о Востоке, но не раскрывает истинную сущность восточной культуры. Западноевропейскую науку устраивают надуманные знания, совмещенные с имперским дискурсом, поскольку они согласуются в видении Востока, а также обеспечивают толерантное отношение к бывшей колонии.

Первое целостное исследование проблем ориенталистики было сделано в книге Э. Саида «Ориентализм», где проанализированы ориенталистские структуры и реструктуры, а также исследованы скрытые и очевидные формы ориентализма настоящего. Автор убедительно демонстрирует, что «европейская культура значительно окрепла и смогла лучше реализовать свою идентичность, сопоставив себя с Востоком как с некой искусственно созданной и отчасти скрытой сущностью противоположного содержания» [5, с. 14].

«Ориентализм» Э. Саида сформировал круг научных основополагающих для постколониальной теории понятий – *интеллектуальное превосходство, перекодированное присутствие* или *репрезентация, культурная сила*. Он писал о заангажированности каждой науки, что привело к разрушению иллюзий о том, что гуманитарные студии разворачиваются вне сферы политики (студии колонизатора по отношению к покоренному им народу всегда содержат геополитический аспект и являются средством контроля колониального дискурса). В «Ориентализме» Э. Саид определил методы постколониальных исследований: 1) метод стратегического расположения – «способ изображения позиции автора в тексте, где изложен ориентальный материал, о котором он пишет» [5, с. 34]; 2) метод стратегического благоустройства – «анализ отношений между текстами, т.е. изучение способа, с помощью которого группы текстов, виды текстов, даже текстуальные жанры набирают массы, плотности, и представительской силы сначала в отношениях между собой, а затем и в масштабах всей культуры» [5, с. 34].

В работе Э. Саид сформировал категориальный аппарат постколониальных студий, апробировал комплекс методов, которые открывают возможность создавать новые (не-имперские) версии ориентального материала. В центре его исследования чаще всего были тексты, в которых империя говорит о своей колонии. Автор пытался не только выделить нарратив колонизированного народа из-под власти имперского стереотипа, дать ему свой голос, но и указать недостатки, существующие в имперских представлениях об ориентальном колонизированном мире. Это стало путем поиска настоящего себя в чужом пространстве, лишило возможности избавиться несамостоятельности в сознании колонизированного.

Не менее весомым для постколониальных студий стало исследование Э. Саида «Культура и империализм», где он обосновал понятие *культурный империализм* с учетом современных идей локализации и глобализации. Ученый характеризовал империализм как «практику, теорию и отношение

господствующей метрополии, которая управляет отдаленной территорией» [6, с. 44]; культуру – как источник национальной идентичности, т.е. фактор, который отличает «нас» от «них». Формы культуры связаны с нарративом, который составляет основополагающую грань национального и является действенным средством имперского контроля, а также сопротивления этому контролю: «Конечно, империализм борется прежде всего за землю, однако владение землей, право на ее заселение и использование, ее содержание, завоевание и планирование ее будущего – эти вопросы отражались, дискутировались и некоторое время даже решались в нарративе. По словам одного критика, нации сами по себе нарратив. Способность рассказывать или препятствовать формированию и возникновению других нарративов очень важна для культуры и империализма, ведь это одна из главных связей между ними» [6, с. 13].

Э. Саид прибегал к анализу текстов английских писателей, отмечал наличие в них двойственных стереотипов. По его мнению, они занимают позицию антиимпериализма, осуждают его «крайние» формы (например, физические пытки), а также империализма – если дело касается возможности получения колонией независимости. Позиция представителя имперского мира относительно колониального всегда реализуется по схеме: «Мы позволили – вы имеете». В этом проявляется иллюзорность доброжелательности, гуманности имперского центра к периферии: «Именно так чувствовали себя американцы по отношению к своим южным соседям: мы желаем им независимости только в том случае, если это будет одобренная нами независимость. Все остальное неприемлемо, мало того – невысказано» [6, с. 21].

Также Э. Саид анализировал явления антиколониального характера – национализм и освобождение. По его мнению, проблема реализации национального связана с появлением первенства мнимых сообществ, которые, получив независимость, становятся «заложниками» толпы диктаторов. В противовес такой ситуации он ставит позицию интеллектуалов «третьего мира», находящихся в эмиграции и пытающихся «соединить опыты разных сторон имперского порядка, их просмотр больших канонов, их создание критической литературы» [6, с. 99], что «... не могли кооптировать и, наконец, и не кооптировали возрожденные национализмы, деспотизмы и мелочные идеологии, которые изменили идеям освобождения в пользу реальности национальной независимости» [6, с. 99].

Особое внимание Э. Саид уделял сопротивлению колонизированного дискурса относительно дискурса имперского. Разворачивается оно в двух формах: первичной, связанной с физической борьбой (войны, восстания), и духовной, проявляющейся в культурных соревнованиях. Культурной форме противостояния он придавал особое значение. Даже при поражении колонизированного народа на «физическом» уровне культурная оппозиция помогает сохранить национальное, создать феномен метафизической независимости, катализировать следующую борьбу: «После периода «первичного

сопротивления», фактической борьбы против внешнего вторжения, приходит период вторичного, т.е. идеологического сопротивления» [6, с. 298]. Ученый обращает внимание и на трагедию всякого сопротивления, ведь приходится не только выстраивать антиколониальную стратегию, но и заботиться о восстановлении национальных форм, подвергающихся деконструкции имперской культурой.

На основе опыта восточных стран Э. Саид анализирует потери и достижения национализма: его реализацию путем установления после обретения независимости власти национальной элиты, объединенной в одну или две доминирующие партии, ведет к коллаборации между национальной интеллигенцией и колонизатором, образованию модифицированной версии имперского дискурса: «Националисты копируют методы западных политических партий, поэтому все разновидности трения развиваются в рамках националистического лагеря: между селом и городом, между лидером и заурядными членами партии, между буржуазией и крестьянами, между феодалами и политическими лидерами – и всех их используют империалисты» [6, с. 378]. Поэтому национализму он противопоставляет «политику освобождения».

Э. Саид ставит под сомнение возможность внеинтеллектуального (физического) сопротивления имперскому и постимперскому дискурсам. Трагедия сопротивления – в копировании независимой национальной элитой имперских политических моделей, в превращении ее в «толпу диктаторов». Принципиально иную роль играют интеллектуалы, находящиеся в эмиграции. Этими рассуждениями Э. Саид создает оппозиционную пару, которую составляют «национальная элита материковая» и «национальная элита нематериковая». Материковая элита оказывается в ситуации вечного проигрыша, нематериковая находится «над ситуацией», способна рассматривать ее в интерпретации разных дискурсов (имперского, антиколониального, постколониального). Это снижает значимость получения реальной независимости, прочитывается как негативная перспектива и создание иллюзорного пространства интеллектуальной бездействующей аналитики. Такая позиция исследователя мотивирована индивидуальным опытом, поскольку Э. Саид принадлежал к той «нематериковой элите», которая оставалась в эмиграции даже после получения независимости его нацией.

Студии Э. Саида стали причиной появления исследований, направленных на деконструкцию заангажированных имперскими идеологиями текстов. Его поиски продолжили другие ученые, среди них особого внимания заслуживают Гоми К. Бгабги, Гаятри Чакраворти Спивак.

В своих постколониальных исследованиях Гоми К. Бгабга смещает акценты с империи, колонии на нацию, истолковывая ее как определенную идеологическую нарративную модель. Обычно он обращается к имперской нарративной модели, но не из-за желания найти в ней ложные представления о колонизированном мире, а с намерением декодировать ее элементы. В работе «Нация и рассказ» Г. Бгабга прибегает к деконструкции английского языка, основанной на неожиданном сочетании слов, нетради-

ционном использовании постоянных оборотов, клише. Разрушая каноны английского языка, он ставит под сомнение английскую модель мировоззрения. В этом двойном процессе речь колонизатора отталкивается как ненужная (заодно происходит отказ от имперской культуры, эстетики) и одновременно – присваивается. Власть над языком колонизатора выражает ее ограниченность, ведь «стандартный английский язык с трудом приспособляется к конструкциям, заимствованным из других языков и других цивилизаций. Как следствие, носители языка (не говоря уже о тех, кто не являются его носителями) оказываются в неловкой ситуации, когда они знают меньше жителей империи» [7, с. 76].

Из-за таких трудностей из английской культуры исключается широкий пласт «неанглийского», неимперского колониального опыта. Этот процесс связан и с особенностями английского языка, и с политикой, когда текстуальность становится средством внедрения идеологических доктрин. Поэтому, по убеждению Гоми К. Бгабга, «текстуальность» является основополагающим понятием постколониальных студий. В книге «Нация и рассказ» он проводит параллели между идеологией и языком, указывая, что общей для них является амбивалентная природа элементов («двуликое лицо Януса»), ставит своей целью «исследования амбивалентности самого языка с лицом Януса в построении двуликого дискурса нации» [8, с. 559].

Такой подход дает возможность опровергнуть превосходство одной культуры над другой. В анализе нации как нарративной модели Гоми К. Бгабга сосредоточивается на соотношении между «своим» и «другим», подчеркивая значимость «пограничного» пространства. Отвергая идею культурной идентичности народов третьего мира, он убеждает, что нация как нарративная модель тем интереснее, чем больше она разнородна и гибридна.

Постколониальные студии Гаятри Ч. Спивак основаны на анализе проблемы женщины в колонизированном пространстве. Исследовательница отвергает понимание универсальности опыта, который предопределял навязывание женщине колонизированного государства моделей поведения, не присущих ее культурной традиции. Соответственно, опровергалось понимание отношений между колонизатором и колонизированным сквозь сферу сексуального, когда колонизированных воспринимают как феминное, к которому возможны различные виды агрессии. Отрицание права колонизатора на тело женщины «третьего мира», чаще всего маскирующегося под защиту от черного человека, ставит под сомнение собственную слабость, необходимость в такой защите и вообще феминный характер всей колонизированной культуры.

Гаятри Ч. Спивак поднимает проблему женской речи в исследовании «Может ли подчиненное говорить?». Ее рассмотрение приводит к анализу сознания зависимой женщины, а также женщины в постколониальном пространстве, которую слушают или вместо которой говорят, но с которой не общаются [9]. Исследовательница доказывает, что национальная модель актуализируется с обретением независимости и чаще всего имеет мужской характер. Женщине в ней отведена роль, которая делает невозможной

реализацию ее стремления к власти. Гаятри Ч. Спивак сосредоточивается на необходимости исследования женского голоса, создании женщиной собственной речи, оппозиционной имперской патриархальности и собственной национальности.

Итак, постколониальные студии характеризуются отсутствием обобщенной теоретической матрицы. Вместо этого представлен широкий спектр дефиниций понятий *постколониализм*, *постколониальная критика*, *постколониальная теория*, авторские модели интерпретации явлений колониализма, антиколониализма, постколониализма. Широкой по своему инструментарию является и методология постколониальных студий. Используются постструктурализм, деконструкция, психоанализ, достижения феминистской критики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будный, В. Сравнительное литературоведение / В. Будный. – К. : Издательский дом «Киево-Могилянская академия», 2008. – 430 с.
2. Мукгерджи, Арун П. Чей постколониализм и чей постмодернизм? / Арун П. Мукгерджи // Антология мировой литературно-критической мысли XX в. ; под ред. М. Зубрицкой. – Львов : Летопись, 1996. – С. 562–565.
3. Ahmad, Aijaz. In Theory: Classes, Nations, Literatures / Aijaz Ahmad. – Oxford Oxford University Press, 1992. – 149 с.
4. Барри, П. Введение в теорию: литературоведение и культурология / П. Барри. – Киев : Факел, 2008. – 360 с.
5. Саид, Э. Ориентализм / Э. Саид. – Киев : Издательство Соломии Павлычко «Основы», 2001. – 511 с.
6. Саид, Э. Культура и империализм / Э. Саид. – Киев : Критика, 2007. – 608 с.
7. Томпсон, Ева М. Трубадуры империи: Русская литература и колониализм / Ева М. Томпсон. – Киев : Издательство Соломии Павлычко «Основы», 2008. – 368 с.
8. Брюбейкер, Р. Переобращенный национализм. Статус нации и национальный вопрос в новой Европе / Р. Брюбейкер. – Львов : Кальвария, 2006. – 280 с.
9. Спивак, Г.Ч. Может ли подчиненное говорить? / Г.Ч. Спивак // Антология мировой литературно-критической мысли XX в. ; под ред. М. Зубрицкой. – Львов : Летопись, 1996. – С. 540–543.

The article has considered the development of post-colonial studies in literature. The author investigates the vector of formation of post-colonial criticism from the narrative analysis of the colonized people, and also the liberation of these people from the power of the imperial stereotype (E. Said) to the analysis of the nation as a narrative model (Gomi K. Bgabga), and women's problem in the colonized space (Gayatri Ch. Spivak).

Поступила в редакцию 22.04.13

НАШИ АВТОРЫ

Абраменкова Мария Петровна – аспирант кафедры грамматики французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.

Артемова Ольга Александровна – кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры английского языка экономических специальностей факультета международных отношений БГУ. Тел. 209-57-57.

Аль Шибани Джамал – аспирант кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-69.

Васильева Татьяна Юрьевна – аспирант кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. Тел. (8-0212) 21-96-73.

Гецевич Юрий Станиславович – кандидат технических наук, зав. лабораторией распознавания и синтеза речи Объединенного института проблем информатики НАН Беларуси. Тел. 284-21-54.

Гутовская Марина Степановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языкознания филологического факультета БГУ. Тел. 227-50-10.

Карпук Галина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2 Гродненского государственного университета им. Я. Купалы. Тел. (8-0152) 74-07-39.

Ковалевская Ирина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной экономической коммуникации БГЭУ. Тел. 209-79-11.

Конашенко Екатерина Ивановна – аспирант кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-69.

Кордубан Юлия Николаевна – преподаватель кафедры теории и практики английской речи МГЛУ. Тел. 288-18-02.

Кохнович Татьяна Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Криштоп Инесса Сергеевна – аспирант кафедры зарубежной литературы МГЛУ. Тел. 288-25-63.

Крючкова Анна Евгеньевна – преподаватель кафедры грамматики французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.

Ласка Игорь Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Дипломатической академии Украины. Тел. (8-10-380-44) 238-15-45.

Могилевцев Сергей Александрович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-69.

Радецкий Евгений Николаевич – аспирант кафедры истории и грамматики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-72.

Скопинова Елена Николаевна – студент магистратуры кафедры прикладной лингвистики филологического факультета БГУ. Тел. 227-38-18.

Степанова Дарья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английской речи МГЛУ. Тел. 288-18-02.

Федосеева Виолетта Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка МГЛУ. Тел. 288-18-02.

Шевцова Алеся Константиновна – аспирант кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-69.

Юрчук Елена Александровна – кандидат филологических наук, зав. кафедрой украинского литературоведения и компаративистики Житомирского государственного университета им. И. Франко. Тел. (8-10-380-412) 37-27-63.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№3 (64), 2013

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *А.М. Горлатов*

Редакторы: *Н.С. Косякова, Л.М. Малинина*

Ст. корректор *С.О. Иванова*

Корректор *Л.И. Печенникова*

Журнал зарегистрирован

Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск

E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 24.06.13. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Ризография. Усл. печ. л. 9,77. Уч.-изд. л. 11,08. Тираж 100 экз. Заказ 31.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования “Минский государственный лингвистический университет”. ЛИ №02330/0548503 от 16.06.2009 г.
Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172